21/3199-30

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTBAS MINISTRIJA
PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XXX SĒJUMS. ТОМ XXX

RĪGĀ 1959 РИГА

21 3499-30 PT-75
30

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLITIBAS MINISTRIJA
PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР.
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XXX SĒJUMS. TOM XXX

1959: 18695

RIGA 1959 РИГА.

REDAKCIJAS KOLEĢIJA

Filoloģijas zinātņu kandidāte, docente A. Laua
Filoloģijas zinātņu kandidāts, docents J. Lezdiņš
Filoloģijas zinātņu kandidāte, docente M. Semjonova
Vec. pasniedzēja E. Pampe
Vec. pasniedzējs A. Grīnblats
Pasniedzēja L. Marauska

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кандидат филологических наук, доцент А. Г. Лау
Кандидат филологических наук, доцент Я. Я. Лездинь
Кандидат филологических наук, доцент М. Ф. Семенова
Старший преподаватель Э. Я. Пампе
Старший преподаватель А. Ф. Гринблат
Преподаватель Л. М. Марауская

FILOLOĢIJAS ZINĀTNES VALODNIECĪBAS RAKSTU KRĀJUMS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

4 A SĒRIJA. ВЫПУСК 4 A.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Предлагаемый выпуск Ученых записок Латвийского государственного университета является сборником лингвистических статей работников кафедр латышского, русского и английского языков историко-филологического факультета.

Ряд статей является разделами диссертаций, отдельные части из которых уже печатались в предыдущих выпусках Ученых записок. Так, статья А. Я. Озола представляет один из разделов его докторской диссертации. Статьи А. Т. Бояте, Я. Я. Кушкиса, В. Бейтане, А. Ф. Гринблата, З. А. Толмачевой, Н. П. Раздоровой и Т. И. Пабауской являются частями их кандидатских диссертаций.

Другие статьи (М. Ф. Семеновой, В. А. Юрика, Т. А. Якубайте) связаны с некоторыми научно-исследовательскими проблемами, разрабатываемыми на кафедре русского языка.

Основные направления научно-исследовательской работы, представленные в данном сборнике, связаны по кафедре латышского языка с изучением синтаксиса латышского литературного языка в историческом развитии, а также с изучением латышских говоров; по кафедре русского языка с сравнительным языкознанием и изучением вопросов современного русского литературного языка и языка русских писателей; по кафедре английского языка с изучением современного английского литературного языка в сопоставлении с латышским.

Все отзывы, замечания и предложения просим направлять в редколлегию по адресу: Рига, ул. Ленина 32.

PĒTERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS. 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ. ТОМ XXX. 1959.

ART. OZOLS

RAKSTURĪGĀKĀS LATVIEŠU TAUTASDZIESMU NOMINĀLĀS VĀRDKOPAS

Nominālās vārdkopas dalāmas divi daļās atkarā no galvenā vārda jeb komponenta. Nominālajās vārdkopās par galveno vārdu lietojams vai nu substantīvs [1] vai substantivēts citu vārdšķiru vārds, vai arī adjektīvs resp. particīps kā adjektivēta verba forma. Šīs vārdkopas attiecīgi saucam — pirmās par vārdkopām ar substantīvu centrā, otras — par vārdkopām ar adjektīvu centrā. Numerāļi kā vārdkopu galvenie komponenti tautasdziesmās, atskaitot atsevišķus izņēmumus (piem., skaitleni *simts:* Kur, Saulīte, tu redzēji Divi **simti** arajiņu? 33830 v.), nav parasti.

I Vārdkopas ar substantīvu centrā

Par atkarīgo komponentu šais vārdkopās lietojami citu patstāvīgo vārdšķiru vārdi. Vispirms aplūkosim vārdkopas, kurās substantīvs kā galvenais vārds pakārto verbu formas — infinitīvu un particīpu jeb lokāmo divdabi. Ar nelokāmajiem divdabjiem substantīvs sintaktiski saistās tikai izņēmuma kārtā. Ar verbu finītajām formām substantīvs stājas arī predikatīvās attieksmēs. Dažos gadījumos predikatīvās attieksmēs esoši vārdi kā teikuma kodols var iesaistīties saliktajās vārdkopās.[2] Pēc tam pievērsīsimies vārdkopām ar substantīvu centrā, kurās par atkarīgajiem komponentiem ir nomeni un adverbi.

---

[1] Ar substantīvu šai rakstā apzīmēts arī substantivēts citu vārdšķiru vārds, kas sastopams vārdkopās par galveno komponentu.

[2] Sk.: **A. Ozols**, Par dažiem vārdkopu sintakses jautājumiem latviešu klasiskajās tautasdziesmās. «Latvijas Valsts Universitātes Zinātniskie Raksti» XI sēj. Rīgā 1956, 172.—176. lpp.

1. Vārdkopas ar substantīvu centrā un infinitīvu kā atkarīgo komponentu.

Šais vārdkopās, kā to atzīst attiecīgo krievu valodas vārdkopu pētnieks A. I. Moisejevs: «... vārdi pakārto infinitīvu nevis atkarā no sintaktiski morfoloģiskām, bet gan atkarā no savām leksiski semantiskajām īpatnībām.»[3] Tā kā krievu valodā aplūkojamā tipa vārdkopas lietojamas ar daudz vairāk substantīviem nekā latviešu valodā, tad šo vārdkopu klasifikācijai pēc komponentu (faktiski pēc centrālā komponenta) leksiski semantiskajām īpatnībām ir noteikts pamats. Visumā A. I. Moisejeva izvirzītās apakšgrupas tiek ievērotas arī V. A. Belošapkovas pētījumā [4], kas cilmes ziņā jaunāks. Taču viņa izdala tikai divus dominējošos tipus šais vārdkopās: 1) vārdkopas ar galveno vārdu — lietvārdu, kam vispārīga modāla nozīme, un 2) vārdkopas ar galveno vārdu — lietvārdu, kam nav modālas nozīmes. E. Soida, pētījot attiecīgas latviešu valodas vārdkopas, atbilstoši latviešu valodas faktu materiālam devusi citu dalījumu, norādot, ka 1) galvenais komponents šais vārdkopās nosauc tādus priekšmetus vai parādības, kas pavada vai arī izriet kā infinitīva nosauktās darbības sekas,[5] 2) infinitīvs kā atkarīgais komponents substantīvu vārdkopās apzīmē nolūku[6] un 3) dažos gadījumos infinitīvs kā atkarīgais komponents substantīvu vārdkopās lietots vienkārši kā apzīmētājs.[7] Kā redzams, šai dalījumā, diemžēl, nav ievērots viens dalījuma princips. Pirmā grupa izdalīta pēc vārdkopā ietilpstošo vārdu leksiski semantiskajām īpatnībām, bet otra un trešā grupa izdalīta pēc infinitīva sintaktiskās funkcijas īpatnībām. Nav norādīts pēdējās divi grupās ietilpstošo galveno substantīvu leksiski semantiskais raksturs. Ekscerpētais latviešu klasisko tautasdziesmu valodas materiāls dod pamatu aplūkojamās vārdkopas iedalīt gan pēc leksiski semantiskā principa, gan pēc sintaktisko funkciju principa. Pie tam šai ziņā vērojama

---

[3] **А. И. Мойсеев,** Словосочетания с зависимым инфинитивом в современном русском литературном языке. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. 1» Ученые записки Ленинградского госуд. унив-та. № 156, Л., 1952, 132. lpp.

[4] **В. А. Белошапкова,** Словосочетания с инфинитивом. «Грамматика русского языка. Том 11. Синтаксис. Часть 1» Изд. АН СССР, М., 1954, 293.—302. lpp.

[5] **E. Soida,** Vārdkopas jaunlatviešu publicistiskajos rakstos («Pēterburgas Avīzēs»). Disertācija filoloģijas zinātņu kand. grada iegūšanai. Rīgā 1954, 524. lpp. (Manuskripts P. Stučkas Latvijas Valsts universitātes bibliotēkā. Turpmāk citātos disertācijas virsraksts saīsināts: Vārdkopas...).

[6] Turpat, 525. lpp.

[7] Turpat, 525. lpp.

īpaša saderība abu principu starpā. Vienā grupā ir vārdkopas ar abstraktas nozīmes substantīviem, no kuriem atkarīgais infinitīvs funkcionē teikumā par attiecīgā substantīva apzīmētāju. Otrā grupā ir vārdkopas ar konkrētas nozīmes substantīviem, no kuriem atkarīgais infinitīvs funkcionē teikumā par nolūka apstākli.

1) Vārdkopas ar abstraktas nozīmes substantīvu centrā un atkarīgo infinitīvu, kam apzīmētāja funkcija teikumā

Šais vārdkopās izšķiramas divas grupas atkarā no infinitīva nosauktās darbības subjekta. Vienā grupā sastopam subjekta infinitīvus, otrā — objekta infinitīvus. Abās grupās lietojami tikai zināmi abstraktas nozīmes substantīvi vai tādi konkrētas nozīmes substantīvi, kam pārnesta abstrakta nozīme (galviņa 11389 = prāts; sirds 6309 = drosme): *brīve, domas, galv(iņ)a, gods, grēks, kauns, laiks (laiciņš), luste, prāts (prātiņš), prieks, sirds, vaina, vaļ(iņ)a, vara.*

Vārdkopās ar substantīvu centrā un atkarīgo subjekta infinitīvu tā pārvaldītājs substantīvs sastopams nominatīvā [8], pie nolieguma — ģenitīvā. Infinitīva subjekts izteikts datīvā, kas atkarīgs no vārdkopas centrālā vārda nominatīvā un no eksistenciālā nozīmē lietotā verba *būt* finītajām formām. Vārds datīvā apzīmē subjektu, kam ir vai pieder tas, kas izteikts ar vārdkopas galveno vārdu nominatīvā. Verba *būt* formas norāda, no vienas puses, ka eksistē ar nominatīvu nosauktais priekšmets vai parādība, no otras puses, norāda, ka ar nominatīvu nosauktais priekšmets vai parādība ir vai pieder ar datīvu apzīmētajam subjektam, kas ir arī finītā verba subjekts. Šais konstrukcijās attiecīgās vārdkopas iekļaujas arī predikatīvās attieksmēs. Verba *būt* indikatīva tagadnes forma parasti nav lietojama un tāpēc attiecīgajā konstrukcijā nav arī uzlūkojama par elidētu. Uz domām par elipsi

---

[8] Gadījumi, kuros lietots centrālais substantīvs ģenitīvā arī nenoliegtās konstrukcijās, skaidrojami ar attiecīgā biežāk lietotā nolieguma ģenitīva ietekmi:

Tev ir vaļas klausīties, **Nav tev vaļas** bildināt. 493, 4 u. c.

Piezīme. Tautasdziesmu citējumi doti no Kr. Barona «Latvju Dainām». Citējumi no fraktūras transliterēti latīņu burtiem, saglabājot nemainītu patskaņu garumu apzīmējumu un interpunkciju.

vedina fakultatīvi lietotā indikatīva forma *ir* un obligāti lietojamā nolieguma forma *nav:*

Ja gribiet, nieciniet, Nu ir **laiks** niecināt: 4821,1; citi piemēri ar: ir **laiks** ņemt 12181; 13096; **laiks** (ir(a) atstāt 7732,1;

Vaj, tautiet, tev nav **kauna** Dot man vara gredzentiņu? 6415;

Nava **laika**, nava **laika** Man vēl ieti tautiņās: 8141; u. c.

Parastākais šo vārdkopu modelis veidojas, centrālajam substantīvam pārvaldot infinitīvu un iekļaujoties predikatīvā konstrukcijā ar datīvu kā infinitīva subjektu:

Māsiņ, skaista izauguse, Kur man bija tevi likt?

Žēl man tevi tautām dot, **Grēks** *pašam* maldināt. 3511,1;

Es savām māsiņām Pa siekam linu sēju,

Lai *man* **luste** klausities, Kad dzeedaja ravedamas. 620 v.;

Kas *tai* **vainas** netujāt, Pilna māga kukainišu. I 2504,2;

Niecinait nu, ļautiņi. Nu *jums* **vaļa** niecināt: 8731; u. c.

Šīs vārdkopas var tikt paplašinātas, pakārtojot kā nominatīvam, tā datīvam kādu vārdu, kam teikumā apzīmētāja funkcija. Biežāk paplašinājums sastopams pie infinitīva, kas var pārvaldīt nomenu un pronomenu formas, kam teikumā papildinātāja vai apstākļu funkcijas, kā arī var piekļaut adverbus:

Savu laiku *meitai* **gods Valkāt** zīļu vaiņaciņu 6214,4;

Kauns manam *tēviņam* Kalpa puisi znotu **saukt.** 10008;

Vēl *man* **laiks sagaidīt** Ziedošā dāboliņa. 11147;

Dailis tavis auguminis, **Prieks** *man* tevi **uzskatīt.** 5371;

Ej malt, mana līgaviņa, Mal dižani dziedadama,

Lai *man* **luste klausities** Ar māmiņu istabā. 663;

Citā šo vārdkopu modeļa paveidā sastopami substantīvi, kas pārvalda divus infinitīvus, no kuriem, savukārt, atkarīgi citi vārdi.

Vaļa *man* lielai **augt,** Lielu pūru **darināt** (al.: **piedarīt**). 7558;

sal.: **vaļa šūt, piedarīt** 7900; **laiks augt, darināt** 8780;

Kad kokiem lapas birst, **Laiks** *man* **iet** t a u t i ņ ā s,
Laiks *man* **iet** t a u t i ņ ā s, **Atstāt** t ē v u m ā m u l i ņ u. 5979.

Infinitīva subjekts paliek implicīts gadījumos, ja tas minēts iepriekšējā teikumā (vai teikuma daļā):

Vaļa, vaļa, liela vaļa Ezermalas *meitiņām:*
Ik rītiņa liela **migla, Vaļa** m i e g u **izgulēt.** 6808;
citi piemēri: **grēki** m a l d i n ā t 11074; **prātiņš** ņ e m t, p i r k t 11223; **kauns** s a u k t 6300,3.

Parasts ir arī šo vārdkopu modelis bez datīva kā infinitīva subjekta:

Prātiņ tavu, **galviņ** tavu, **Ņemt** b a g ā t u l ī g a v i ņ u. 11398;
Aijā, bērniņš, mežā dabūts!
Kauns m ā j ā **pārnest, grēks** m e ž ā **atstāt.** 2129,2;
Tur bij **luste** a l u **dzert.** Kur lustigi saimenieki: 791; u. c.

Datīvs konstrukcijās ar verba *būt* formām reizē iekļaujas kā teikumpriekšmeta kopā (piem., «domas tēvam»), tā izteicēja kopā (piem., «bija tēvam»), kas pie tam invertējamas:

Domas b i j a t a m *tēvam,* Kam aug meitas, kam aug dēli:
K a p l i **kalt,** d z e ņ u **vīt,** K r i j u **plēst,** p ū r u **šūt.** 1985;
Kauns n e b i j a k r u s t a *mātei* **Uzsegt** l i n u p a l a d z i ņ u? 1821;
Veca mana māmulite, **Laiks** *tai* b i j a v e c a i **būt:** 3265;
T i k *vecam* **lustes** b i j, K ā p i e c e p ļ a **sildities.** 5278;
T ā s **vaļiņas** v i e n n e b i j, *Bāliņam* m ā s u **rāt.** 3606;

Reti sastopam substantīva vārdkopas ar atkarīgo infinitīvu konstrukcijās ar verba *būt* nākotnes formām:

Kad, tautiet, mani ņemi, Ņem papriekšu kalponiti:
Viena malt es neiešu, *Tev* b ū s **kauns palīdzēt.** 10004;
Lai teic mani sveša māte, B ū s *tev* **luste klausities.** 6877.

Ļoti reti lietojams arī verbs *būt* citās izteiksmēs, piemēram vēlējuma izteiksmē:

Ak, dieviņ, kad nenāktu Bāliņam līgaviņa!
Man b ū t' **vaļa** l i e l a i **augt,** L i e l u p ū r u **darināt.** 7550.

V ā r d k o p ā s a r s u b s t a n t ī v u centrā un a t k a r ī g o o b j e k t a i n f i n i t ī v u tā pārvaldītājs substantīvs sastopams akuzatīvā vai ģenitīvā (kas tautasdziesmu valodā bieži mijas ar akuzatīvu). Infinitīva subjekts izteikts datīvā, kas atkarīgs no zināmas nozīmes verbu *(dot, likt, ļaut)* finītajām

formām un funkcionē teikumā par netiešo papildinātāju. Vārdkopas centrālais substantīvs, būdams, savukārt, atkarīgs no tā paša finītā verba, funkcionē teikumā par tiešo papildinātāju. Ekscerpētajā materiālā konstatēts tikai viens centrālais substantīvs: *vaļa*[9] un tam sinonīmā nozīmē lietotais *vara:*

Ļaujat *man* pašai **vaļas,** Arajiņu **lūkoties;**
Tā nav balta villainite, Uzsedzama, nosedzama. 10167;
Ļaujat *man* pašam **vaļu,** Līgaviņu **lūkoties;**
Lai mūžiņš kāds būdams, Ne uz viena neraudašu. 11260;
liekat **varu izlūkot** 10168,1.

2) Vārdkopas ar konkrētas nozīmes substantīvu centrā un atkarīgo infinitīvu, kam nolūka apstākļa funkcija teikumā.

Arī šais vārdkopās sastopami subjekta un objekta infinitīvi, taču to lietojums atšķiras no lietojuma vārdkopās, kurās atkarīgajam infinitīvam apzīmētāja funkcija. Ja tanīs subjekta infinitīvs funkcionēja blakus galvenajam substantīvam nominatīvā resp. pie nolieguma ģenitīvā, tad šais vārdkopās subjekta infinitīvs funkcionē arī blakus galvenajam substantīvam akuzatīvā resp. ģenitīvā.

Konstrukcijās ar nominatīvu (pie nolieguma — ar ģenitīvu) kā centrālo substantīvu lietojamas verba *būt* formas.[10] Infinitīva subjekts datīvā saistās predikatīvā konstrukcijā ar galveno substantīvu, kas nosauc to priekšmetu vai parādību, kas var noderēt ar datīvu nosauktajai dzīvajai būtei tam nolūkam, kas izteikts infinitīvā:

Ruds peleks **akmentiņš** *Sieviņām* apsēsties. 1083;
Sitam ežus, kaujam ežus, Metam katlā, vārisim.
Tētem pepe, memmei pepe; *Bērniem* **suliņa,** maiziti mērcēt,
Kaķitim **šķīvitis,** izlaizīt, *Sunitim* **kauliņš,** noskrubināt. 2186,5;
Ne *man* miega, ne darbiņa, **Ne spēlišu** klausīties, 9544,2.

---

[9] Citi piemēri: *man* deva **vaļiņu** darināt 5651; liec *man* **vaļas** šūt 7710; *tev* **vaļas** likšu lielities 7711; 10168; 10169.

[10] Sastopami arī izņēmumi, kuros funkcionē citas nozīmes verbi, bet ar objekta infinitīvu:
Bērziņam **lapas** plauka Vējiņam **vēdināt;** 8348.

Nereti šais vārdkopās infinitīva subjekts ir implicīts un transformējams (sekojošos piemēros «bārenīte > bārenītei»; «puisīti > puisītim»; «meitas > meitām resp. jums»):

Bārenite nabadzite, Nav sarkanu dzīpartiņu,
Nav sarkanu **dzīpartiņu,** Ko dāvanas izrotāt. 4909;
Ko, puisiti, tu domaji, Maukdams manu gredzentiņu?
Vaj domaji citu pirkt, Vaj saukt savu līgaviņu?
Nav naudiņas citu pirkt, Saukšu savu līgaviņu. 6300,1;
Nākat meitas mazgaties, Še **autiņš** slaucities. 9283.

Nereti sastopam arī šo vārdkopu modeli bez datīva kā infinitīva subjekta:

Ne tie **rati** pūru veste, **Tie** nabagu vizināt: 16390.

Ekscerpētajā materiālā nav konstatētas vārdkopas ar konkrētas nozīmes substantīvu kā centrālo komponentu un ar verba *būt* indikatīva pagātnes vai nākotnes formām. Ir reti piemēri ar verba *būt* vēlējuma izteiksmes formām:

Kad *man būtu* vara **šķēres,** Meža galus līdzināt;
Kad *man būtu* ašķu **siets,** Sijāt ļaužu valodiņas! 8515,4.

Konstrukcijās ar akuzatīvu resp. ģenitīvu kā centrālo substantīvu, kas atkarīgs no dažādas nozīmes verbiem, un ar datīvu kā infinitīva nosauktās darbības subjektu, infinitīvs parasti funkcionē kā objekta infinitīvs[11]:

Dod, māmiņa **villainiti,** Kur pāditi *man* ietīt; 1349;
Dodat *man* vaŗa **šķēres,** Meža galus līdzināt. 5313,1 u. c.

Trūkstot šais konstrukcijās datīvam, no substantīva atkarīgā infinitīva raksturs nosakāms pēc konteksta. Tas biežāk ir subjekta infinitīvs[12]:

Es izgāju jūrmaliti, Skaistu ziedu mekledama,
Skaistu **ziedu** mekledama, Skaistu vīt vainadziņu. 5834;
Sīvu nātru **cimdus** adu, Tautu dēlu sveicināt, 7312;
Liepu lapu **tiltu** taisa Mani vest šoruden. 10177.

---

[11] Ja centrālais substantīvs atkarīgs no verba *vajadzēt,* kas saistās ar datīvu kā infinitīva nosauktās darbības subjektu, infinitīvam *subjekta* infinitīva raksturs:

Man vajaga zelta **ķēdes,** Meža galus līdzināt;
Man vajaga drāšu **sieta,** Sijāt ļaužu valodiņas. 8515, 6.

[12] Citi piemēri: pērc **šķēres** līdzināt 5313; ņemšu **šķēres** līdzināt 8515, 5; ņemšu **sietu** sijāt 8515,5; atnācu **sieta** sijāt 9070; dod **mēli** iesijāt 8523; **trīs** paturēju karināt 10291; **trešo** paturēju karināt 10291,2; **ratus** sita vizināt. 11951.

Retāk tas ir objekta infinitīvs:

Kurš puisitis mani ņēma, Lai vij asu pātadziņu;
Es jau pate **linus** došu, Pātadziņu vīdināt. 10089;
Iznes mana bērza **rīksti,** Kumeliņu drīzināt. 1355;
Bāliņš savu līgaviņu Ik vakarus skumdinaja:
Rudzu **sieku** tas iebēra, Ko no rīta ritināt. 7963.

Aplūkotās vārdkopas ar atkarīgo infinitīvu, kam nolūka apstākļa funkcija teikumā, mūsdienu literārajā valodā parasti tiek aizstātas ar palīgteikumu. Tādus palīgteikumus ievada saikļa vārdi *ko, ar ko, kur* ar attiecīgā verba infinitīvu vai arī ar saikli *lai* ar attiecīgā verba indikatīva vai vēlējuma izteiksmes formām. Piemēram kādu tautasdziesmu transformējumi:

Es jau pate linus došu, **ko** pātadziņu vīdināt; (sal. 10089);
Es jau pate linus došu, **ar ko** pātadziņu vīdināt;
Es jau pate linus došu, **lai** pātadziņu vīdina (vīdinātu).
Liepu lapu tiltu taisa, **kur** mani vest šoruden. (sal. 10177).

Dažkārt šais konstrukcijās infinitīvu mūsdienās aizstāj arī ar tās pašas saknes verbālo substantīvu ar *-šana,* attiecīgi transformējot no tā atkarīgos vārdus, piemēram: «Es jau pate linus došu pātadziņas vīdināšanai.»

Aplūkotajās vārdkopās zināmā mērā atklājas infinitīva senākā daba. Kā zināms, infinitīvi pēc cilmes ir sena verbālnomena datīva locījumi.[13] Minētajās vārdkopās redzama šo datīvu finālā nozīme, uz ko netieši aizrāda arī iespējamās sinonīmās konstrukcijas ar datīva formu no verbālnomena ar *-šana.*

Piezīme.

Tikai kā konstrukciju aizsākumi, kas nav guvuši latviešu valodā tālāku attīstību, pieminamas vārdkopas, kurās infinitīvs atkarīgs no verbāla nomena. Apzinoties šādu konstrukciju izolētību, Kr. Barons LD-ās tās rakstījis kā salikteņus:

Mauj gosniņas, blēj aitiņas, Dzirdej' mani runajam:
Es ziemā **ēstdeveja,** Es vasaru ganitaja. 28946 v.

2. Vārdkopas ar substantīvu centrā un substantīvu kā atkarīgo komponentu.

1) Par vārdkopām ar saskaņotiem substantīviem.

Aplūkodams šā tipa vārdkopas, J. Endzelīns min nosacījumus, kādi substantīvi kādos apstākļos saskaņojas:

[13] Sal.: **J. Endzelīns un K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 267. §, 161. lpp.

«Stāvot blakus kādam citam substantīvam un atrodoties vienādā locījumā ar to, substantīvs var būt tā atribūts (tā darītāju vārdi ar — *(t)ājs* un *-ējs*, piem., *dzērājs puisis bèdājās* BW 19903,5, un salikteņi ar *-is* resp. *-e*, piem., ak. *baltmutīti līgaviņu* BW 21247,1, *gaŗaste māte* u. c. Mülenbacham 1. c. 292. §) vai apozicija (piem., *cīrulītis, mazputniņš, augsti skrēja dziedâdams* BW 2646); skat. arī 393. § un Mülenbacha DJ I 7 skk.» L Gr.[14], 820. §, 1023. lpp.

Citātā iekavās minētos nosacījumus, kuri no saskaņotajiem substantīviem ir atkarīgi, kuri neatkarīgi, bez atrunas atzīst par pareiziem E. Soida attieksmē uz šā tipa vārdkopām «Pēterburgas Avizēs»[15]. Viņa tikai izskaņu kritēriju atkarīgā saskaņotā substantīva noteikšanai papildina ar izskaņu *-nieks:* no diviem saskaņotiem substantīviem atkarīgais ir tas, kam izskaņa **-nieks** (dumpiniekiem poļiem P A 1863. 185; strādnieki **cilvēki** PA 1864. 110)[16]. Te minami arī piemēri no tautasdziesmām: grēcinieki **bāleliņi** 25854; mainenieki **bāleliņi** 14448; nebēdniekus **bāleliņus** 18027; piegu|nieki **bāleliņi** 28923; 28923,2—3; rijniecin **bāleliņ** 31599; līdzīgi: 31597; 31598; 31600—31606; krāpniekis tautu **dēlis** 26872; u. c.

Taču šāds netieši izvirzīts izskaņu kritērijs, pēc kura nosakāma saskaņoto substantīvu atkarība, neaptver visus gadījumus un nav piemērojams bez atrunas.

Vispirms jau jābilst pret ierobežojumu, it kā atkarīgajam saskaņotajam substantīvam, kas beidzas ar *-is* resp. *-e*, jābūt saliktenim (piem., Sērdieņi **bērni** 4535,2 v.; Koksirdītis tēva **dēlis** 21681; Koksirditi **arajiņu** 23784). Ir daudz piemēru, kuros atkarīgais saskaņotais substantīvs nav saliktenis, bet atvasināts vārds ar negāciju resp. ar noliegumā partikulu *ne* kā prefiksu (atkarīgie substantīvi retinātā iespiedumā): nelietniti **bāleliņi** 12115; nelietis tautu **dēls** V 14262,1; netārpji tēva **dēli** 8720,5; netiklitis tautu **dēls** 21802; netiklitis tēva **dēlis** 5426; neveikliši **arajiņi** 21894; neveiklitis **arajiņš** 21912; neveikliti **bāleliņu** (vokatīvs) 12115,4. Salikteņi tie ir pēc prof. J. Endzelīna izpratnes.[17]

---

[14] Šifra **L Gr.** nozīmē: **J. Endzelīns,** Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.

[15] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, skat.: 342., 344. un 346. lpp.

[16] Turpat, 346. lpp.

[17] Skat.: L Gr., 255.—256. lpp.

Ekscerpētais tautasdziesmu valodas materiāls rāda, ka ir daudz tādu saskaņotu substantīvu lietošanas gadījumu, kuros atkarīgajam substantīvam nav izskaņas *-(t)ājs, -ējs, -is, -e, -nieks*. Šais gadījumos izskaņas ir tik dažādas, ka tās nedod drošu kritēriju atkarīgā saskaņotā substantīva noteikšanai. Tāpēc atkarīgā saskaņotā substantīva nošķiršanai no neatkarīgā jāizvirza leksiski semantisks kritērijs, tam pakārtojot izskaņu mērauklu.

Jāatzīmē, ka substantīvi ar minētajām izskaņām ir atkarīgie komponenti vārdkopās, kurās galvenais substantīvs nosauc nedzīvus priekšmetus vai parādības. To liecina E. Soidas piemēri [18] un latviešu klasisko tautasdziesmu valodas materiāls: **tapa** āzbāzeja V 19847[1]; bezdibinis **avotiņš** 24504,7 v.; pirkstainišus **cimdus** 7244; kā arī **cimdus** pirkstainišus 7291,1 v.; 7302,1; u. c. Kā redzams, atkarīgie substantīvi izsaka raksturīgu pazīmi, kas piemīt ar neatkarīgo substantīvu nosauktajam priekšmetam.

Ja saskaņotie substantīvi vai arī viens no tiem nosauc dzīvas būtes, izskaņu kritērijs vairs nevar būt vienīgais atkarīgā substantīva noteikšanai. Visspilgtāk to rāda gadījumi, kuros abiem substantīviem ir šķietamajā kritērijā nosauktās izskaņas. Piemēram: *dzērājs arājs* (*dzērajiņu arajiņu* 7515,1; *dzēraju arajiņu* 9491; *dzērajis arajiņš* 26969; *dzērajiņis arajiņš* 26984 v.), *dzērejs arajs* 2699 v. (*dzēreju arajiņu* 8001,3 v.; 27036), *neveiklitis arajiņš* 21912. Minētajās vārdkopās abi substantīvi nosauc dzīvai būtei (cilvēkam) raksturīgas pazīmes: no vienas puses, profesiju (*arājs, arājiņš*), no otras puses, psihofiziskas īpašības (*dzērājs, neveiklitis*). Tamlīdzīgos gadījumos par vārdkopas neatkarīgo komponentu atzīstam substantīvu, kas nosauc personu kādā radniecības, darītāja, profesijas vai sociālās piederības nozīmes vārdā, par atkarīgo komponentu to substantīvu, kas nosauc personas psihofiziskās pazīmes vai īpašības tieši vai pārnestā nozīmē ar priekšmetu, augu vai kustoņu vārdiem. Piemēri ar atkarīgajiem substantīviem, kam nav pārnestas nozīmes: delveriti **arajiņu** 21853; delveriti **bāleliņu** 3592; dumburiši **arajiņi** 9763,9; vecis **arajiņš** 22108; pastaris **bāleliņš** 16691; ķeparitis tautu **dēls** 24414; nelga tēva **dēls** 24519; sliņķis, tautu **dēls** 20108 v.; sebulits tautu **dēls** 16204; 16204,1; sliņķis tēva **dēls** 9912,11; šķelmis tautu **dēls** 17972; tiepša tautu **dēls** 7410,1 v.; krievis tautu **dēls** 22466; u. c. Te minami arī

[18] E. Soida, Vārdkopas... Rīgā 1954, 342.—345. lpp.

dzīvnieku nosaukumi kā neatkarīgie substantīvi un šo kustoņu īpašību nosaukumi kā atkarīgie substantīvi: dancotajs **kumeliņš** 600,1; dancotaju **kumeliņu** 474,5 v.; u. c.

Piemēri ar atkarīgajiem substantīviem, kam ir pārnesta nozīme: Zaļa niedre tautu **dēls** 21417; skuķis, tautu **dēlis** 14379,3; u. c.

Izvirzītais leksiski semantiskais kritērijs dotajā formulējumā nav attiecināms uz gluži visiem ekscerpētajiem saskaņoto substantīvu vārdkopu modeļiem, kuros substantīvi nosauc dzīvas būtes. Sastopami arī piemēri, kuros abi saskaņotie substantīvi ir tādi personu nosaukumi, no kuriem viens apzīmē radniecības stāvokli, otrs profesiju vai darītāju. Te rodas jautājums, kurš no tiem ir atkarīgais saskaņotais substantīvs, kāda ir tā vieta — prepozitīva vai postpozitīva — attieksmē pret galveno substantīvu un līdz ar to jautājums par attiecīgo komponentu kā pielikumu: *araji bāleliņi* 850 v.; *vietraudziši bāleliņi* 25854 v.; *atraitnis arajiņš* 4962,1; *atraikni vīru* 33595,4; u. c. Šādos gadījumos varētu izvirzīt citu semantisko kriteriju: no diviem saskaņotiem substantīviem par neatkarīgu atzīstams tas, ar kuru nosaukta priekšmeta pastāvīgākā (mazāk mainīgā) pazīme («bāleliņš, brāleliņš, arājiņš, vīrs»), par atkarīgo atzīstams tas, ar kuru nosaukta priekšmeta akcidentālā, vairāk mainīgā pazīme («arāji, atraitnis»).

1959: 18695

2) Par substantīvu vārdkopām ar tieši pārvaldītiem substantīviem.

Substantīvi pārvalda substantīvus tieši, t. i., bez prepoziciju starpniecības visos atkarīgajos locījumos. Tāpēc šīs vārdkopas attiecīgi iedalāmas vārdkopās ar pārvaldīto ģenitīvu, datīvu, akuzatīvu resp. instrumentāli un lokatīvu.

Šo grupu robežās vārdkopas klasificē pēc leksiski semantiskajām attieksmēm, kādas pastāv starp vārdkopas galveno un atkarīgo komponentu. Semantisko attieksmju noteikšana ir saistīta, no vienas puses, ar asociācijām par locījumu nozīmēm, no otras puses, ar asociācijām par teikumlocekļiem, kādi rodas, vai nu transformējot attiecīgās nominālās vārdkopas verbālās konstrukcijās, vai arī salīdzinot šīs vārdkopas ar citām nozīmes ziņā ekvivalentām konstrukcijām.

Latvijas Zinātņu bibliotēka 2

a) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu.

Aprepozicionālie ģenitīvi kā substantīvu vārdkopu atkarīgie komponenti teikumā funkcionē par apzīmētājiem.

No sintaktisko attieksmju sinonīmijas viedokļa šīs vārdkopas aptver trīs grupas: a[1]) tādas, kas saderīgas ar nominālām konstrukcijām, kurās substantīvi atrodas saskaņojuma vai sakārtojuma attieksmēs, a[2]) tādas, kas saderīgas ar zināmām verbālām konstrukcijām, a[3]) tādas, kas nav saderīgas ar kādām citām konstrukcijām.

a[1]) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kas saderīgas ar nominālām konstrukcijām, kurās substantīvi atrodas saskaņojuma vai sakārtojuma attieksmēs.

Šai vārdkopu tipā izšķirami divi modeļi: 1) vārdkopas ar tā saucamo definitīvo ģenitīvu, kas saderīgas ar substantīvu vārdkopām, kurās tie atrodas saskaņojuma attieksmēs, un 2) vārdkopas ar tā saucamo pastiprinājuma ģenitīvu, kas saderīgas ar konstrukcijām, kurās attiecīgi substantīvi atrodas sakārtojuma attieksmēs.

Abi vārdkopu modeļi raksturīgi latviešu klasisko tautasdziesmu stilam.

Vārdkopas ar definitīvo ģenitīvu.

Daudzām vārdkopām ar definitīvo ģenitīvu,[19] kas sinonīmas ar vārdkopām, kurās atkarīgais substantīvs saskaņots ar galveno, sinonīmās vārdkopas atrodamas pašās dziesmās.

Piemēram:

dzēraj**iņ**a **arajiņu** 10508 (sinonīmi: dzēraj**iņ**u **arajiņu** 7515,1; dzēraj**iņ**š **arajiņš** 26984 v); dzēraja tautu **dēlu** 10133 v. (sinonīmi: 26970; 26949,1); dzēraja tēva **dēlu** 10133; 10134; V 26983[1]; sal.: 15796,1 (sinonīmi: 19908,1; 19906); neliešа tautu **dēls** 6150,1 v. (sin.: V 14262,1; 20108); netikļa tēva **dēls** 14578; sal.: 9926,2 v. (sin.: 5426; 9926,4,5); sēr-

[19] Tā šo ģenitīvu sauc **J. Endzelīns.** Skat.: LGr., 397. §, 560.—561. lpp. **K. Mīlenbahs** to raksturo un nosauc citādi: «Kā piederuma ģenitiva atvasis uzlūkojams pasugas jeb pielikuma ģenitivs» (**J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika, Rīgā, 1907, 298, 5. §, 174. lpp.)

dieņa **bērni** 4568 v.; 4614,2 v.; sal.: V 4614,1 (sin.: 4535,2 v.); araja **bāleliņš** 850; sal.: 30301 (sin.: 850 v.); pastara **bāleliņš** 18001,4 (sin.: 16691); piegu|nieku **bāleliņi** 28923 v.; sal.: 28923,2 v. (sin.: 28923; 28923,2—3); rijenieka **bāleliņ** 31598 v. (sin.: 31598; 31606); u. c.

Citos gadījumos sinonīmās vārdkopas definitīvā ģenitīva konstrukcijām [20] var dziesmās neatrast, taču paliek iespēja tās darināt:

Dravinieka **bāliņam** Vaska cimdi rociņā;

Arajiņa **bāleliņš** Smilšojāmi kājiņām. 30301.

Definitīvo ģenitīvu parasti lieto vienskaitlī, kaut arī galvenais substantīvs būtu daudzskaitlī. Taču pie tā samērā bieži arī definitīvais ģenitīvs nostājas daudzskaitlī:

Ieejami tie celiņi Zaļu mauru apauguši;

Istenieku **bāleliņi** Par svešiem palikuši. 3865,3.

Retajos gadījumos, kuros pie galvenā substantīva vienskaitlī definitīvais ģenitīvs daudzskaitlī,[21] tas var asociēties ar piederuma ģenitīvu:

Dravenieku **dēliņš** biju, Mežu sarga meitu jēmu: 22235; jāteniekū **dēliņš** 11199; bajaru tēva **dēls** 20584.

---

[20] Citi piemēri ar definitīvo ģenitīvu kā atkarīgo vārdkopas komponentu: dzērajiņa **dēliņam** 12409,3; sal.: 11647; jājejiņa **dēliņš** 34753; 34754; jātnieciņa **d.** 5119,1; kāzenieku **bāleliņi** 34632; pabažnieku **bāleliņi** 10225; panāksnieku b. 20997; robežnieka **arajiņi** 6181; strūdzenieku **bāleliņi** 4942; tīrumnieka **bāleliņ** 12405; vidzemnieku **arajiņu** 12060,6; vidzemnieku **bāleliņi** 18084,3; lubaniešu **arajiņi** 9617,1 v.; videniešu tautu **dēls** 6228,1 v.; neliešu tēva **dēls** 5899,2 v.; augstcepures tēva **dēlu** 12123; nāburgu **arajiņu** 10802,2; tautiešu **arajiņi** 28061; bārenites **bērniņš** 4490; cilvēka **bērniņš** 2130; ganu **bērni** 2559; nabadziņu **bērniņiem** 31169,1; nepraša **bērniņi** 20933; vārgu|a **bērniņam** 8300,1; atraitnīša **bāliņam** 22171; nabagu **bāleliņ** 16641; māršalku **brāliņ** 25739; guntiņas **dzirkstelite** 24860; svaiņa **blēdis** 13730,35; turku **blēdis** 3219,4; puišu **blēži** 431,4; jauna puiša **arajiņ'** 9991; nieka tautu **dēls** 868; bajara tēva **dēls** 31236; rauduļa tēva **dēls** 194 v.; tautieša tēva **dēls** 12940; u. c.

[21] Definitīvais ģenitīvs daudzskaitlī mēdz nostāties pie galvenā vārda vienskaitlī, ja pirmais nosauc uzvārdu vai ģimenes raksturotājvārdu, otrs personas vārdu:

Bēdz, meitiņ, bēdz, meitiņ, Nu nāk tavi precinieki:
Kalna Kušļu **Indriķits**, Skrandinieku **Andrieviņš**. 13344; sal.: Strūdzenieku **Andrieviņš** 16482 v.

It sevišķi stipras šādas asociācijas, ja galvenais substantīvs sieviešu dzimtes vārds. Pie sieviešu dzimtes vārdiem, kas apzīmē dzīvas būtes, definitīvo ģenitīvu nemēdz lietot:

D r a v e n i e k a **meita** biju, B i s e n i e k a **līgaviņa**; 2236. Sai piemērā jādomā par piederuma ģenitīvu.

Konstrukcijas ar definitīvo ģenitīvu kā pārprotamas jaunākajos laikos lietotas arvien mazāk. Pārpratumus var radīt tas, ka šis ģenitīvs uztverams kā piederuma ģenitīvs.

Vārdkopas ar pastiprinājuma ģenitīvu.

Akad. J. Endzelīns pastiprinājuma ģenitīvu neizdala īpašā grupā, bet aplūko sakarā ar dalāmo ģenitīvu: «Jēdziena pastiprinājumu ar ģenitīva palīdzību sastop tādos izteicienos[220] [«220 (Sal. lei. *vagių vagis* u. c. Mīlkes Anfangsgr. einer lit. Sprachl., 173. lpp. un Būgos K Sn. 97.»] kâ *pa malu malām* U (s. v. *mala*), *purvu purvi* BW 875,1, *caur debešu debešiem* 876, *pa zariņu zariņiem* 2417; *priēki lielu lielie* LP III 16 *vęcu vęcais ienaîds* 46 u. c.; par to arī Kauliņš BB XII 233 un Zubatijs O alliteraci 28.» (L Gr., 394. §, 555. lpp.)

Pastiprinājuma ģenitīvs nav identificējams ar dalāmo ģenitīvu, bet nošķirams patstāvīgā grupā šādu motīvu dēļ. Pirmkārt, pastāv sintaktiskas atšķirības to starpā: dalāmais ģenitīvs ir vienmēr postpozitīvs, pastiprinājuma ģenitīvs ir vienmēr prepozitīvs. Pie tam pastiprinājuma ģenitīvs lietojams tikai daudzskaitlī, bet dalāmais ģenitīvs arī vienskaitlī. Otrkārt, pastāv semantiska atšķirība, kas norāda pretējus daudzuma jēdzienus: dalāmais ģenitīvs nosauc d a ļ u, k a s ņ e m t a, s ā k o t n o l i e l ā k a d a u d z u m a tās pašas sugas priekšmetiem, (kas tiek «dalīti, nošķirti»), turpretim pastiprinājuma ģenitīvs nosauc v i s u s v a i i e s p ē j a m o v a i r u m u tās pašas s u g a s p r i e k š m e t u v a i p a r ā d ī b a s, kas tiek aptverti, s ā k o t n o m a z ā k a d a u d z u m a.

Pastiprinājuma ģenitīvu lieto daudzskaitlī[22] stāvoša vārdkopas galvenā substantīva spēcināšanai. Izteiksmes spēcinājums rodas uz netiešā atkārtojuma resp. konvarianta pamata — kā

---

[22] Tikai izņēmuma kārtā sastopam pastiprināmo ģenitīvu pie vienskaitļa formas substantīva:

Ak, es biju ē r m u **ērms**, Vēl ērmota līgaviņa: 22580,4 v. To lieto arī frazeoloģiskos savienojumos: d i e v u **dieviņam** 1055; 1144; 2978; 5926,8; 12683; 14840; 20039'; 23177,8; 23638; 24745,1; 25443; 28079; 28952; 30660; u. c.

galvenais, tā atkarīgais substantīvs ir vienas un tās pašas saknes un leksiskās nozīmes vārdi, katrs savā locījumā [23]:

D o m u **domas** izdomaju, Līcē cūkas ganidama. 10951,2;
Es māceju danci vest L ī k u m i ņ u **līkumiem** 33557;
Lodā bitite, Pa z a r u **zariem,**
Pa z a r u **zariem,** Pa l a p u **lapām;** LD V 202. lpp.

Ar pastiprinājuma ģenitīvu nav jaucams p i e d e r u m a ģ e n i t ī v s, kas arī atkarīgs no substantīva, kam tāda paša sakne, kāda ģenitīva substantīvam. Tādas vārdkopas lietojamas kā s a l i k t i r a d n i e c ī b a s n o s a u k u m i [24]:

T ē v u **tēvu** laipas mestas, B ē r n u **bērni** laipotaji;
Tā bērniņi laipojiet, Ka pietika mūžiņam. 3086;
Veca mana māmulīte, Laiks tai bija vecai būt:
D ē l u **dēli** arajiņi, M e i t u **meitas** malejiņas. 3265.

Vārdkopas ar pastiprinājuma ģenitīvu saderīgas ar konstrukcijām, kurās attiecīgi substantīvi atrodas sakārtojuma attieksmēs. Pāreju no aplūkojamām vārdkopām uz šīm konstrukcijām labi rāda gadījumi, kuros tās pašas saknes vārda ģenitīva vai instrumentāļa forma atrodas otras ģenitīva vai instrumentāļa formas priekšā, jo šais gadījumos zūd robeža starp pārvaldījumu un sakārtojumu:

Līkumu līkumu sētiņu daru,
Kur mana pādite zirdziņus ganīs. 1558; I 1558,1; sal.:
L ī k u m u **līkumiem** aploku taisu, 1558,2;
Stūru stūru tēva zeme, Rakstiem mātes villainites. 3791;
Skuju, skuju vecai mātei, Ne baltaju kriņģelišu! 1607;
Ziedu, ziedu (sin.: ziedu ziediem) Jānīts nāca,
Lapu, lapu (sin.: Lapu lapām) Pēterits.
Aiz Pētera lapiņām Neredz Jāņa kumeliņu. 33074.

Arī konstrukcijās ar nepārprotamām sakārtojuma attieksmēm pašās dziesmās atrodas sinonīmas vārdkopas ar pastiprinājuma ģenitīvu:

---

[23] Citi piemēri: par arumu arumiem 23568,5; V 13102,1; par atmatu atmatām 3249; 5226; 19586; sal.: 13628,5; 23568; pār ataugu ataugām 5226,7; baru bariem 11658; 28410,1; caurumu caurumiem 25839,2; ceļu ceļus 15908; ciemiņu ciemiņiem 11471; 23568,6; ciemu ciemus 12728; 12756,4; 18624; cilpu cilpas 23568,10; V 23568,1; dančų dančus V 24036 [1]; dubļu dubļi 16119,15; dūņu dūņas 15916,2; 16119,5; pa ežu ežām 32559,2; 32950; gabalu gabaliem 28309; 28310; u. c.; maliņu maliņām 271,1; 3851; mežu meži 224,13 v.; novadu novadiem 267,2; purvu purvi 875,1; riņķu riņķos 2958,1 v.; vakariņu vakaros 6955 c.; un ļoti daudzi citi piemēri.

[24] Leišu valodā turpretim savienojumam *vaikų vaikai* («bērnu bērni») ir pastiprinājuma nozīme. Sal.: **Senn,** Kleine litauische Sprachlehre, Heidelberg, 1929, 27. lpp.: vaikų vaikai — grosse Scharen von Kindern.

Lauziet, meitas, **zarus, zarus,** Virsunites atstājiet; 2765,2 v.
Lauziet, meitas, z a r u **zarus,** Virsuniti atstājiet; 2765,2.

Ja aplūkojamā sinonīmija tautasdziesmās nav plaši izplatīta, tam ir savs izskaidrojums.

Sakārtojuma attieksmes resp. divkāršojums tiek izmantots izteiksmes spēcināšanai, ja vārdi lietojami neatkarīgajos locījumos. Pastiprinājuma ģenitīvi turpretim kalpo to vārdu izteiksmes spēcināšanai, kuri teikumā lietojami atkarīgajos locījumos.

Jāatzīmē, ka pastiprinājuma ģenitīvu mēdz lietot arī pie salikteņiem, atkārtojot salikteņa pirmo daļu:

Ariet, brāļi, plēsiet, brāļi, Visu p u r v u **purvu-malas;** 3798,3; sal.: p u r v u **purvmalītes** 760,4; 2394; 3798; p u r v u **purvmaliņas** 3798,1.

Blakus šīm vārdkopām sastopam konstrukcijas ar sakārtojuma attieksmēm: visus **purvus, purvmaliņas** 3798,1 v. Retos gadījumos pastiprinājuma ģenitīvu lieto arī pie tās pašas saknes vārda, kam cita izskaņa: visas p u r v u **purvainites** 760,4 v. Kā izņēmumi sastopami pastiprinājuma ģenitīvi vienskaitlī: visas p u r v a **purvmalites** 760,4 v.

Vārdkopas ar pastiprinājuma ģenitīvu savu dzīvīgumu mūsdienu literārajā valodā nav zaudējušas.

a²) S u b s t a n t ī v u v ā r d k o p a s a r a t k a r ī g o ģ e n i t ī v u, k a s s a d e r ī g a s a r z i n ā m ā m v e r b ā l ā m k o n s t r u k c i j ā m.

Substantīvu vārdkopās ar atkarīgo ģenitīvu, kas saderīgas ar zināmām verbālām konstrukcijām, par galvenajiem komponentiem lietojami verbāli substantīvi, galvenokārt ar izskaņām *-ums, -(t)ājs* un *-ājs.*

Šai vārdkopu tipā izšķirami divi modeļi: 1) vārdkopas ar tā saucamo s u b j e k t a ģ e n i t ī v u, kas saderīgas ar zināmām predikatīvām konstrukcijām, un 2) vārdkopas ar tā saucamo o b j e k t a ģ e n i t ī v u, kas saderīgas ar zināmām verbālām vārdkopām.

Paši s u b j e k t a un o b j e k t a ģenitīva nosaukumi, liekas, ieviesti, salīdzinot minēto vārdkopu galveno komponentu attieksmes teikumā ar atkarīgajiem vārdiem pēc analoģijas ar tādu verbu attieksmēm teikumā, kuri pamatā šiem galvenajiem komponentiem. Tā, protams, ir rupja analoģija, taču tāda šai gadījumā ir attiecīgā gramatikas jautājuma nostādnes tradicija. Meklējot analoģiju, atkarīgie komponenti nereti jāiedomājas transformējumā. Atkarīgais komponents kā s u b j e k t a ģ e n i t ī v s transformējams nominatīvā, kas tad funkcionē kā galvenajam komponentam atbilstošā verba nosauktās darbības

subjekts resp. teikumpriekšmets. Subjekta ģenitīviem ir analoģija ar verbālām konstrukcijām arī bez transformācijas, jo tie var funkcionēt kā subjekti ģenitīvā pie attiecīgu galvenajam komponentam atbilstošu verbu ciešamās kārtas formām. Atkarīgais komponents kā objekta ģenitīvs transformējams akuzatīvā, kas tad funkcionē kā galvenajam komponentam atbilstošā verba nosauktās darbības objekts resp. papildinātājs.

Vārdkopas ar subjekta ģenitīvu.

Subjekta ģenitīvs [25] sastopams ne tikai pie verbālas cilmes galvenajiem komponentiem (ar izskaņu *-šana, -ums* u. c.), bet, kā redzams no J. Endzelīna minētā piemēra dieva **žēlastība,** arī pie citiem. Par to E. Soida: «Minamas arī tādas vārdkopas ar darītāju ģenitīvā, kurās par centrālajiem komponentiem funkcionē substantīvi, no kuriem iespējams atvasināt verbu.» [26] Kā piemēri minēti [27]: Napoleona **atbilde** PA 1862. 242.; ļaužu **drūzma** PA. 1862. 246.; sala **nāvē** PA 1864. 44 p.; bizmaņa **gaudas** PA. 1862. 38.; plūdu **skādi** PA 1864. 46; viņa **rakstu** PA. 1862. 183.

Nekavējoties pie daudzām plaši lietotām vārdkopām ar verbālas cilmes galvenajiem komponentiem,[28] atzīmēsim subjekta ģenitīvu pie retāk lietojamiem verbālas cilmes un ekscerpētajiem neverbālas cilmes galvenajiem vārdiem:

Ai, dieviņi, slikti rudzi Bāleliņa tīrumā.
Maksā, dievs, zirga **varu,** Bāleliņa **arumiņu.** 27899.
Daža laba tautu meita Paliek ļaužu **valodās.** 8361,2; sal.: Paliek ļaužu **apsmieklā** 8361 v.
Māmiņ' bija gudra sieva, Tavu muļķu **apdomiņu:**
Tā izdeva savu dēlu Par nobara villainiti. 25266,6.

---

[25] J. Endzelīns saskata subjekta ģenitīvā radniecību ar piederības ģenitīvu: «400. §. Rada ar piederības ģenitīvu ir **subjekta ģenitīvs:** *dieva žēlastība; sērdieniša... lùgumiņu* (ak.) BW 4024; *acu redzējums* 1946,6; *pa Laimites vēlējumu* 1946.» (L Gr., 562. lpp.)

[26] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā 1954, 378.—379. lpp.

[27] Turpat, 379. lpp.

[28] Piemēri: Kur tu ņēmi, bāleliņi, Tik lustigu līgaviņu?
Ir es ņemtu, kad vēl būtu Tās māmiņas **auklējums.** 21849; sal.: I 183 [1]; 23106; 30767; 30839; caunes **augumiņu** I 2407,1; bāliņa **augumiņš** 32042 v.; sal.: 31267; bērna a. 1096,4; bārenītes a. 4838; cilvecīņa a. 27576,1; egles a. 29427; māsas a. 16045; sal.: 24293; māsiciņas a. 4838,1; meitas a. 6894; 12429; sal.: 6178; 6579,1; 8394; puiša a. 8463; 10644,3; sal.: 11918,6; V 11918,6—7; sievas a. 1113; I 1113,1; snaudules a. 18586,1; tautieša a. 7359; vīra a. 5493; un ļoti daudz citu piemēru.

Vārdkopas ar objekta ģenitīvu.

Objekta ģenitīvs[29] sastopams tikai pie tādiem verbālas cilmes galvenajiem substantīviem, kas atvasināti no pārejošiem verbiem[30] ar izskaņām *-(t)ājs, -ējs, -šana, -ums, -iens, -nieks, -ēklis* un atsevišķiem citiem vārdiem:[31]

Būsi brāļa līgaviņa, Brālim g u l t a s **taisitaja,**
Brālim g u l t a s **taisitaja,** C i m d u, z e ķ u **aditaja.** 314; sal.: 4670; 13555; 13655,2; 15799,3; u. c. l a u k a **arajam** 26933; z e m e s **arajs** 14785; 24465; u. c., m a i z e s **arajs** (ar nozīmi «pelnītājs») 18918,2; sal.: 1167,3; 3579; 3975; 9741; 11214; 18953; 21461; u. c.; l i n u **arajs** (ar nozīmi «kopējs»), sal.: 10717; 22388; u. c., m i e ž u a. 10755,1; 19639; 24494; 33609; u. c.; p u p u a. 2510; p ū r u (t. i., kviešu) a. 24327,3; r u d z u a. 24327,3; sal.: 10745; k ā j u **āvejiņa** 4590; 11077; 11526; 13947; u. c.; c i m d u **adišana** 7284,3; k ā j u **āvumā** 9335,2; 10212,7; 15290,2; V 10212,1; u. c.; v ī ž u **āvumam** 27936; **kāju āvienā** 9335,12; 10212,13; V 10212,1; u. c.; c a u n a s **medinieki** 2408; t a u t i e š a **valdniece** 4586; l a i k a **kaveklits** 1162,1. Retos gadījumos objekta ģenitīvs nozīmē objektu instrumentālā nozīmē:

Sirms zirdziņš, balts arajs Viņā lauka galiņā.
Būt' man bijis tas zirdziņš, Tā z i r d z i ņ a **arajiņš.** 28141,2; sal.: 10715.

Jāpiezīmē, ka pie galvenajiem substantīviem ar *-ums* ģenitīvs, kas apzīmē dzīvu būti, var tikt lietots gan kā subjekta, gan kā objekta ģenitīvs. Ģenitīva nozīmi nosaka konteksts. Tā objekta ģenitīvi ir: d ē l a **auklejumu** 32136; sal.: 32129; d ē l i ņ a **auklejums** 32198.

Dažos gadījumos iespējams objekta ģenitīvu izprast arī kā nolūka vai piederības ģenitīvu. Tā, piemēram, pie galvenā substantīva *atslēga, atslēdziņa* ģenitīvs, kas nosauc priekšmetu, ne dzīvu būtni, var nozīmēt o b j e k t u, ko atslēdz, n o l ū k u, kāda priekšmeta slēgšanai atslēgu lieto, vai p i e d e r ī b u pie kāda priekšmeta, kura daļa tad būtu atslēga: k a m b a r i š a

---

[29] Sal.: **J. Endzelīns,** L Gr., 401. §, 562. lpp. **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 380.—384. lpp.

[30] **J. Endzelīns,** L Gr., 401. §, 562. lpp. min kā piemēru: *suôla* (var.: *uz benķa*) *gulēšana* 31037, kas šeit neiederas, jo galvenais substantīvs atvasināts no nepārejoša verba. Ja arī iebilstu, ka t. dz-ās verbs *gulēt* var tikt lietots kā pārejošs («gulu miegu»), tad šai gadījumā tomēr «sola gulēšana» drīzāk jāsaprot v i e t a s n o z ī m ē un jārunā par v i e t a s ģ e n i t ī v u.

[31] Piemēram: Mēs savu r u d z i š u **Apkūlas** dzēram; 28823 (sal.: «dzērām, rudzus apkūluši»)

atslēdziņu 2897; kapa **atslēdziņu** 27519; 27522; V 27522,1; klēts **atslēdziņas** V 2305,1; sal.: 7602; 13267; 13294; 13944; 15294; 19097; u. c.; lādes **atsl.** 15231,4; sal.: 34645; pagrabiņa **atsl.** 2897; plintes **atsl.** 9304; šķirsta **atsl.** 35170,1; pūra **atsl.** 15550; sal.: 7608; 7866; 15213; 15231,3; u. c. vārtu **atsl.** 2468.

Minētie piemēri parāda semantiskā kritērija nenoteiktību un līdz ar to grūtības vārdkopu klasifikācijā. Šīs grūtības lielākas, klasificējot vārdkopas, kas nav saderīgas ar kādām citām konstrukcijām un kurās attieksmes starp galveno un atkarīgo komponentu nosakāmas, paliekot šo komponentu semantikas robežās.

a[3]) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kas nav saderīgas ar kādām citām konstrukcijām.

Šai tipā pēc vārdu leksiski semantiskajām attieksmēm izdalāmas divas vārdkopu grupas: 1) tādas, kas atspoguļo piederības attieksmes specifiskā (šaurākajā) nozīmē un 2) tādas, kas atspoguļo piederības attieksmes apstākļu nozīmē, t. i., piederības attieksmes, kas asociējas ar atkarīgajiem vārdiem apstākļu funkcijā teikumos ar verbālām konstrukcijām.

Katrā no šīm grupām izšķirami vairāki leksiski semantisko attieksmju paveidi.

α) Substantīvu vārdkopas (ar atkarīgo ģenitīvu), kas atspoguļo piederības attieksmes specifiskā nozīmē.

Šai tipā izdalāmi pieci paveidi: vārdkopas, kurās atspoguļojas 1) veselā un daļas attieksmes; 2) īpašnieka un īpašuma attieksmes; 3) kolektīva locekļu attieksmes; 4) priekšmeta (kā satura ietvērēja) un satura resp. cilmes attieksmes un 5) priekšmeta (resp. dzīvās būtes) un tā kvalificējuma attieksmes.

α[1]) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kurās atspoguļojas veselā un daļas attieksmes.

Veselā un daļas attieksmes atspoguļojas starp substantīviem tā, ka atkarīgais ģenitīvs nosauc veselo un galvenais substantīvs tā daļu. Visspilgtāk šīs attieksmes atspoguļojas starp konkrētu priekšmetu nosaukumiem: krekla **apkaklē** 20500,4; rijas **ārdi** 6732; jūras **attakā** 11220,10; istabas **augšā** 33269; bikšu **aukla** 382,8; brunču a. 382,13; sprigu|a a. 20142; šūp|a a. 320,2; un ļoti daudzi citi piemēri. Te minami arī augu un to daļu nosaukumi: apsites **atvasites** 4025; bērza **atvasite** 2023,1; liepas a. 13659;

ozola a. 7355,1; vītola a. 1710,1; auziņas **atzaliņa** 32982; miežu **akotam** 28110,2; miežu **asniem** 2298,2 u. c.

Tikpat spilgti šīs attieksmes atspoguļojas starp dzīvu būtņu (atkarīgā ģenitīva) un viņu daļu nosaukumiem: vilka **acis** 23424,4; krauklа **asinis** 34137,1; kaķa **aste** 19299; cūkas **ausis** 32220; lūša **nagi** 16177,5; mēles **galiņā** 4800,2; bārenites **asariņas** 4999; u. c. No šīs grupas nav nošķirami dzīvnieku nosaukumi, ar kuriem var būt apzīmēta galvenā substantīva nosauktā objekta cilme, kā: briežа **āda** 22011; buļļa **āda** 25278; kazas **āda** 18332; u. c.

α²) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kurās atspoguļojas īpašnieka un īpašuma attieksmes.

Īpašuma un īpašnieka attieksmes atspoguļojas starp substantīviem tā, ka atkarīgais ģenitīvs nosauc īpašnieku un galvenais substantīvs tā īpašumu. Visspilgtāk šīs attieksmes atspoguļojas starp personas nosaukumu (atkarīgajā ģenitīvā) un konkrēta priekšmeta nosaukumu: nabadziņa **alutiņš** 19591; 31194; vīra **apģērbiņi** 20447,2; Laimes **atslēdziņu** 8243; brāļa **auti** 3550; pie tam īpašnieks dažreiz saprotams kā «autors»: spranču **adatiņa** 21239,1; u. c. Kā priekšmeta nosaukumi saprotami arī augu un vietu nosaukumi: bāliņa **āboliņu** 18770; kurzemnieku **apinīšu** 19955; kunga **auzas** 12626; brāļu **āres** 10388,1; tēva **ataugā** 3970; tēva **aplokā** 30611,3; brāļa **aizdurvē** 18871,2; saimenieka **aizkrāsnē** 11007; u. c.

Arī kustoņu kā dzīvu būtņu nosaukumi apzīmē ar atkarīgā ģenitīva nosauktās personas īpašumu: brāļa **govis** 28864 v.; puišu **kumeliņš** 29704,1; rijinieka **aveniņš** 31607; u. c. Kustoņu nosaukumi apzīmē īpašnieku attieksmē pret šo kustoņu veidotajiem mājokļiem: āpšu **ala** 30512; sermuliša **aliņā** 13562,3 u. c.

α³) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kurās atspoguļojas kolektīva locekļu attieksmes.

Kolektīva locekļu attieksmes starp substantīviem atspoguļojas tais gadījumos, kuros kā atkarīgais ģenitīvs, tā galvenais substantīvs ir personu nosaukumi. Šādā sakarā piederības ģenitīvu var saukt par attieksmes ģenitīvu: kunga **arajiņš** 2718; 4591,1; 28259; u. c.; meitiņas **arajiņš** 1962,3; tautu **arajiņš** 19197; tēva **arajiņi** 32685; vedeklas **bāleliņš** 10465; **bārenite** lielu radu 5045 v.; ķeizara **audzekniti** 22279 v.; u. c.

α⁴) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kurās atspoguļojas priekšmeta un tā satura (resp. cilmes) attieksmes.

Priekšmeta un tā satura (resp. cilmes) attieksmes starp substantīviem atspoguļojas tā, ka vārds atkarīgajā ģenitīvā parasti nosauc saturu, kāds atrodams ar galveno substantīvu nosauktajā priekšmetā, vai pazīmi, kas saistīta ar priekšmeta cilmi.

Šādu ģenitīvu var saukt par satura ģenitīvu. Tas aptver gan tā saukto dalāmo,[32] gan vielas[33] ģenitīvu.

Saturs parasti saprotams kā tās vielas vai priekšmeta nosaukums, no kā pagatavots vai no kā sastāv ar galveno substantīvu nosauktais priekšmets: pusnātna **apsedziņi** 5169; linu **audeklā** 12120,9; zīda **autu** 24460; 26909,3; 31324,1; tērauda **adatām** 25396; 32490,2; tēraudiņa **atslēdziņa** 28902,1 30505; medus **alus** 26940,6; bērzu **ataudziņa** 428,18; 5771,2; bērzu **birze** 826,1; 2023,1; 3692,1; 11994,3; 12956,8; 13701; u. c. liepu birzes 33126; ūdens **avotiņš** 15166,12 v.; āboliņa **cisas** 1720; ledus **kalna** 13268[1] 15927; 17528; 18720; 33296; u. c. māla **kalna** 252; 25984; 28284; u. c.; smilšu **kalna** 27638; 27548,1; viļņa **kalna** 33790. Pie tam saturs var attiekties ne uz visu priekšmetu, kas nosaukts ar galveno substantīvu, bet tā daļu: dūņu **ezeriņa** (ģen.) 13297,8.

Bieži dzejas valodā satura ģenitīvs nosauc ne reālo saturu, bet dzejas tēlu:

Es uzgāju gana meitu Birzē galvu sukajot:
Zīda **mati**, zelta **ķemme**, Sudrabiņa **suseklits**.
29487.

Citi piemēri: sudraba **avotiņi** 5036,4; 5037,4; 28986; 32570; u. c.; zelta **avotiņi** 5036,10; zelta **ābelite** 10290; zīda **aste** 2461,1; smilgu **arkli** 22613; dimanta **arklis** 33556; alvas **acis** 1775; svina **acis** 10328; u. c.

Pie zināmiem substantīviem satura ģenitīvs ir postpozitīvs. J. Endzelīns atzīmē šādus substantīvus: **pulki** meitu 281; **vezums** siena; **gabals** gaļas; **muca** alus; **mārciņa** linu. (L. Gr., 394. §, 555. lpp.). Bez tiem M. Briģe[34] atzīmē vēl šādus:

a) substantīvus mēru apzīmēšanai: *ass, birkavs, lasts, pods, pūrs, sieks* un b) substantīvus, kas ap-

---

[32] J. Endzelīns, L Gr., 394. §, 555. lpp.

[33] Turpat, 399. §, 561.—562. lpp.

[34] M. Briģe, Rekcija Kr. Barona Latvju Dainās (IV sējumā). Diplomdarbs. Rīgā, 1952. 1. lpp. (Atrodas Pētera Stučkas Latvijas Valsts universitātes Vēstures un filoloģijas fakultātes bibliotēkā).

zīmē (nenoteiktu) daudzuma nojēgumu: *ceplis, kaudze, kukulis, kulīte, nastiņa, pāris, pulciņš, puse (pus), rind(iņ)a, rota, sauj(iņ)a, šķiņķis, tiesa, laiva.* Piemēri: **asi** malkas 30498; **pusbirkavas** apinišu 28818; **lasti** miežu 28818; **lasti** rudzu 28818; simtiem **lastu** ložu 32191,1; pieci **podi** tauku 30498,1; **pūru** dālderišu 30486,3; sal.: 30911,1; 31258; vienu **sieku** auzu 31764; sal.: 31330; 31522; pillu **cepli** maizes 28814; divi **kaudzes** baltābola 28623; div' **kukuļi** maizes 31795,3; Tur man bija trīs **nastiņas** ūdru, bebru, cauņ' ādiņu. 30495; **pāri** zirgu 30082; **pus** skoteles 28487; sal.: 31582; gara **rindiņa** cūciņu 29120; simtiem **rotu** karja vīru 32191,1; div **saujiņas** rožu 31933,23; divi **šķiņķi** gaļas 31795,3; **tiesa** kreklu 28388; divi **laivas** jēru 30973,5; sal.: 30715; 30787; 30973,4.

Kā redzams no piemēriem, ja galvenais vārds izsaka daudzuma jēdzienu, tad to mēdz paplašināt ar numerāli. Tādā gadījumā galvenais vārds pakārto divus vārdus, un veidojas salikta vārdkopa.

α[5]) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo ģenitīvu, kurās atspoguļojas priekšmeta (resp. dzīvās būtes) un tā kvalificējuma attieksmes.

Priekšmeta (resp. dzīvās būtes) un tā kvalificējuma attieksmes starp substantīviem atspoguļojas tā, ka vārds atkarīgajā ģenitīvā jeb īpašības ģenitīvā[35] nosauc priekšmeta vai dzīvās būtes īpašību, kas neizriet no tā satura, bet iegūta ar cilmi vai attīstību.

Te spilgtus piemērus sniedz mēra ģenitīvs, t. i., īpašības ģenitīva paveids, kas nosauc priekšmeta vai dzīvās būtes lielumu, smagumu, vecumu u. tml. mēra jēdzienus:

Pāriešu mājā, audišu **jostiņu**
Trīs asu garuma, olekts platuma,
Vairāk zeltiņa, ne sudrabiņa. 1505,3.

Vecuma nosaucēju ģenitīvu var uztvert arī kā laika ģenitīvu:

Kundziņš mani karā sūta, Trešā gada **puiseniņu.** 2156.

Citi piemēri: pusmūžiņa **arajiņu** 25946; sal.: 10255.

Kā redzams no piemēriem, mēra ģenitīvs prasa vārdkopas paplašinājumu. Paplašinājums notiek, atkarīgajam ģenitīvam pārvaldot kādu citu substantīvu, kas zināmos gadījumos prasa vēl, savukārt, paplašinājumu ar numerāli.

---

[35] Sal.: **J. Endzelīns,** L Gr., 396. §, 560. lpp.

Spilgti ir arī piemēri, kuros atkarīgais ģenitīvs nosauc dzīvās būtes kvalitāti kā zināmu vērtību vai nevērtību: nevērtes **arajiņu** 17724 v.; blēņu **bērni** 33035; miega **Ērmanits** 33055; (sal. arī: ««miega pūznis»); aitu **Anniņa** 29202,1; u. c.

Savi kvalitatīvi apzīmējumi var būt arī priekšmetiem un abstraktiem nosaukumiem: goda **galda** galiņā 952; 6554; tautu vērgu **darbi** 22586; gaiļu **laika** gaiditaji 29796; darba **dienas** darijumu 7659,1; sal.: V 7659,1; 16607; u. c.

Cita veida īpašības ģenitīvi ir tie, kas nosauc kvalitāti, kāda priekšmetam piemīt sakarā ar tā cilmi, pagatavojumu: bērza **malkas** (ģen.) 27840; oša **malkas** (ģen.) 27840; kniepa **adatiņas** 2633; trijnīšu **audekliņu** 22621; slēžu **autu** 24464,5; zobeniņa **asumiņu** 5376; 17570; ieloka **aizkaram** 21884.

Bez tam ar atkarīgajiem ģenitīviem nosauc arī citāda rakstura īpašības, pa daļai uz netiešā salīdzinājuma pamata:

Mana jauna līgaviņa Vēl tureja meitu **dienas:**
No druviņas pārnākuse, Taisās jāt pieguļā. 27175;

citi piemēri: mežu **amatiņu** V 33525,1; meitu **amatiņu** 27175,1; suņa **amatiņš** 12530; 12616; 24931,2; ziemeļa **aukstumiņš** 2757,1; V 3186 [1]; u. c.

Te minami arī galvenokārt augu nosaukumi, kuros atkarīgais ģenitīvs (savdabīgi) kvalificē sugas nosaukumu:

Visas bija Jāņu (-ņa) **zāles,** Ko plūc Jāņu (-ņa) vakarā; 32404;
Pavaicaju māmiņai, Kādu raut Jāņu **zāli.**
— Rauj pirmo dundurjāni, Otru Māras **āboliņu.** 32393,8 v.;

citi piemēri: Māras **papardite** 32402,3; vīna **koku** (ģen.) 26038; vilku **ābelēm** 32471,2; sal. salikteņus: suņu**burkšķi** 32367; dievkociņi 32367,7 v.

β) Substantīvu vārdkopas (ar atkarīgo ģenitīvu), kas atspoguļo piederības attieksmes apstākļu nozīmē.

Sai tipā izdalāmi trīs paveidi: vārdkopas 1) ar vietas ģenitīvu, kas norāda ar galveno substantīvu nosauktā priekšmeta vai dzīvās būtes sakaru ar vietu, 2) ar laika ģenitīvu, kas norāda ar galveno substantīvu nosauktā priekšmeta vai dzīvās būtes sakaru ar laiku, 3) ar nolūka ģenitīvu, kas norāda ar galveno substantīvu nosauktā priekšmeta vai dzīvās būtes izlietojumu, nolūku, kam priekšmets gatavots un eksistē.

Substantīvu vārdkopās ar atkarīgo ģenitīvu, kas norāda ar galveno substantīvu no-

sauktā priekšmeta vai dzīvās būtes sakaru ar vietu, runājam par vietas ģenitīvu[36]:

Skauģis mani bedri raka Tēva lauka **galiņā**. 9132 v.; sal.: ceļa **maliņā** 9132; pagalmiņas **vidiņā** 9132 v.; duru **apušā** 9132 v.; ledus **apakšā** 27957; sniega **apakšā** 6701; 27957; vītola **apakšā** 17697. Kā no piemēriem redzams, atkarīgā ģenitīva vietas nozīme nereti ietverta ne viņā pašā (sal. «duru, ledus, sniega, vītola»), bet izriet no attieksmēm ar galveno vārdu. Tā, piemēram, kārkla **apiņīši** 19802 ir pie kārkla auguši apiņīši (pretstatā: dārza **apiniši** 19802).

Daudzos gadījumos vietas ģenitīvs vairs nenorāda ar galveno vārdu nosauktā priekšmeta atrašanās vietu, kā lauka **akmentiņu** 12764,10; jūras **akmentiņi** 29637, bet vai nu cilmi vietas ziņā, vai arī kvalitāti, kuras nosaukšanai lieto vārdus, kas leksiski apzīmē vietas: meža **putnu** (ģen.) 17029; muižas **aitganam** 12915,6; pārnovada **arajiņu** 22394; robežnieku **arajiņš** 7314; kroga **Anna** 13250,21; ciema **aušas** 8402,2; Rīgas **alus** 19955; V 19955,1; Rīgas **autu** 24460,1; 26909,3; Vāczemes **āboliņš** 5545; dzirnu **akmins** 2954,2; lauku **ļaužu** ēkas 25826,2 u. c.

Substantīvu vārdkopās ar atkarīgo ģenitīvu, kas norāda ar galveno substantīvu nosauktā priekšmeta vai dzīvās būtes sakaru ar laiku, runājam par laika ģenitīvu[37]: gada **algas** 29419; mūža **arajiņu** 9313; mūža **asariņas** 19140,1; dienas **auklejums** 13682; vasaras **augumiņ'** 33683,4; ziemas **aukstumiņš** 28110,2 v.; rīta **Auseklitis** 30064; 33627,12; vakara **auseklīņu** 32155,1 u. c.

Sarkanbalta mūs' māsiņa, Pavasara saules **bērns**;
Rudpelekis tautas dēlis, Rud' rudeņa tēva **dēls**.
21347,6 v.

Laika ģenitīvam ir zināmi sakari ar īpašības ģenitīvu: pusmūžiņa tēva **dēli** 13041; sal.: 10255; 25946.

Substantīvu vārdkopās ar atkarīgo ģenitīvu, kas norāda ar galveno substantīvu nosauktā priekšmeta izlietojumu, nolūku, kam priekšmets gatavots un eksistē, runājam par nolūka ģenitīvu[38]: iejaviņa **abriņā** 21022; maizes **abru** 18493; kāzu **alus** 12787; kāzu **galda** galiņā 9440,1;

---

[36] Sal.: **E. Soida**, Vārdkopas... Rīgā 1954, 359. lpp.
[37] Sal.: Turpat, 385. lpp.
[38] Sal.: Turpat, 386. lpp.

cūku **aplokā** 19133; teļu **aplokā** 32421,5; zirgu **aplociņu** 34632; miežu **apcirknī** 33274,1; pūrua. 33274,1; rudzua. 13646,19; 28521,3; 33274,1; kara **apģērbiņi** 32129; sagšu **audeklīņu** 27367,1; buŗu **audumiņu** 30785; ieloka **austavites** 3645,1; galda **autu** 25607,5; galvas **autu** 5866,3; 24242,1; 24654,2; kājas **auti** 3498; priekšas **auts** 25409; logu **aizbāžami** 20268; spēles **galda** galiņā 13674; 22264; zirga **loka** galiņā 27666,4; alus **glāzes** (ģen.) 5872; alus **mucas** (ģen.) 27048,2; spirtus **vātes** (ģen.) 21126; pūra **lādes** dibinā 25242,1;

Dod, dieviņi, lietum līt, Nejās puiši pieguļā,
Būs manām telitēm Pieguļnieku **āboliņš** 29433 v.;

sal.: govu **āboliņu** 28869,2; govju **dāboliņ'** 28869,1.

Nolūka ģenitīvs dažos gadījumos samērā grūti norobežojams no citiem ģenitīviem. Tā, piemēram, šādos gadījumos varam tos uztvert kā vietas ģenitīvu: kaudzes **mieta** galiņā 29334; sētas **mieta** galiņā 21746,4; u. c.

Citos gadījumos tam atkal cieši sakari ar īpašības ģenitīvu: kara **vīra** augumiņš 32043; ceļa **vīru** (ģen.) 19995,4; kara **lauka** galiņā 32185.

Nobeigumā jāatzīmē, ka substantīvu vārdkopas ar atkarīgo substantīvu ģenitīvā ļoti bieži mēdz tikt paplašinātas ar trešo komponentu, kā tas jau bija redzams no piemēriem. Ja trešo komponentu pārvalda atkarīgais ģenitīvs, tad tie abi veido nozīmes ziņā ciešāku vienību. Tādā gadījumā veidojas vienkārša paplašināta substantīvu vārdkopa. Ja trešo komponentu pārvalda galvenais substantīvs, kas notiek daudz retāk, salīdzinot ar iepriekšējo gadījumu, tad veidojas salikta vārdkopa. Tādās vārdkopās ciešākā nozīmes vienība veidojas starp galveno substantīvu un viņam tuvāk stāvošo atkarīgo ģenitīvu: pusmūžiņa tēva **dēli** 13041; nabaga bāra **bērns** 4524; lauknieku gaļas **gabaliņš** 30540 u. c.

b) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo datīvu.

Šīs vārdkopas tautasdziesmās veidojas pie verbāliem substantīviem, bet ļoti reti.[39] Te atkārtojami tie paši K. Mīlenbaha un J. Endzelīna minētie piemēri: kungam tiesas **devejiņš** un Kad izauga diža meita, Tēvs tautām **vēletajs** 3367. Pie reizes arī minami verbālo substantīvu pārvaldītie numerāļi un pronomeni: otram dziesmu **paņēmejs** 924,2 v. un Manim ļauna **vēletaja** 116.

---

[39] Sal.: **J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs**, Latviešu gramatika. Rīgā, 1907. 300,10. §, 178. lpp. un **J. Endzelīns**, L Gr., 411. §, 570. lpp.

19. gs. vidū, kā spriežams pēc E. Soidas pētījuma,[40] šo vārdkopu lietojums pieaudzis. Par to lietojumu jaunākos laikos spriest grūti, jo trūkst pētījumu.

c) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo akuzatīvu.

Par tām K. Mīlenbahs saka: «Pie dažiem no pārejošiem izteiksmes vārdiem atvasinātiem lietu vārdiem izteiksmes vārda nojēgums valodas apziņā vēl tik dzīvs, ka viņus dažreiz apzīmē akuzatīvs: Brālīts alu **dzērajiņis**, drīz tev tautām pavēlēs (Bl. t. dz. 2544); naidu **cēlejiņa** (3648), zaļu sienu **pļāvejiņis** (3998), launu **vēletaji** (2104), māsiņ', svaini **sūtitaja**. Gauži raud laim's māt', Divkārt vārt's **vērejiņ'** (Bl. t. dz. 427).»[41]

19. gs. vidū, kā spriežams pēc E. Soidas pētījuma[42], šo vārdkopu lietojums samazinājies. Mūsdienu literārās valodas materiālos šādas vārdkopas vairs nav sastopamas. Akuzatīvu tanīs aizstājis ģenitīvs.

d) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo instrumentāli.

Substantīvu vārdkopās kā atkarīgais instrumentālis lietojams tā saucamais īpašības instrumentālis.[43] To latviešu tautasdziesmās izpētījis K. Mīlenbahs un devis attiecīgo vārdkopu raksturojumu:

«Jāņem vērā, ka instrumentals tad tik lietojams tuvakai apzīmešanai, ja viņš pats tuvaki apzīmets: tēvs sirmu galvu, tautu dēls koka sirdi; bet īpašibas ģenitivs latviešu valodā arī viens pats bez tuvaka apzīmetaja noder daudzkārt tuvakai apzīmešanai.»[44] Pie tam K. Mīlenbahs parādījis arī sakarību starp sinonīmajām substantīvu vārdkopām ar atkarīgo instrumentāli un ģenitīvu:

«Īpašibas instrumentalis vēl pilnigi dzīvs valodas apziņā. Viņš līdzinas īpašibas ģenitivam, bet šim ir tikai šaurakas robežas nekā viņam, jo ģenitivs apzīmē tikai īpašību, bet instrumentalis bez tam arī pastāvigu piederumu. Ģenitivā nekad ne-

---

[40] Sal.: **E. Soida**, Vārdkopas..., Rīgā, 1954, 398.—401. lpp.

[41] **K. Mühlenbacha** Teikums. Rīgā, 1898, 40. lpp. (Tekstā retinājums un izcēlums — mūsu).

[42] **E. Soida**, Vārdkopas... Rīgā, 1954, 401.—402. lpp.

[43] Sal.: **K. Mühlenbacha** Teikums. Rīgā, 1898, 40.—41. lpp. **J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs**, Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 302,3. §, 181.—182. lpp. **J. Endzelīns**, L. Gr., 440. §, 581.—582. lpp.

[44] **K. Mühlenbacha** Teikums, Rīgā, 1898, 40. lpp.

nostājas miesas daļas, bet kā miesas piederumi, pavadoņi, vienmēr instrumentalī: Skolā viņš bija savads zēns; videja auguma (retaki: videju augumu) un branguma (ari: brangumu), tumšu seju, platu pieri, palīku degunu, dzīvām acim, gariem matiem. Ģenitivs te lietojams tikai tad, kad īpašības vārds saaug ar lietas vārdiem saliktenī: garastes, platmugures tēvs (mīklās).»[45]

E. Soida savā pētījumā nav konstatējusi substantīvu vārdkopas ar aprepozicionālu instrumentāli kā atkarīgo komponentu.[46] Tas izskaidrojams ar ekscerpēto materiālu: publicistikā šīs vārdkopas reti lietojamas. Sarunvalodā un daiļliteratūrā tās sastopamas jo plaši arī mūsdienu literārajā valodā.[47]

Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo aprepozicionālo instrumentāli, kas funkcionē tikai kā paplašinātas vārdkopas, plaši lietojamas tautasdziesmās:

Pāri, pāri par upiti, Pāri pašam dziļumam,
Tīras maizes mekledama, Gudru galvu **arajiņa.** 10495,4 v.;
Bāliņ', tava **līgaviņa** Glēvajām rociņām:
Grikņu sieku samalusi, Staigā rokas mētadama. 664,2.

Citi piemēri: baltu zirgu **arajiņu** 10693,3 v.; melnu galvu **arajiņa** 10370; cauru galvu **cepurite** 12398 v.; cauru virsu **cepurite** 12398 v.; 12399,2; ziliem ziediem **cimdus** 7248 v.; līku galu **deguntiņš** 20248; vecais **tēvs** sirmu bārzdu 2203; sal.: 2204; 2205; 2205,1-2 u. c.

Nesaistītā sarunvalodā atkarīgais instrumentālis normatīvi lietojams aiz pārvaldītāja substantīva, bet ritma prasību dēļ dziesmās tas lietots arī prepozitīvi.

e) Substantīvu vārdkopas ar atkarīgo lokatīvu.

Latviešu valodnieku uzskatos vērojam nesaderību jautājumā par lokatīvu kā substantīvu vārdkopu atkarīgo komponentu.

K. Mīlenbahs 1898. gadā, runājot par citiem locījumiem kā lietvārdu apzīmētājiem, norāda uz lokatīvu:

---

[45] **J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 302,3. §, 182. lpp.

[46] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 413. lpp.

[47] Sal.: **K. Я. Гайлумс,** Обособленное определение в современном латышском литературном языке. Автореферат на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Рига, 1956, 15.—17. lpp.

K. Gailums, Savrupējais apzīmētājs mūsdienu latviešu literārajā valodā. Disertācija filol. zin. kand. grada ieguvei. Rīgā, 1956, II d. C nod. (Manuskripts P. Stučkas LVU Zin. bibliotēkā).

«11. Vietulis jeb lokativs: Puisit lielu, puisit mazu, nesmej **meitu** vaiņagā (Ar. t. dz. 1018)...[48] Nedod, Dievs, nevēl, Laima, zābakos **arajiņu** (Ar. t. dz. 1501). Baltu muti līgaviņa istabeju **sēdetaja** (Ar. t. dz. 1716.). Man pašam kumeļa glauditaja, mugurā **sēdetaja** (Bl. t. dz. 967).

Tie kārtē **braucejiņi** (Bar. Dain. 1651).[49] Es tev došu dulu bēru par pieguļā **jājumiņu.**» [50]

Uz šiem pareizi minētajiem piemēriem K. Mīlenbahs vēlāk raugās citādi, jo tos vairs nemin 1907. g. gramatikā, nenorāda uz lokatīva atkarību no substantīva.[51] Viņš pat sniedz zināmu atrunu: «... lokativs attiecas pa laikam uz darbibas vārdu, bet instrumentalis uz lietas vai vietnieka vārdu, kā viņa pavadonis, p. p. lai uzauga mūs pādite zemes bērza kuplumā (blakus: kuplumiņu) BW 2023. Četri nabagi tek pa ceļu, visi vienā ātrumā (mīkla), t. i., visi vienā ātrumā tek; bet: visi vienu ātrumu = = visi ir vienādi ātruma ziņā.» [52]

J. Endzelīns šai ziņā, sekodams K. Mīlenbaham, pielaiž vienu izņēmumu un atzīst lokatīvu:

«Pie verbālnōmena: *mugurā sêdêtāja* (no Bārtas; līdzīgi BW 278,1; 4696; 21610,1 var. un 21247,1).» (L Gr., 451. §, 587. lpp.).

E. Soida patstāvīgi analizē substantīvu vārdkopas ar atkarīgo lokatīvu un atzīst tās par dzīvīgu vārdkopu tipu «Pēterburgas Avīzēs». Viņa konstatējusi četrus leksiski semantiskus šo vārdkopu modeļus: 1) vārdkopas, kurās atkarīgais lokatīvs norāda vietu[53], kur atrodas ar vārdkopas centrālo komponentu nosauktais priekšmets, piem.: **partija** Vāczemē PA. 1864. 226; **valstiņa** Azijā PA. 1865. 122; 2) vārdkopas, kurās atkarīgais lokatīvs apzīmē kādu laika[54] jēdzienu, piem. (vienīgais): divi **vakari** nedēļā PA. 1864. 6.; 3) vārdkopas, kurās atkarīgais lokatīvs pie verbāliem substantīviem norāda darbības rezultātu vai veidu[55], piem.: sienu stirpās **krāvejs**

---

[48] Šifra «Ar. t. dz.» nozīmē — **Aronu Matīsa** Tautasdziesmu izlasi 1888. g. Tautasdziesmu tekstos piemērus pasvītrojis A. O.

[49] So piemēru kā nolūka apstākli vai papildinātāju («Lokatīvs... var apzīmēt arī to, ko grib dabūt») interpretē **J. Endzelins**, L Gr., 456. §, 591. lpp.

[50] **K. Mühlenbacha** Teikums. Rīgā 1898, 41. lpp.

[51] Sal.: **J. Endzelins** un **K. Mühlenbachs**, Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 303.—315. §, 186.—189. lpp.

[52] Turpat, 305. §, 187. lpp.

[53] **E. Soida**, Vārdkopas... Rīgā, 1954, 413. lpp.

[54] Turpat, 414. lpp.

[55] Turpat, 415. lpp.

PA. 1865. 124.; **bēgšana** pulkos PA. 1863. 128; 4) vārdkopās, kurās atkarīgais lokatīvs norāda ar centrālo substantīvu nosauktā priekšmeta īpašību[56], piem.: bij... **nūja** pirksta resnumā un pusass garumā PA. 1865. 115; **dzirkstele**... izlēce vairāk nekā ass garumā. PA. 1865. 133. **rudziem** maizes formā ir vēl lielāka vērtība. PA 1862. 245.

E. Soidas pirmie trīs minētie substantīva vārdkopu modeļi ar atkarīgo lokatīvu atzīstami par pareizi izvirzītiem. Turpretim ceturtais modelis vairs nav uzskatāms tikai kā substantiva vārdkopa. Šā modeļa piemēros ieplūdinātas divas dažādas konstrukcijas: pirmkārt, tīri predikatīvas un konstrukcijas ar divkārši atkarīgajiem lokatīviem.

Tīri predikativa ir konstrukcija: «bij... **nūja** pirksta resnumā un pusass garumā.» Sal. šai sakarā K. Mīlenbaha atziņu: «305. §. Ari īpašības instrumentaļa vai ģenitiva vietā, ja tas ieņem izteiceja vietu, sastopams lokativs: Es būt' liepas kuplumā (var. kuplumiņu, -ņa). Velku tēva kažociņu, nav manā mēriņā. Abi vienā vecumā, vienā labumā (blakus vienu vecumu, labuma, viena vecuma, labuma).»[57]

Pārējās konstrukcijas pārstāv divkārši atkarīgo lokatīvu tipus. Divkārši atkarīgais lokatīvs sastopams, no vienas puses, verbālā pārvaldījumā, no otras puses, nominālā resp. pronominālā pārvaldījumā. Piemēram, teikumā — **dzirkstele izlēce** vairāk nekā ass garumā PA. 1865. 133 — lokatīva forma «garumā» atkarīga gan no finītā verba «izlēce», kas teikumā funkcionē par izteicēju, gan no substantīva «dzirkstele», kas funkcionē par teikumpriekšmetu. Tāpat tautasdziesmās:

Lepna, lepna tā meitiņa, Ne ta dzied, ne runā.
Ta ar savu lepnumiņu **Sēdēs** ilgi vaiņagā. 829;
Bagātā brāļa **māsa** Ilgi **sēd** vaiņagā. 5080.

Biežāk atkarīgie lokatīvi atrodas divkāršā nominālā pārvaldījumā konstrukcijās ar adjektīvu nominatīvā kā nominālo izteicēju. K. Mīlenbahs šādās konstrukcijās runā par attiecības lokatīvu: «Attiecibas lokativs izsaka, kādā ziņā izteicejs pienākas teikuma priekšmetam: **Viņš bija stiprs** spēkā. Kāpēc **Jānitis sarkans** vaigā? BW. 20182.»[58]

Tautasdziesmās substantīvu vārdkopās ar atkarīgo lokatīvu

---

[56] Turpat, 415. lpp.
[57] **J. Endzelins** un **K. Mühlenbachs**, Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 187. lpp.
[58] Turpat, 307. §, 187. lpp.

vienkārši atkarīgais lokatīvs lietots prepozitīvi, un teikumā tas funkcionē par apzīmētāju.[59] Divkārši atkarīgais lokatīvs lietots postpozitīvi attieksmē pret pārvaldītāju nomenu resp. pronomenu, un teikumā tam ir īpatnējas sintaktiskas funkcijas. Ja viens no pārvaldītājiem verbs, divkārši atkarīgais lokatīvs funkcionē par stāvokļa apstākli. Ja neviens no pārvaldītājiem nav verbs, tad divkārši atkarīgais lokatīvs iegūst nosacījuma apstākļa raksturu.

3) Piezīmes par substantīvu vārdkopām ar netieši pārvaldītiem substantīviem.

Prepozicionāli substantīvi atkarā no substantīviem latviešu klasiskajās tautasdziesmās nemēdz tikt lietoti.

Vienīgi retos gadījumos lietojami prepozicionāli substantīvi atkarā no verbāliem nomeniem:

«Tâ, piem., *pie luodziņa rakstītāju* (ak.) BW 21247,1 *pa istabu staigātāja* 21610 var., *aiz* (var.: *pie*) *galda sêdêtāja* 35191—35193, *uz beņķa* (var. = ģen. *suola* bez *uz*) *gulêšana* 31077 var., *ar ļaudîm runâtāju, ar kurpēm plūcējiņu* u. c.» (L Gr., 820,4 §, 1023. lpp.).

K. Mīlenbahs latviešu tautas mīklās konstatējis arī prepozicionālus substantīvus atkarā no neverbāliem nomeniem:

«Bezprāta vīrs «bez kājām» zirgu jāj (Bl. m. 95)[59a] ... Brīžam kamols adatu pilns, un tomēr lops «ar četrām kājām», kas tas ir? (Bl. m. 170). Tēvam melns kažoks «ar zaļām siksnām» (Bl. m. 407).»[60]

Kā liecina E. Soidas pētījums par vārdkopām, publicistikas valodā 19. gs. vidū substantīvu vārdkopas ar atkarīgu prepozicionālu substantīvu lietotas ļoti plašā mērā.[61] Dažu šādu vārdkopu pārmērīgs lietojums, sevišķi ar atkarīgo substantīvu ar prepozīciju *no*, savā laikā bija radies vācu valodas ietekmē. Tagad nepareizās vārdkopas izskaustas. Taču tulkojumos vērojami ieviešamies krievu valodas ietekmē citi prepozicionāli substantīvi kā atkarīgo vārdkopu komponenti, kas prasa speciālus pētījumus. Vispār jautājums par substantīvu vārdkopām ar atkarīgajiem

---

[59] Dažos gadījumos vienkārši atkarīgais lokatīvs lietojams arī postpozitīvi. Bet tad tam vairs nav apzīmētāja, bet gan izteicēja funkcija teikumā: Steidzaties, bāleliņi, Kamēr **māsa** vainagā! 24302.

[59a] Šifra Bl. m. nozīmē **A. Bielenstein,** Tausend lettische Rätsel. Riga, 1881.

[60] **K. Mühlenbacha** Teikums. Rīgā, 1898, 41. lpp.

[61] Skat.: **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954. Ar ģenitīva prepozicijām: 353., 357.—358., 362.—367., 374., 377.—379., 383., 386.—391., 393.; ar datīva prepozīciju *līdz* 400.—401.; ar akuzatīva prepozīcijām 402.—408.; ar instrumentāļa prepozīciju *ar* 410.—413. lpp.

prepozicionālajiem substantīviem, pētīts sakarā ar latviešu literārās valodas attīstību, var sniegt vērtīgus norādījumus par valodas attīstības iekšējiem likumiem.

3. Piezīmes par vārdkopām ar substantīvu centrā un pārējo vārdšķiru vārdiem kā atkarīgajiem komponentiem.

1) Piezīmes par vārdkopām ar substantīvu centrā un adjektīvu kā atkarīgo komponentu.

Adjektīvi kā nomenu pakārtoti vārdkopu komponenti jau aplūkoti sakarā ar adjektīvu divkāršo atkarību, ņemot vērā verbālo pārvaldījumu.[61a]

Būdami vienkārši atkarīgi no substantīviem, adjektīvi ar tiem saskaņojas un funkcionē teikumā par apzīmētājiem. Šai ziņā tie vārdkopu struktūrā un teikumu konstrukcijās nesniedz nekā īpatnēja, salīdzinot ar divkārši atkarīgajiem.

Atzīmējams atkarīgais adjektīvs kā substantīva vārdkopu ar atkarīgajiem substantīviem paplašināšanas un saliktu vārdkopu darināšanas līdzeklis. Obligāts adjektīvs kā paplašinātājs ir substantīvu vārdkopās ar atkarīgo substantīvu instrumentālī. Fakultatīvs tas ir pārējās substantīvu vārdkopās. Tā lietojumā vērojama noteikta likumība pozīcijas ziņā. Adjektīvs nostājas arvien substantīvu apzīmētā substantīva priekšā, saskaņodamies vai nu a) ar apzīmētājsubstantīvu vai b) apzīmējamo substantīvu. Piemēram: a) *siltas* maizes **cepejiņas** 11104 v.; *liela* lopa **cepetiņš** 33414; *saltas* ziemas **cietejiņi** 27957,7; *tīra* sniega **baltumā** 24738,1; u. c. b) *laba* maizes **abra** 20218; *pilna* gal|as **bļoda** 33373; *mazais* sila **balodits** 2432,2; *baltā* cūkas **aizgaldā** 33362; *labu* zemes **arajiņu** 983; 5037; 10495,3; 13646,4; 26323; u. c.

Ja adjektīvs saskaņojas ar apzīmētājsubstantīvu, veidojas vienkāršas vārdkopas paplašinājums. Ja adjektīvs saskaņojas ar apzīmējamo substantīvu, tad līdz ar atkarīgo apzīmētājsubstantīvu veidojas salikta vārdkopa.

Ja substantīvs apzīmēts ar divi substantīviem, tad atkarīgā adjektīva pozīcija pret apzīmējamo substantīvu nav noteikta. Atkarīgais adjektīvs dažos gadījumos tiek novietots visu triju substantīvu priekšā: *smalka* tautas tiles **aube** 24809 v.; *zemas* tautas nama **durvis** 25826,3; u. c. Citos gadījumos adjektīvs

---

[61a] Sk.: **A. Ozols**, Par dažiem vārdkopu sintakses jautājumiem latviešu klasiskajās tautasdziesmās. «Latvijas Valsts Universitātes Zinātniskie Raksti». XI sēj. I ser. Rīgā 1956, 194.—206. lpp.

tlek novietots apzīmējamā substantīva priekšā aiz apzīmētāj-substantīviem: g r i ķ u m i s t r a *saldens* **alus** 11186; d ē l a m ā t e s *rupji* **auti** 24742 v.; t a u t u d ē l a *zaļa* **birzs** 6152 v.; u. c.

Triju substantīvu vārdkopu visbiežāk paplašina ar adjektīvu, kas atrodas atkarā no otra apzīmētājsubstantīva un stāv vārdkopas sākumā: *lielas* m ā t e s z ī ž u **aube** 32728,2; *zaļa* z ī d a m a t u **bantes** 5154,4; *lielu* s i r d i t ē v a **dēls** 8816 v.; sal.: 9824,1; 21651; *svešu* ļ a u ž u t ē v a **dēls** 6228,1; *sīku* r a k s t u g a l d a **drānu** 14674; *lielu* c i e m u d ē l u **māte** 8816; u. c. Reti sastopams adjektīvs mainītā pozīcijā: b r i ņ ģ e n i e š u *diženie* t ē v u **dēli** 9671.

Ja no galvenā substantīva atkarīgs adjektīvs un otrs substantīvs, kas saskaņojas ar citu adjektīvu, tad šādi vienā vārdkopā ietilpstošie adjektīvi atrodas šķirti katrs sava substantīva priekšā:

Ļaunu ļ a u ž u *lieli* **ceļi** Ar rozēm magonēm; 9231;
vecu m e i t u *vecas* **dienas** 13164;
lielu r a k s t u *raibi* **cimdi** 15554;
veca t ē v a *balta* **bārda** 27290; u. c.

Divi adjektīvi kā substantīvu vārdkopu atkarīgie komponenti blakus atrodami tikai blīvējumā vai divkāršojumā: *dižs ražanis* t ē v a **dēls** 12286,2 v.; *zila zaļa* b ē r z u **birze** 24615,6; *zaļa zaļa* z e l t a **birze** I 178,1; u. c.

2) P i e z ī m e s p a r v ā r d k o p ā m a r s u b s t a n t ī v u c e n t r ā u n n u m e r ā l i k ā a t k a r ī g o k o m p o n e n t u.

Tautasdziesmas, tāpat kā pārējie folkloras žanri un arī tāpat kā daiļliteratūras žanri, nesniedz pietiekami materiālu, lai vispusīgi apcerētu substantīvu vārdkopas ar atkarīgajiem numerāļiem. Šim nolūkam izmantojami zinātniski un publicistiski raksti.

Tautasdziesmās biežāk lietojami pamata numerāļi ir *viens, divi (duji), trīs, četri, pieci, seši, trejdeviņi* (ar nozīmi *deviņi*) un *simts* un kārtas numerāļi *pirmais, otrs* un *trešs*. Pārējie pamata un kārtas numerāļi reti atrodami. Tāpat daļu skaitļi dziesmās nav atrodami, ja neskaita jauktos — *pusotra* un *pustreša*. Minētie pamata un kārtas numerāļi kā atkarīgie komponenti, izņemot skaitleni *simts* un salikteņus ar *-desmit*, kas mēdz funkcionēt par centrālajiem vārdiem, tautasdziesmās vienmēr lietojami saskaņojumā ar substantīvu. Piemēri: v i e n a s **mātes** auklejums 317,2; 3453,1; 23724,1; d i v i ledus **gabaliņi** 15705,6; d u j u **nīšu** audekliņ' (akuz.) 18485; t r ī s **stūrišu** cepurite

20522 v.; t r i j u **gadu** cerejums 21261,9; t r e j u **kungu** dzeltanītes (akuz.) 8464; 11213; 15599; č e t r u **lapu** dābolīņu 29475; 29543; V 29543,1; p i e c u **pirkstu** gabaliņu (akuz.) 4433 v.; s e š u **nīšu** audeklīņu 6674,1; 7327,1; 7331,2; 22634,1; t r e j d e v i ņ u **arajiņu** (divsk. akuz.) 33830 v. un t r e j d e v i ņ u s **arajiņus** (daudzsk. akuz.) 33830 v.; s i m t u **nīšu** audejam 7106 u. c.

Piemēri ar kārtas skaitļu vārdiem:
p i r m a i s **adījums** 15545,1; p i r m ā kara **cēlajiņa** 21724,8; 21796; o t r a **kunga** druviņā 24470 v. t r e š a **gada** aveniņu 19469 v. u. c.

Skaitlenis *simts* mēdz tikt paplašināts, saskaņojot ar to minētos pamata un kārtas skaitļu vieniniekus un veidojot attiecīgus simtniekus paplašinātās vārdkopās: o t r a s i m t a **galiņā** 13646,1; t r e š ā s i m t a **galiņā** 13643,13; u. c.

Piezīme. Skaitleņa *simts* un salikteņu ar *-desmit* kā vārdkopu centrālo komponentu piemēri:
Pārnes manai māmulitei **Simtu** l a b u v a k a r i ņ u, **Simtu** l a b u v a k a r i ņ u, Div' **simtiņu** m ī ļ u v ā r d u. 13646,1;
Kur, Saulīte, tu redzēji **Trīsdesmit** a r a j i ņ u? 33830.
Bet sastopam tos arī kā atkarīgos komponentus:
Kur, Saulīte, tu redzej' D i v i d e s m i t s **arajus?** 33830,1.

3) P i e z ī m e s p a r v ā r d k o p ā m a r s u b s t a n t ī v u c e n t r ā u n p r o n o m e n u k ā a t k a r ī g o k o m p o n e n t u.

Pronomeni kā substantīvu vārdkopu atkarīgie komponenti teikumā funkcionē kā apzīmētāji. Šādā funkcijā lietotus pronomenus no adjektīviem atšķir pronomenu specifiskā nozīme. Līdz ar to veidojas attiecīgi vārdkopu modeļi: 1) ar trešās personas vietniekvārda vienskaitļa un daudzskaitļa ģenitīva — *viņa, viņas, viņu,* daudzskaitļa pirmās un otras personas vietniekvārda ģenitīva *mūsu, jūsu* un piederības vietniekvārdu *mans, tavs, savs* formām piederības izteikšanai; 2) ar norādāmiem vietniekvārdiem *šis, tas, viņš, šāds, tāds;* 3) ar noteiktajiem vietniekvārdiem *pats, viss, katrs, ikkatrs, ikkurš, ikviens* un 4) ar nenoteiktajiem vietniekvārdiem *cits, dažs, kāds* un vietniekvārdu (resp. pronomenu nozīmē lietotu vārdu) frazeoloģiskajiem savienojumiem *dažs labs, viens otrs, šāds tāds.*

Īpatnējāk no visiem pronomeniem vārdkopās funkcionē vietniekvārds *pats.* Tas vienīgais no visiem vietniekvārdiem tiek

lietots arī divkāršā atkarībā: atkarībā no substantīva un no verba. Tādā gadījumā tas mēdz būt postpozitīvs attieksmē pret substantīvu. Attieksmē pret verbu, tas ir «ar nozīmi «spontāni», piem., *suņi paši rej.*» [62] Tautasdziesmās:

Kājas p a š a s man **dancoja, Mute** p a t i **ērģeleja:** 410,2;

Dažreiz šī divkāršā atkarība vērojama arī prepozitīvi lietotam pronomenam *pats:*

Man spēlīšu nevaj'dzeja, Kad es augu bāliņos:
P a t e **rīkle ērģeleja,** P a t e **mute gavileja.** 410.

Parasti prepozitīvi lietojamam *pats* attieksmē pret substantīvu, ar kuru tas saskaņojas, ir tikai izteiksmes spēcinātāja funkcija:

Kupls auga ozoliņš P a š ā rožu **viducī;** 264.

Vietniekvārdu *viss* un *tas* mēdz lietot blakus piederības nozīmes vietniekvārdiem:

V i s i m a n i **pēlajiņi** Palejāi gauži raud. 9050.
Tautu dēls lielijās Ar t o s a v u **dzīvošanu:** 25992 v.

Bez tam norādāmos vietniekvārdus *tas* un *šis* mēdz lietot blakus noteiktajam vietniekvārdam *pats:*

Dzied' ar mani, tautu meita, Ja runāt nerunā;
No t ā p a š a **dziedajuma** Būsi mana līgaviņa. 586.

Frazeoloģiskā pronomena *dažs labs* veselumu un atkarību no substantīva spilgti rāda piemērs:

Smalks lietiņš smidzinaja, Kad es gāju tautiņās;
D a ž a l a b a ļauna **diena** Nolīs ceļa maliņā. 18141,4. sal.: 18163.

4) P i e z ī m e s p a r v ā r d k o p ā m a r s u b s t a n t ī v u c e n t r ā u n d i v d a b j i e m k ā a t k a r ī g a j i e m k o m p o n e n t i e m.

a) P i e z ī m e s p a r s u b s t a n t ī v u v ā r d k o p ā m a r a t k a r ī g a j i e m p a r t i c ī p i e m j e b l o k ā m a j i e m d i v d a b j i e m.

Particīpi ar izskaņām *-ošs, -āms, -is, -ts* kā substantīvu vārdkopu atkarīgie komponenti teikumā funkcionē par apzīmētājiem. Šādā funkcijā lietotus particīpus no adjektīviem atšķir particīpu

---

[62] L Gr., 375. §, 540. lpp.
Sal.: «Pats» izsaka, ka darbība notiek bez citu palīdzības. Durvis pašas atvērās, — pašas no sevis.» (**J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 164. §, 9, 111. lpp.)

specifiskā nozīme, kas izpaužas viņiem piemītošajā darbības vārdu kārtā un laikā, arī veidā:

Bālelinis man ienesa P u t o j o š u a l u s **kannu** 786.

Atributīvi lietotie lokāmie divdabji ir prepozitīvi attieksmē pret substantīvu un parasti postpozitīvi attieksmē pret adjektīvu vai pronomenu [63], kas atkarīgs no tā paša substantīva:

Es gan zinu, ka vajaga Tīrajiem rudzišiem:
A s u k a l t u **dzirnaviņu,** Pāra jaunu malejiņu. 7998 v.
Vēja lauzta ābelnica Gul celiņa maliņā;
D a ž a p e l t a **bārenite,** Ta godiņa sagaidija. 9031,3.

Ar particīpu ar *-ts* apzīmētā substantīva vārdkopa var tikt paplašināta vai nu ar particīpa pārvaldīto substantīva ģenitīvu kā savu subjektu:

Ko tie tautu kumeliņi Grūti vilka kalniņē?
T ē v a k a l t a s **lādes** vilka, M ā t e s a u s t a s **villainites.** 16790,1,

vai arī ar particīpa pārvaldītu adverbu vai locījuma formu, kas funkcionē teikumā par apstākli:

Dzied ar vienu dziedajumu Vakareju sākumiņu;
Brauc' ar vienu braukumiņu R ī g ā i **jūgtu** k u m e l i ņ u. 991; u. c.

Particīps ar *-ts* var nostāties atkarīgā adjektīva priekšā:

T ē v a p i r k t i b r ū n i **svārki** Zemi slauka staigajot; 16992.

b) P i e z ī m e s p a r s u b s t a n t ī v u v ā r d k o p ā m a r a t k a r ī g a j i e m n e l o k ā m a j i e m d i v d a b j i e m

Ļoti reti pie abstraktas nozīmes substantīviem (*kauns* un *grēks*) lietojami nelokāmie divdabji ar *-ot* kā atkarīgie komponenti (kas sinonīmi konstrukcijām ar infinitīvu):

Aijā, bērniņš, ganos dabūts!
Kauns mājā n e s o t, **grēks** zemē m e t o t. 2129.
Māsiņ' man' lētaudzīt', Kur bij man tevi likt?
Zēl otram atdodot, **Grēks** pašam m a l d i n o t. 3511 v.
Māršiņ, brāļa līgaviņa, Dod sarkanu dzīpariņu;...
Likšu melnu dzīpariņu, Būs tev **kauns** c i l a j o t. 7717.

c) P i e z ī m e p a r s u b s t a n t ī v u v ā r d k o p ā m a r a t k a r ī g o p u s l o k ā m o d i v d a b i a r *-dams.*

Puslokāmais divdabis ar *-dams* kā substantīvu vārdkopu at-

---

[63] Izņēmums — norādāmais vietniekvārds *tas, tā:* ļ a u ž u p e l t a t a **meitiņa** 9031; 9035; 9036; 9037; 9039; 9040; ļ a u ž u s m i e t a t a **meitiņa** 9032; 9041; p u i š u s m i e t a t a **meitiņa** 9038; u. c.

karīgais komponents ir izņēmums, ko J. Endzelīns nosauc pat par dīvainu (L. Gr., 799. §, 1003. lpp., 691. parinde):

Raudadama es iegāju Magonišu dārziņā:
Sveši ļaudis norāvuši P l a u k d a m o **magoniti.** 17686;
Man pazuda brūderos T r e n z d a m ā [rakstāmā jeb izšujamā] **adatiņa.** 7180,3.

Puslokāmais divdabis ar *-dams* iekļaujas saliktās verbālās vārdkopās, saskaņodamies ar nomenu vai pronomenu un atrazdamies pievilkuma attieksmē ar verba finīto formu.

5) P i e z ī m e s p a r v ā r d k o p ā m a r s u b s t a n t ī v u c e n t r ā u n a d v e r b u k ā a t k a r ī g o k o m p o n e n t u.

Adverbs atkarīgs tikai no verbāliem substantīviem[64]. Pie tam darītājvārdi ar *-ājs, -tājs* un *-ējs,* kam piekļauti adverbi, teikumā funkcionē vai nu kā teikumpriekšmeti, vai kā izteicēji. Kā teikumpriekšmeti minētie substantīvi parasti nostājas pie izteicēja, kas noformēts ar eksistenciālā verba *būt* formām:

Būš' p a p r i e k š u **dziedataja** Pārnovada meitiņām. 291;
Ko dziedašu, neiet labi, Nav p a p r i e k š u **dziedataja.** I 283;
Tāļu mani māte deva, Tāļu visi bāleliņi.
Ai, jūs t ā ļ u **devejiņi,** Dodiet līdzi kumeliņu. 16474,1.

Kā izteicēji minētie substantīvi parasti nostājas pie pronominăla vai nominăla teikumpriekšmeta:

Es meitām labs puisitis, Es p a p r i e k š u **dziedatajs,**
Es p a p r i e k š u **dziedatajs,** Es v i d ū **guletajs.** 288,2;
Kas tā tāda dziedataja, Ir v i d ā **stāvetaja?**
Es p a p r i e k š u **dziedataja,** Es v i d ā **stāvetaja;** 289,1;
Es p a p r i e k š u **dziedatajs,** No p a k a ļ u **važotajs;** 290;
Kur, bērniņi, mēs iesim, Bez vecaku palikuši?
Ne mums a g r i **cēlejiņa,** Ne padoma devejiņa. —
Gailits a g r i **cēlejiņš,** Dievs padoma devejiņš. 4726.

Taču substantīvi kā adverbu pakārtotāji sastopami arī citā sakarā:

Ej projam, ciema puisi, Še ar' tevis nevajaga;

---

[64] Par adverbu atkarību no substantīviem skat.: **J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 130. §, 292,9. §.
J. Endzelīns, L Gr., 488. §, 820,3. §.
E. Soida, Vārdkopas... Rīgā, 1954, 519.—522. lpp.

D a u d z **ēdajs**, d a u d z **dzērajs**, Ne t i k d a i ļ i **dancotajs**. 26119.

Verbālie substantīvi ar *-šana* un *-ums*, kam piekļauti adverbi (apzīmētāja funkcijā), sastopami ļoti reti:

Bajariņa dailas meitas Vakareju gulumiņu,
Vakareju gulumiņu, V a k a r kāju **āvumiņu**. 13245,2;
Liekat skuju, bāleniņi, Nelaužat klēts jumtiņu,
Lai paliek māsiņai Ar' vēl i e k š' **dzīvošana**. 18551.

II Vārdkopas ar adjektīvu centrā

Vārdkopās ar adjektīvu centrā par atkarīgajiem komponentiem lietojami infinitīvi, nelokāmie divdabji, substantīvi, adjektīvi un adverbi.

1. Vārdkopas ar adjektīvu centrā un ar infinitīvu kā atkarīgo komponentu.

Akad. J. Endzelīns, runājot par grupām teikumā ar adjektīvu centrā un atkarīgo infinitīvu (L Gr., 821. §, 1024. lpp.), norāda tikai uz savas gramatikas 781. §. Šeit, minējis, ka «Baltu infinitīvi ir vismaz pa daļai seni datīvi (skat. 713. §) un ļauj arī vēl vairāk vai mazāk izmanīt datīva nozīmi» (L Gr., 781. §, 989. lpp.), autors pirms piemēriem, kuros infinitīvs atkarīgs no adjektīva, sniedz paskaidrojumu:

«Tā, pirmkārt, lietājot finmāli konsekutīvā nozīmē, kur infinitīvs apzīmē nodomāto vai kā sekas iestājušos darbību, pie kam nevar stingri šķirt nolūku un sekas. Sekojošos gadījumos nav minēts noteikts infinitīva darbības subjekts: ... *saulīt[e] silta sildīties, māmiņ[a] jauka parunāt* 3235 ...; *migla laba tautu bêgt* (Sproģim 18,6 nrā.); *gaŗa mèlę pasuolīt, īsa ruoka paduot* ... (Treilanda Mat., 735. sakāmv.); *egles duris, tās ir vieglas* (BW 4174-5 tai vietā adverbs *viegli*) *virināt* BW 4173; ...» (L. Gr., 781. §, 989. lpp.).

LD-u pirmajos divi sējumos konstatēts infinitīvs atkarā no adjektīviem: *agrs, dziļš, gards, garš, grūts, jauks, labs, lustīgs, miļš, pēdīgs, priecīgs, silts, vērts, viegls*. Visu dainu ekscerpējums šo sarakstu, droši vien, papildinātu. Bet tas nemainītu konstatētajās vārdkopās novēroto likumību: infinitīvs ir atkarīgs no predikatīva adjektīva nominatīvā:

Vēl bij **agris** sniegam s n i g t, Zaļa zāle tīrumāi; 12454;
Saucin sauca aiz upites, Vaj sauc mani bāleliņi:
Pāri b r i s t **dziļš** ūdens, Apkārt liels līkumiņš. 3529;
sal.: 11040; 11424;

Sīki metu, smalki malu Bālinam kara maizi,
Lai tā bij **garda** ēst, **Viegla** nest mugurā; 8209,1;
Gaŗa priede, gaŗa egle, Vēl gaŗaka vasariņa.
Vēl **gaŗaka** vasariņa, Tautietime lūkoties. 9918;
Villain', mana villainite, Drauga bērnam mugurā.
Grūts (mūžiņš?, stāvoklis?) bij man pašai iet, Žēl bij savas villainites. 4679;
Tā meitiņa kā puķite Pie māmiņas uzaugusi:
Jauka pati uzskatīt, Jo jaukaka valodiņa. 5482;
Dievs to zina, kam par labu Mans agrais cēlumiņš:
Zaķam **labs** (cēlumiņš) cilpu mest, Vanagam lidināt. 3802.
Pavaicaju Laimiņai, Kā labaka dzīvošana.
— Meitiņām **laba** dzīve, Valkāt zīļu vainaciņu. 5286,4;
Ko **vērts** manim šei dzīvot, Te nav mans arajiņš; 10062;
sal.: Ko **vērts** manim šeit dziedāt 823 v.; 823,2 v.; 823,3.

2. Vārdkopas ar adjektīvu centrā un ar nelokāmo divdabi kā atkarīgo komponentu.

Šīs vārdkopas tautasdziesmās lietotas zināmā mērā kā sinonīmas vārdkopām ar adjektīvu centrā un atkarīgo infinitīvu. Kā atkarīgie divdabji funkcionē divdabji ar *-ot, -ām* un *-dams*. Biežāk lietojami atkarīgie divdabji ar *-ot:*

Krusta māte man solija Līdz kājāmi linu kreklu;
Gara mēle pasolot, **Īsas** rokas iedodot. 1810;
Pinu, pinu, nenopinu Ābeļ' ziedu vaiņadziņu,
Ābeļ ziedu vaiņadziņš — **Grūts** mūžiņš dzīvojot. 6060;
Padzied manu bāleliņu, Ar tām ciema meitiņām:
Lēna jauka valodiņa, Ar kundziņu runajot. 1025;
Mīksta bija man rociņa, Ar tautām saderot. 7117,1;
Nu **pēdiga** vasariņa, Bāliņos dzīvojot,
Bāliņos dzīvojot, Vaiņadziņu valkajot. I 170,4;
sal.: 170; I 170,1,3; 6143; 6143,5; 6479; 6479,6-7;
Labak man **sirmi** mati, **Sarkans** rožu vainadziņš,
Ne kā man **balta** mice, Ar nelieti dzīvojot. 6567,1.

Reti lietojami atkarīgie divdabji ar *-ām* un *-dams:*

Šī **pēdiga** vasariņa, Vainadziņu valkajam. 6143 v.;
Ak tu **traka** gaŗdegune, Sējas putnu dzenadama. 2690;
Tiešam **traka** dēlu māte, Man pūriņu vaicadama. 4945,1.

Sinonīmija starp divdabi un infinitīvu, kas atkarīgi no adjektīva, neattiecas uz šo atkarīgo komponentu sintaktiskajām funkcijām teikumā. No adjektīva atkarīgajam divdabim teikumā nosacījuma apstākļa funkcija ar laika apstākļa nokrāsu, kamēr infinitīvam parasti nolūka apstākļa funkcija.

Nosacīti pie šīm vārdkopām jāpieskaita absolūtam datīvam tuvas konstrukcijas, kas atkarīgas no nominâla izteicēja, kas var būt noformēts ne tikai ar adjektīvu, bet arī ar substantīvu, numerāli un pronomenu:

Silta saule man dzimstot, **Labs** mūžiņš dzīvojot: 1180 v.;
Sila zeme man arot, **Bārenite** precejot; 5220,4;
Pieci brieži man arot, **Sešas** stirnas ecejot; 2661 v.;
Tīri rudzi man maļot, **Sēnaloti** sijajot;
Sava māte man augot, **Sveša** māte dzīvojot. 4314.

Citi piemēri ar pronomena datīva konstrukcijām pie nominâla izteicēja: 177; 6113; 6143,7; 8213; 8214; u. c.; ar substantīva datīva konstrukcijām: 9503; 9537; 10319,2; 11831; u. c.

Sādās konstrukcijās datīvam divkārša sintaktiska funkcija: no vienas puses, tas pret substantīva nominatīvu atrodas piederības attieksmē, no otras puses, tas ir subjekts attieksmē pret divdabi, kam nosacījuma apstākļa sintaktiskā funkcija.

Sastopam šādas konstrukcijas arī pie substantīva viena paša:

Autiņš man piedzemot, **Autiņš** man nomirstot;
Tik to zīļu vainadziņu Kā ciemot paciemoju. 5788.

3. Piezīmes par vārdkopām ar adjektīvu centrā un pārējo vārdšķiru vārdiem kā atkarīgajiem komponentiem.

1) Piezīmes par vārdkopām ar adjektīvu centrā un atkarīgo substantīvu.

a) No adjektīva atkarīgais komponents tiešā pārvaldījumā.

Adjektīvi kā substantīvu pārvaldītāji tautasdziesmās sastopami samērā reti. Iespējams, ka visu LD-u ekscerpējums (ar nolūku atklāt visus adjektīvus kā substantīvu pārvaldītājus) sniegtu plašāku ainu nekā tā, ko dod J. Endzelīns savā L Gr. Mums nav izdevies kādā ziņā paplašināt tos atzinumus, kas par šīm vārdkopām norādīti minētās gramatikas 821. § (1024. lpp.) un E. Soidas pētījumā par vārdkopām.

Kā substantīva ģenitīva pārvaldītājus J. Endzelīns min adjektīvus: *pilns*[65] un ar atrunu *balts*[66]. E. Soida no «Pēterburgas Avīzēm» min vēl: *garš, ilgs, plats* un *vecs*[67]; *cienīgs, kārīgs* un *vērts*[68].

Kā substantīva datīva pārvaldītāju's J. Endzelīns min adjektīvus: *mīļš, paklausīgs, derīgs, kaitīgs, līdzīgs, labs*[69] un *gudrs*[70]. K. Mīlenbahs norāda vēl: *patīkams, nepatīkams, pateicīgs, uzticīgs* un *neuzticīgs.*[71] Bez iepriekš minētajiem E. Soida vēl nosauc «Pēterburgas Avīzēs» lietotos[72]: *dārgs, padevīgs, pretīgs, slikts, svešs, ticīgs, vajadzīgs, nevesel īgs* un ģermānismus *ģeldīgs* un *skādīgs.*

Kā substantīva akuzatīva pārvaldītājus J. Endzelīns min adjektīvus: *garš, augsts, dziļš, plats, smags*[73] un *vecs.*[74] E. Soida min vēl: *biezs, dārgs, liels, silts* un *vērts.*[75]

Kā substantīva instrumentāļa pārvaldītājus J. Endzelīns norāda izloksnēs adjektīvus *garš, augsts, dziļš,*[76] bet literārajā valodā *pilns*[77] un dažas konstrukcijas ar adjektīvu komparatīvu.[78] Pie reizes minams arī no adjektīva atkarīgais pronominālās cilmes instrumentālis, tagadējais saikļa vārds *jo:* jo **lielāks,** jo **labāks,** jo **pliks,** jo **traks** (L Gr.,

---

[65] L Gr., 394,4. §: man piebira **pilnas** kurpes zilu ziedu 638; koki **pilni** rasas 452.

[66] «Pēc tādu teicienu parauga kā, piem., *rasas pilni kùoki* varēja tad arī darināt laikam frazes kā, piem.,* *sniega balta zeme*... un no tā varbūt tālāk radies (tautas valodā neparastais) izteiciens (ticams?) *sniega balts (krekls)* BW 5477,1 un 5686.» (L Gr., 222. parinde 557. lpp.).

[67] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 530. lpp.

[68] Turpat, 535. lpp.

[69] L Gr., 412. §, 570. lpp.: **laba** man (var.: pieder man) diega josta 4580.

[70] Turpat, 422. §, 573. lpp.: ievu ziedi smaršai **labi,** ne bitēm medu nest 12720; **gudra** biji padomam 3147 (līdzīgi 3185 un 3186).

[71] **J. Endzelīns** un **K. Mīlenbachs,** Latviešu gramatika, Rīgā, 1907, 300, 12. §., 178. lpp.

[72] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 542. lpp.

[73] **J. Endzelīns,** L. Gr., 431. §, 578. lpp.

[74] Turpat, 432. §, 579. lpp.

[75] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 536. lpp.

[76] L Gr., 442. §, 583. lpp.

[77] Turpat, 444. §, 584. lpp.: **pilnas** acis asarām (var.: ģen. **asariņu**) 128,1.

[78] Sal.: tikt kādu vārdu **gudrāks** R Kr. XIII 65 biju visu galvu **garāks** (Mühlenbachs Latv. gr. 185). (**J. Endzelīns,** L Gr., 446. §, 585. lpp.). K. Mīlenbacha minētais piemērs (ar paskaidrojumu): **Sīka** seju man māsiņa. Ltd. 2273.

466. § 1585. lpp.); balti ziedi zemenei, vēl jo **balti** brūklenei 4495. (L Gr., 326, 16. §, 478. lpp.). Bez tam «instrumentālis sastopams adjektīva savienojumos... ar kādu tās pašas saknes substantīvu, piem., *âda jêlumu jêla* LP VI 258; *vecumu vecuos laikuos* LP V 393; *baznîca bijusi pilnumu pilna* turpat, skat. arī 465. §.» (L Gr., 466. §, 585. lpp.).

E. Soida «Pēterburgas Avīzēs» adjektīvu vārdkopas ar atkarīgu substantīva instrumentāli nav konstatējusi.

Kā substantīva lokatīva pārvaldītāju J. Endzelīns min paraugam adjektīvu *sarkans* konstrukcijā: Kāpēc Jānitis **Sarkans** vaigā?[79] 20182. E. Soida min vēl šādus adjektīvus no vārdkopām «Pēterburgas Avizēs»: *bāls, derīgs, lēts, līdzīgs, nabags, pārāks, turīgs* un *vienāds*.[80]

b) No adjektīva atkarīgais komponents netiešā pārvaldījumā.

Ar šā tipa vārdkopām var ilustrēt kādu latviešu literārās valodas attīstības līniju. Tautasdziesmu valodā, kurā vispār dominē aprepozicionāla izteiksme (t. i., prepoziciju nelietojums konstrukcijās, kurās nesaistītā valodā un jaunākos laikos lieto pārsvarā konstrukcijas ar prepozicijām), šā tipa vārdkopas sastopamas ļoti reti. Piemēram: **sārts** no vaiga 11720,4 v. No sakāmvārdiem J. Endzelīns uzrāda: **nabags** no mantas, **bagāts** no prieka (Treilanda Mat., 699. sakāmv.) un no sarunvalodas piemēriem min: **pliks** no drēbēm (L Gr., 542. §, 663. lpp.) Turpretim «Pēterburgas Avīžu» valodā E. Soida jau konstatējusi veselu virkni adjektīvu, kas pārvalda prepozicionālus substantīva ģenitīvus: 1) ar prepozīciju *no*: adjektīvus, kas apzīmē krāsu, un *dūšīgs, labprātīgs, liels, mazs, mērens, sauss, savāds, slaiks, stalts, stiprs* (**E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā 1954, 551. lpp.), *vesels, labs, slikts* (552. lpp.), *pilns, tukšs, patukšs, vienāds* (553. lpp.), *drošs, skaidrs, svabads, vienīgais* (554. lpp.), pie adjektīvu superlatīviem (554.—555. lpp.); 2) ar prepozīciju *pie: izdevīgs, derīgs, vajadzīgs* (556. lpp.), *vainīgs* (557. lpp.); 3) ar prepozīciju *priekš: derīgs* (557. lpp.), *nederīgs, izdevīgs* (558. lpp.), *auglīgs, neveselīgs* (559. lpp.), pie adjektīvu komparatī-

[79] L Gr., 451. §, 587. lpp.; sal. **J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika, Rīgā, 1907, 307. §, 187. lpp.

[80] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā 1954, 548. lpp.

viem (558.—559. lpp.); 4) ar prepozīciju *uz: vajadzīgs, laimīgs, dedzīgs, traks* (560. lpp.), *vājš, pavājš, greizs* (561. lpp.).

No adjektīviem, kas pārvalda prepozicionālus substantīva akuzatīvus J. Endzelīns min kā raksturīgākos[81]: *kārs* (uz naudu), *slims* (ar drudzi), bet E. Soida kā plaši izplatītus norāda: 1) ar prepozīciju *ar: bagāts, nabags,*[82] *pilns, sīksts* un *slims;* 2) ar prepozīciju *caur: grūts* (563. lpp.); 3) ar prepozīciju *par: kaunīgs, derīgs,* ar adjektīva komparatīvu (563. lpp.).

Daļā no šīm vārdkopām prepozicionālās konstrukcijas (ar *priekš* un *caur,* arī ar *no*) veidojušās vācu valodas ietekmē un mūsdienu literārajā valodā vairs nav sastopamas. Taču visumā, salīdzinot ar tautasdziesmu valodu, šīs vārdkopas guvušas strauju izplatību.

2) Piezīmes par vārdkopām ar adjektīvu centrā un adjektīvu kā atkarīgo komponentu.

Sā tipa vārdkopas lietojamas īpašos stilistiskos nolūkos izteiksmes spēcināšanai. Tās sastopamas, galvenokārt, vienā veidā — kā adjektīva daudzskaitļa ģenitīvs atkarā no tās pašas saknes adjektīva daudzskaitļa formas:

> Lielu **lielie** brīnumiņi Ar tām ciema meitiņām: 11072,1 v. Sal: prieki lielu **lielie** LP III 16; vecu **vecais** ienaids 46 u. c. (L Gr., 394,1 §, 555. lpp.).

K. Mīlenbahs norāda arī uz cita veida aplūkojamā tipa vārdkopām:

«Līdzīgi īpašības vārdi ar -in pastiprina nelokamā formā tās pašas saknes īpašības vārdus: bālin bāls, melnin melns, raibin raibs, rūgtin rūgts, caurin caurs. Salīdz. leišu aklinis no aklas.» [83]

Bet no valodas sistēmas viedokļa līdz ar akad. J. Endzelīnu šeit jārunā nevis par adjektīviem, bet adverbiem:

«Lei. valodā adjektīvus ar *-inas* darina arī no adjektīviem... Sāda veida adjektīvi laikam ir pamatā latviešu adverbiem ar *-in,* kas noder tās pašas saknes adjektīva pastiprināšanai, piem., *bālin bāls, ràibin ràibs* u. c.» (L Gr., 149. b §, 309. lpp.).

---

[81] L Gr., 821. §, 1024. §. Citi piemēri norādīti: **Я. Эндзелин,** Латышские предлоги. 1 ч. Юрьев, 1905, 47, 115. lpp.

[82] **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 561. lpp.

[83] **J. Endzelīns** un **K. Mühlenbachs,** Latviešu gramatika. Rīgā, 1907, 264. §, 159. lpp.

Retāk lietojams adjektīvs *labs* atkarā no otra adjektīva kā tā nozīmes pastiprinātājs:

Sunišam maizes devu Labu **lielu** gabaliņu, 29413,1 v. Šais konstrukcijās ar atkarīgo adjektīvu sacenšas atkarīgais adverbs *labi*.

Grūti nosakāms, vai adjektīvs *dižens* blakus otram adjektīvam lietots sakārtojumā resp. blīvējumā vai kā otra adjektīva nozīmes pastiprinātājs:

Vesal's manas kājas, rokas, Dižans, **skaistis** augumiņš. 5455.

3) Piezīmes par vārdkopām ar adjektīvu centrā un adverbu kā atkarīgo komponentu.

Adverbi kā adjektīvu vārdkopu atkarīgie komponenti raksturo adjektīvu vai nu modāli semantiskā vai leksiski semantiskā plāksnē.

Modāli semantiskajā ziņā adverbi raksturo adjektīvus vai nu kā kāpinātas, vai ierobežotas intensitātes īpašību apzīmētāji, un teikumā tie funkcionē par īpašības mēra apstākļiem.

Īpašības intensitātes kāpinājumu apzīmē adverbs *ļoti* un tā sinonīmi. E. Soida šai sakarā norāda: «Adjektīvu vārdkopām ar adverbu *ļoti* kā atkarīgo komponentu sinonīmas vārdkopas veido arī adverbi: *aplam, briesmigi, brīnum, gauži, grūti, milzum, stipri* un *varen*. Šie adverbi «Pēterburgas Avizēs» lietoti kā adverba *ļoti* sinonīmi, bet adjektīvu vārdkopām tie piešķir dažādu nokrāsu, atkarībā no tā, cik lielā mērā šo adverbu nozīme asociē to vārdu nozīmi, no kuriem šie adverbi ir veidojušies. Ja adverbs *ļoti* var būt par atkarīgo komponentu visu adjektīvu vārdkopās, tad dažu minēto adverbu *ļoti* sinonīmu funkcionēšana adjektīvu vārdkopās ir ierobežota.»[84] Tas pats sakāms par tautasdziesmu valodu. Biežāk sastopamie šās grupas adverbi tautas dziesmās ir *brīnum, dižen* un *varen:*

Ļaudis mani daudzināja Brīnum **lielu** aditaju: 7284,2; sal.: brīnum **bargs** 21948,6; **b. laisku** 9912,4; **b. stalti** 10499; u. c.;

Vedisam ģeķišam Dižan **gudru** līgaviņu. 11944;

sal.: dižen **balts** V 1083,2; dižen **daiļa** 10495,4; **d. daiļu** 7685; 9467; 14469,1; 29413,2; 29414,1; **d. lielu** 14306,1; 29413,1; 29414; 32432; 32464; u. c.

---

[84] **E. Soida**, Vārdkopas... Rīgā, 1954. 571. lpp.

Es atradu tautiņās V a r e n **lielu** bagatību: 25961,5;
sal.: v a r e n **daiļi** 10499; 13833; v a r e n **stalti** 10499;
u. c.

Īpašības intensitātes i e r o b e ž o j u m u[85] apzīmē adverbi *diezgan, gana, labi, tik, visai:*

Paveros saulītē, Kā savā māmiņā:
D i e z g a n **diža,** d i e z g a n **skaista.** Tikai trūka valodiņas. 4371,2;
G a n a **silta,** g a n a **jauka,** Valodiņa vien nebija. 4371;
D i e z g a n **lielu,** d i e z g a n **mazu,** Nav manam prātiņam; 5091;
Sunišam maizes devu L a b i **lielu** gabaliņu, 29413,1 v.;
Dziedadama ceļu gāju, Kā cielava rakstidama;
Dievs dod manim satikties T i k **vēligu** tēva dēlu. 474,1;
sal.: t i k **vīzigs** I 382,12; t i k **lustigu** 474,5 v.;
Nedod, dievs, es negribu V i s a i **daiļa** tēva dēla;
V i s a i **dails** tēva dēls Kājām mina līgaviņu. 10373;
sal.: v i s a i **graznis** 14890.

L e k s i s k i s e m a n t i s k ā plāksnē kā adjektīva izteiktās īpašības m ē r a raksturotāji lietojami no adjektīva atkarīgie adverbi *drusku, maz* un *daudz,* bet kā izteiktās īpašības *kvalitātes* raksturotāji ar adjektīviem saderīgie adverbi ar *-i:* s a l d i **gard(i)s** alutiņis 19488,2; s ā r t i **dzidrs** āboliņš 23027; s p o ž i **baltu** linu drēbi 25366; t ī r i **baltu** āboliņu 15614,2; s ī k i **-raib'** audejiņa I 184,1; u. c.

Kā īpatnēji adjektīva izteiktās īpašības p a s t i p r i n ā t ā j i lietojami adverbi ar *-in* un *-um,* kam tāda pati sakne kā adjektīvam:

S a l d i n **salda** brūklenīte, Vēl saldaka zemenīte; 11421 v.
Pērrudeni man pazuda V e c u **mveca** rīku drāna; 20500,11.
J a u k a m **jauka** ta pusīte, Kur meitiņas godam aug. 622.

*

[85] Sal.: «Adverbi *diezgan* un *labi* «Pēterburgas Avīzēs» adjektīvu vārdkopās funkcionē kā sinonīmi un norāda tādu adjektīvu nosauktās īpašības stipruma pakāpi, kas gan ir pietiekami liela, bet nesasniedz to stiprumu, ko nosauc adverbs *ļoti* un tā sinonīmi.» (**E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, 574. lpp.)

PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

А. Я. ОЗОЛ

НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ИМЕННЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ ЛАТЫШСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Именные словосочетания делятся на две группы в зависимости от главного слова: 1) словосочетания с существительным (или каким-либо другим словом в значении существительного) в центре и 2) словосочетания с прилагательным (или причастием) в центре.

Субстантивные словосочетания с зависимым инфинитивом делятся на две группы как по лексико-семантическому признаку, так и по синтаксическому, причем в этом отношении наблюдается особая согласованность этих двух принципов. В одной группе имеются словосочетания с абстрактными существительными и зависимым от них инфинитивом, который выступает в предложении в качестве определения соответствующего существительного (Viena malt es neiešu, Tev būs *kauns* palīdzēt. 10004. «Одна я не пойду молоть, тебе стыдно будет помогать»). Во второй группе имеются словосочетания с конкретными существительными и зависимым от них инфинитивом, который функционирует в предложении в качестве обстоятельства цели (Ne tie *rati* pūru veste, *Tie* nabagu vizināt. 16390. «Эта телега не приданое вести, эта бедняка возить»). Словосочетания данной группы в современном латышском литературном языке обычно заменяются придаточными частями предложений.

Из именных словосочетаний с зависимым существительным в дайнах часто употребляются словосочетания с согласованным существительным, ставшие уже непродуктивными в современном латышском языке (напр.: dzērajs arajs 7515,1, а также родительным объекта «пьяница-пахарь»).

С точки зрения синонимии синтаксических значений и близости синтаксических отношений субстантивные словосочетания с непосредственно управляемыми существительными в родительном падеже охватывают три группы: 1) соответствующие именным конструкциям, где существительные находятся в отношениях согласования или сочинения, 2) соответствующие известным глагольным конструкциям, 3) не соответствующие каким-либо другим конструкциям.

Субстантивные словосочетания с зависимым родительным определительным (dzērajiņa arajiņu 10508 — «пьяницу-пахаря») соответствуют субстантивным словосочетаниям, где существительные находятся в согласовании (dzērajiņu arajiņu 7515,1 — «пьяницу-пахаря»).

Словосочетания с зависимым родительным усилительным соответствуют конструкциям с существительными, находящимися в сочинительных отношениях (Ср.: Lauziet, meitas, z a r u *zarus,* Virsuniti atstājiet; 2765,2 «Ломайте, девушки, сучья, верхушку оставьте» и соотносительное Lauziet, meitas, *zarus, zarus,* Virsuniti atstājiet; 2765,2 v.). На стыке управления и сочинения находятся конструкции с формами родительного падежа перед формами слов того же корня (*Stūru stūru* tēva zeme, Rakstiem mātes villainites. 3791. «Углами отцовская земля, узорами материнский платок»).

Субстантивные словосочетания с зависимым родительным субъекта соотносительны с известными глагольными конструкциями только ассоциативно, но не в плане грамматической синонимии. Ср.: Ai, dieviņi, slikti rudzi Bāleliņa tīrumā. Maksā, dievs, z i r g a *varu,* B ā l e n i ņ a *arumiņu.* 27899. «Ах, боже, плохая рожь у братца в поле. Плати, бог, за силу коня, за пахоту брата» и Maksā, dievs, ko *zirgs* v a r ē j a, ko *bāleniņš* a r a. «Плати, бог, за то, что лошадь работала, брат пахал»; Būsi brāļa līgaviņa, Brālim g u l t a s *taisītaja,* Brālim g u l t a s *taisītaja,* C i m d u, z e ķ u *aditaja.* 314. «Будешь невестой брата, стелющей брату постель, стелющей брату постель, вязальщицей рукавиц, чулок» и Brālim g u l t u *taisīsi,* c i m d u s, z e ķ e s *adīsi* «Будешь стлать брату постель, будешь вязать рукавицы, чулки». Родительный объекта зависит исключительно от существительных на *-(t)ājs, -ējs, -šana, -iens, -nieks, -ēklis, -ums,* образованных от переходных глаголов.

Остальные словосочетания с зависимым родительным, не соотносительные с какими-либо другими конструкциями, делятся на две группы, исходя из лексико-семантических отношений слов: 1) словосочетания, отражающие отношения при-

надлежности в обстоятельственном значении, т. е. отношения принадлежности, ассоциирующиеся с зависимыми словами в функции обстоятельств в глагольных конструкциях предложений (напр.: Ce|a maliņā 9132 — «на краю дороги») и 2) словосочетания, отражающие отношения принадлежности в узком смысле (напр.: brā|a auti 3550 — «онучи брата»). В каждой из этих групп выделяется несколько подвидов лексико-семантических отношений слов.

Субстантивные словосочетания с зависимым дательным (tēvs t a u t ā m *vēletajs* 3367 — «отец благожелатель сватам») и винительным (za|u s i e n u *pļāvejiņis* 3998 — «косец зеленой травы») в языке дайн непродуктивны. Первые из них, судя по данным диссертации Э. Сойды, к середине XIX века стали более употребительными [1], а употребление вторых сузилось [2] до полного исчезновения в настоящее время.

Субстантивные словосочетания с зависимым беспредложным инструменталисом выступают, за некоторыми исключениями, только как распространенные, причем инструменталис употребляется чаще препозитивно (c a u r u v i r s u *cepurite* 12398 v. — «шапка с дырявым верхом»), нежели постпозитивно (vecais *tēvs* s i r m u b ā r z d u 2203 — «дед с седой бородой»), как это бывает в нестихотворной речи современного языка.

В субстантивных словосочетаниях с зависимым местным падежом следует различать местные падежи с простой, или однократной, и двойной зависимостью.

Слова в местном падеже при простой зависимости употребляются, за некоторыми исключениями, препозитивно и выступают в предложении в роли определения (Atved savu sūru dienu, R o k ā maizes *devejiņu*. 23322. «Привела свой горький день, в руки хлеб дающий»). Слова в местном падеже, зависимые от имени существительного и глагола, употребляются постпозитивно по отношению к управляющему имени или местоимению и выступают в предложении в роли обстоятельства состояния (Bagatā brā|u *māsa* Ilgi *sēd* v a i ņ a g ā. 5080. «Богатая сестра у братьев долго сидит в венке», т. е. не выходит замуж).

В субстантивных словосочетаниях в дайнах, за некоторыми исключениями, не встречаются зависимые существительные в предложном управлении.

---

[1] Ср.: **E. Soida,** Vārdkopas... Rīgā, 1954, стр. 401
[2] Там же, стр. 402.

В данной работе даются только некоторые замечания о субстантивных словосочетаниях с зависимым прилагательным, числительным, местоимением, причастием, деепричастием и наречием, так как эти словосочетания, за некоторыми исключениями, не представляют специфических особенностей языка дайн.

В словосочетаниях с именем прилагательным в роли главного слова в качестве зависимых членов употребляются инфинитивы, деепричастия, существительные, прилагательные и наречия.

В двух первых томах исследуемых дайн обнаружен инфинитив, находящийся в зависимости от прилагательных: agrs «ранний», dziļš «глубокий», gards «вкусный», garš «длинный», grūts «трудный», jauks «приятный», labs «хороший», lustīgs «веселый», mīļš «милый», pēdīgs «последний», priecīgs «радостный», silts «теплый», vērts «ценный», viegls «легкий» (Sīki metu, smalki malu Bālīnam kara maizi, Lai tā bij *garda* ēst, *Viegla* nest *mugurā*; 8209,1. «Мелко бросала, тонко молола брату хлеб на войну, чтобы вкусно есть, легко нести на спине»).

В качестве зависимых от имени прилагательного деепричастий редко встречаются деепричастия на *-dams* и *-am,* часто на -ot (Krusta māte man solija Līdz kājāmi linu kreklu, *Gara* mēle pasolot, *Īsas* rokas iedodot. 1810. «Крестная мне обещала льняную рубашку до полу; язык долог — обещать, руки коротки — давать»).

Прилагательные, управляющие существительными, как беспредложными, так и предложными, и прилагательными, в языке дайн употребляются редко.

PĒTERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

A. BOJĀTE

AKUZATĪVA LOCĪJUMA NOZĪMES TIEŠAJĀ VERBĀLAJĀ PĀRVALDĪJUMĀ JAUNSTRĀVNIEKU PUBLICISTISKAJOS RAKSTOS (DIENAS LAPĀ).

No visiem locījumiem akuzatīvs ir visbiežāk lietotais locījums valodā. Liels ir verbu skaits, kas pārvalda akuzatīva locījumu. Visi transitīvie verbi, bet arī liela daļa intransitīvo verbu saistās ar akuzatīvu.

Vārds akuzatīvā visbiežāk apzīmē objektu, t. i., priekšmetu konkrētā vai abstraktā nozīmē, uz kuru iedarbojas vai attiecas verbā izteiktā darbība. Akuzatīvs var apzīmēt arī lokālas un temporālas attieksmes.

Liela daļa verbu, kas saistās ar vārdiem akuzatīvā, satura pilnīgākas izteiksmes dēļ lietojami kopā ar netiešo papildinātāju, visbiežāk datīva locījumā. Tā, adresāta, labvēlīguma (nelabvēlīguma), nolūka datīvs domu pilnīgākai izteikšanai, nav iedomājams bez akuzatīva locījuma, piem.: d o t **grāmatu studentam,** s a g ā d ā t **prieku vecākiem,** i z t e i k t **domas biedriem,** r a k s t ī t **vēstuli draugam.**

Akuzatīva locījuma nozīmju vētsuriskais apskats, ekscerpētais materiāls, salīdzinājums ar lietuviešu un krievu valodu ļauj konstatēt, ka akuzatīva locījums verbālajā pārvaldījumā var būt: ārējas iedarbes, iekšējas iedarbes, rezultāta, satura, laika, mēra un izplatījuma, vērtības, darītāja, virzības un izsaukuma akuzatīvs.

1. Ārējās iedarbes akuzatīvs [1]

Ārējās iedarbes akuzatīvs ir nomens vai pronomens akuzatīvā, kas apzīmē konkrētu priekšmetu vai dzīvu būtni, uz kuru iedarbojas ārējā resp. fiziskā darbība.

[1] Līdz šim latviešu gramatikās un valodnieciskajos rakstos nav minēts ārējās iedarbes akuzatīvs.

Dienas Lapā ārējās iedarbes akuzatīvs konstatējams plašos apmēros, visbiežāk kopā ar adresāta, labvēlīguma, (nelabvēlīguma), nolūka, veida datīvu. Ārējās iedarbes akuzatīvs kopā ar adresāta datīvu konstatējams piemērā:

...mazais Edisons p ā r d e v a avižu **numurus** dzelzceļa pasažieriem (D L 1892, 77).

Ārējās iedarbes akuzatīvs kopā ar labvēlīguma datīvu piemērā:

Minētā avize ziņo vēl to, ka Amerika vēl l a s o t **labību** Krievijas **trūkumcietējiem** (D L 1892, 112).

Ārējās iedarbes akuzatīvs kopā ar nolūka datīvu piemērā:

...zināšanu papildināšanai un tālakai izglītošanai, klausītāji varēja ņemt grāmatas iz sabiedribas pārvadajamas bibliotekas (D L 1895, 146).

Ārējās iedarbes akuzatīvs kopā ar veida datīvu konstatējams piemērā:

Biļetes sevišķi izgatavotas, **kuras** varēs **piemiņai** p a g l a b a t uz vēlakiem laikiem, būs dabujamas... (D L 1892, 112).

Indoeiropiešu valodās ārējās iedarbes datīvs kopā ar ieinteresētības vai nolūka datīvu tiek bieži lietots, piemēram, latiņu valodā:

d a r e **librum discipulo** — dot skolniekam grāmatu.

Lietuviešu valodā ārējās iedarbes akuzatīvs kopā ar ieinteresētības vai nolūka datīvu tikpat bieži izplatīts kā latviešu valodā, piemēram:

tėvui jis d u o d a **pragyvenimą** [2] — viņš dod tēvam uzturu;
d u o t i **dovaną atminimui** [3] — dot dāvanu piemiņai.

Par akuzatīva locījumu runā A. Bīlenšteins savā darbā «Lettische Grammatik» (**A. Bielenstein**, Lettische Grammatik, Mitau, 1863, 266.—271. lpp.). A. Bīlenšteins izšķir akuzatīvu kā ārējo un iekšējo objektu. Par ārējo objektu A. Bīlenšteins sauc akuzatīvu, kas eksistē ārpus darbības («ausserhalb der Handlung liegendes, ein von ihr betroffenes»), un iekšējais objekta akuzatīvs, ko darbība pati ietver (der Handlung selbst schon enthaltenes). A. Bīlenšteins ārējā objekta akuzatīvu saista tikai ar transitīviem verbiem, tāpat kā tas esot citās valodās. Turpmākajās gramatikās un valodnieciskajos rakstos nekas jauns par akuzatīvu un tā nozīmēm nav sacīts. Visu vērtīgo, kas latviešu valodniecībā tikā konstatēts par akuzatīvu, tā pārvaldījumu un nozīmēm J. Endzelīns sakopojis savā monumentālajā darbā Latviešu valodas gramatika (J. Endzelīns Latviešu valodas gramatika, 1951., 575.—580. lpp.), J. Endzelīns lielāko daļu akuzatīvus konstatē pārvaldījuma attieksmēs, bet nemin tā nozīmes, piem., tiešā objekta locījums, divkāršais akuzatīvs, akuzatīvs pie darītāju vārdiem.

[2] Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954, 160. lpp.

[3] Turpat, 48. lpp.

Teikumā ārējās iedarbes akuzatīvu analizē kā tiešo papildinātāju, piem.:

Francija mums s n i e g u s i **roku** pār zemem (D L 1893, 98).

Arī krievu valodā bieži lieto ārējās iedarbes akuzatīvu kopā ar datīvu, piemēram: дать (вручить, представить) кого-что кому-чему [4]; дать книгу ученику.

2. Iekšējās iedarbes akuzatīvs [5]

Iekšējās iedarbes akuzatīvs ir vārds akuzatīvā, kas apzīmē priekšmetu vai dzīvu būtni, uz kuru vēršas kāda iekšēja resp. psihiska darbība, un gandrīz vienmēr tas ir saistīts ar verbiem, kas izsaka runas, gribas, uztveres, jušanas un citas līdzīgas nozīmes.

Iekšējās iedarbes akuzatīvs ļoti bieži izplatīts jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos. Piemēri ar runas verbu:

Mūsu pilsētā pastrādata diemžēl tāda neģēliba, **kuŗu** p a z i ņ o t citiem jakaunas (D L 1892, 77).

Iekšējās iedarbes akuzatīvs bieži atkarīgs no verbiem, kas izpauž gribu, piem.:

... likums, kas n o t e i c dzelzceļu strādniekiem viņu darba **laiku** ir no apakšnama pieņemts (D L 1894, 14).

Tagad ari zemakas šķiras pieprasa, lai tam a t ļ a u j savu **daļu** pie ši darba (D L 1893, 98).

Iekšējās iedarbes akuzatīvs, kas atkarīgs no runas un gribas verbiem gandrīz vienmēr saistīts ar vārdu datīvā, piem.: «**kuru** p a z i ņ o t **citiem**», «n o t e i c dzelzceļu **strādniekiem** viņu darba **laiku**».

Iekšējās iedarbes akuzatīvs atkarīgs no jušanas (uztveres) verbiem. Tas parasti nav saistīts ar datīvu, piem.:

---

[4] **С. И. Ожегов.** Словарь русского языка. М. 1952, 129. lpp.

[5] Līdz šim latviešu gramatikās un valodnieciskajos rakstos nav minēts iekšējās iedarbes akuzatīvs. Pirmais dziļākais pētījums par akuzatīvu ir A. Bīlenšteinam. Savā darbā Lettische Grammatik (**A. Bielenstein,** Lettische Grammatik, Mitau, 1863, 266.—271. lpp.). A. Bīlenšteins min akuzatīvu kā iekšējo objektu, norādot, ka tas atrodas ne tikai pie transitīviem, bet arī intransitīviem verbiem; tādi verbi varot būt: a) ar verbu radniecīgas saknes vārdi, piem.: sapni sapņot, dziesmu dziedāt, b) pēc jēdzieniskā satura verbam tuvi vārdi, piem.: saldu miegu gulēt, grūtu mūžu dzīvot. Minētie piemēri un to apraksts liecina, ka Bīlenšteins par iekšējo objektu uzskata satura un rezultāta akuzatīvu, tos nenosaukdams.

Daudz dzīvnieku, kuŗi lielakā mērā atkarigi no laika maiņam, spējot priekš vairak dienam laika maiņu **tuvošanos** s a j u s t. (D L 1894, 19).

Kaigorodovs aizrāda uz koka vardi, kuŗa nereti priekš 3 dienam. s a j ū t o t laika maiņu **tuvošanos.** (D L 1894, 19).

Iekšējās iedarbes akuzatīvs atkarīgs no verbiem ar nozīmi *rādīt, mācīt* parasti saistīts ar vārdu datīvā, piem.:

Visi šie apstākļi r ā d a bērniem neapzinigu **melkulibu.** (D L 1892, 13).

M ā c i j a tiem **mīlestibu** pret tuvakiem... (D L 1892, 116).

Indoeiropiešu valodās iekšējās iedarbes akuzatīvs ļoti bieži izplatīts un parasti tas saistīts ar adresāta datīvu, piemēram, latīņu valodā:

n a r r ā r e liberis fabulas, bet latīņu valodā retāk tas saistās ar datīvu, biežāk ar otru vārdu akuzatīvā divkāršajā akuzatīva (accusatīvus duplex) konstrukcijā, piem.:

d o c e r e **aliquem aliquid** — mācīt kam ko

Lietuviešu valodā iekšējās iedarbes akuzatīvs konstatējams piemērā:

Paskelbti susirinkimui rezoliucijos projektą [6].

Arī lietuviešu valodā kopā ar iekšējās iedarbes akuzatīvu saistās otrs akuzatīvs datīva vietā, piem.:

Aš jam **visa** a p r o d ž i a u [7] — es viņam visu izrādīju.

Krievu valodā iekšējo iedarbes akuzatīvu lieto retāk nekā latviešu valodā, piemēram: **нам** путь о з а р и л [8]; bet: m ā c ī t **bērniem vēsturi** krievu valodā tulkojams: *учить детей истории.*

Teikumā iekšējās iedarbes akuzatīvu analizē kā tiešo papildinātāju, piem.:

Daudz dzīvnieku, kuri lielakā mērā atkarigi no laika maiņam, spējot priekš vairak dienam laika maiņu **tuvošanos** sajust. (D L 1894, 19).

3. Rezultāta akuzatīvs [9]

Rezultāta akuzatīvs ir vārds akuzatīvā, kas apzīmē priekš-

[6] Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954, 552. lpp.

[7] Turpat, 681. lpp.

[8] Грамматика русского языка, т. II, ч. I, изд. АН СССР. М. 1954, 243 lpp.

[9] Par rezultāta akuzatīvu ir rakstījis J. Endzelīns, minēdams terminu **rezultāta akuzatīvs** un nosaukdams piemērus: pūru darīt..., cimdus ada..., miltus malt..., atplēst acis platas; sasist muguru zilu... (**J. Endzelīns,** Latviešu valodas gramatika, Rīgā 1951., 427. §, 576.—577. lpp.).

metu vai īpašību, kas radusies darbības rezultātā, piem.: c e l t **māju; c e p t maizi; r a k s t ī t vēstuli, p a d a r ī t ienaidnieku nekaitīgu; m a z g ā t rokas tīras.**

Rezultāta akuzatīvu lieto mūsdienu latviešu valodā un arī jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos. Visbiežāk tas atrodams pie dažādiem transitīviem verbiem, kuru izteiktās darbības rezultātā ir radies jauns priekšmets vai īpašība. Rezultāta akuzatīvs retāk saistās ar datīvu.

Jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos rezultāta akuzatīvs konstatējams šādos piemēros:

Lielakā daļa koru, kas piedalas pie Jelgavas tautas svētkiem, svētdien, jul. 19. d. š. g. Maskavas dārzā i z r ī k o s lielu dārza **koncertu** (D L 1893, 98.).

Rezultāta akuzatīvs ar labvēlīguma datīvu:

Valdība apņēmusies karaļa **mātei** s a r ī k o t lielisku oficialu **sagaidīšanu** viņai Belgradē pārnākot (D L 1892, 99).

Rezultāta akuzatīvs izteikts ar īpašības vārdu, piem.:

Šāda patiesa izglītība ari visu tautu d a r a garā un centienos **krietnaku** (D L 1893, 98).

Rezultāta akuzatīvs izteikts ar īpašības vārdu, kopā ar labvēlīguma datīvu, konstatējamas šādā piemērā:

Norveģijas patrioti stipri sakaisas un p a d a r i j a niecigo iekšējo strīdu ari citām Eiropas valstim **interesantu.** (D L 1893, 98).

Rezultāta akuzatīva konstrukcijā īpašības vārda vietā var atrasties arī lokāmais divdabis, piem.:

Tie mums n e d a r a visu **zinamu,** kas ap mums n o t i e k (D L 1892, 7).

Rezultāta akuzatīvs konstatējams arī lietuviešu valodā, piemēram: statyti paminklą — celt pieminekli [10].

Krievu valodā rezultāta akuzatīvs konstatējams šādā piemērā: строить дом [11].

Teikumā rezultāta akuzatīvu, kas izteikts ar lietvārdu, analizē kā papildinātāju, piemēram:

Sirmā senatne radija **vērdzību,** vidus laiki piekopa dzimtbūšanu, ... (D L 1893, 98).

Rezultāta akuzatīvu, kas izteikts ar īpašības vārdu, kopā ar darbības vārdu analizē kā salikto izteicēju, piemēram:

Bet patiesa izglītība tautu **dara** ari laicigās mantās **turigaku** (D L 1893, 98).

---

[10] Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954, 765. lpp.

[11] **С. И. Ожегов.** Словарь русского языка. М. 1952, 716. lpp.

4. Satura akuzatīvs [12]

Satura akuzatīvs ir vārds akuzatīvā, kura sakne vai jēdzieniskais saturs ir tas pats, kas attiecīgajam verbam. Parasti to lieto kopā ar īpašības vārdu kā apzīmētāju, piemēram: bēdāt bēdu, dzīvot vērtīgu dzīvi, sapņot skaistu sapni. Pie satura akuzatīva pieder arī pastiprinājuma akuzatīvs, piemēram: kliedz tavu kliegšanu.

Satura akuzatīvs retāk sastopams mūsdienu latviešu valodā. Arī jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos tas mazāk izplatīts, piemēram:

> ... mēs stāvam vistuvakā sakarā un s t r ā d a j a m vienu **darbu** (D L 1892, 1)
> ... sapulcejās ap 20 jaunekļu d z i e d a d a m i **dziesmu** (D L 1894, 5).

Arī latviešu valodā ir satura akuzatīvs. Par satura akuzatīvu lietuviešu valodā E. Frenkelis saka, ka satura akuzatīvs ir nomināls jēdziens, kas radījis darbības rezultātā norisi, notikumu, parādību, kuras nosaukumam ar attiecīgo verbu ir viena etimoloģiska cilme vai līdzīga nozīme. Liela daļa verbu, no kuriem atkarīgs satura akuzatīvs, ir intransitīvi verbi, un bieži akuzatīvā izteikto nomenu pastiprina apzīmētājs [13]. Satura akuzatīva piemēri lietuviešu valodā: **Dainą** d a i n u o t i [14] — **dziesmu** d z i e d ā t. Tarybiniai žmonės raimiai d i r b a savo taikų **darbą** [15]. Arī krievu valodā izplatīts satura akuzatīvs. Krievu akadēmiskajā gramatikā [16] sacīts, ka var būt vārdkopas, kurās galvenais vārds ir verbs un no tā atkarīgs nomens akuzatīva locījumā, kam viena sakne, un tie tuvi pēc leksiskās nozīmes, piem.: горе горевать; думать думу [17].

---

[12] **J. Endzelīns** Latviešu valodas gramatika Rīgā, 1951., 577. lpp. J. Endzelīns nosauc satura akuzatīvu un veselu rindu piemērus: bēdā... manu bēdu!... kaunies kaunu!... vienas domas domājam.

[13] sal.: **Ernst Fraenkel** Syntax der litauischen Kasus. Tauta ir žodis, V Knygos, Kaunas, 1928, 81. lpp. «Im Akk. des Inhalts steht ein Nominalbegriff, der nur während der durch das Verbum ausgedrückten Tätigkeit vorhanden ist. Es bezeichnet einen Vorgang, eine Erscheinung, deren Benennung gemäss der etymologischen Herkunft oder wenigstens der Bedeutung sich mit dem wurzelhaften Element des Verbums deckt. Ein grosser Teil der in Frage kommenden Verba ist intransitiv. Das im Akk. stehende Nomen actionis wird oft durch Adj. verstärkt.

[14] Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius 1954, 113. lpp.

[15] Turpat, 140. lpp.

[16] Грамматика русского языка, т. II, ч. I, изд. АН СССР, М. 1954, 119. lpp.

Šādas vārdkopas galvenokārt lieto sarunas un tautas dzejas valodā [17].

Satura akuzatīvu teikumā analizē kā tiešo papildinātāju.

5. Laika akuzatīvs [18]

Laika akuzatīvs ir nomens akuzatīvā, kas norāda laiku vai laika ilgumu, kad norisinās darbība. Laika akuzatīvs var norādīt arī kādas personas vai dzīvas būtnes vecumu, piem.: **vasaru** dzīvot jūrmalā, strādāt septiņas **stundas**, divus **gadus** vecs bērns.

Laika akuzatīvs jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos bieži izplatīts. Tas var apzīmēt laiku, kad notiek darbība, piem.:

Krievu elementarskolu uzturēšanai Somijā līdz šim tapa dots **katru gadu** 3000 rb. (D L 1893, 72).

Visbiežāk Dienas Lapā atrodam laika akuzatīvu laika ilguma apzīmēšanai, piem.:

Edisons stradā caurmērā **18 stundas** pa dienu. (D L 1892, 77).

Malkcirteju peļņas ir neticami mazas, pie tam viņi var tikai pāra **mēnešus** gadā šo specialo nodarbošanos piekopt. (D L 1894, 9).

Tautai varot gan nedot zinamu tiesibu, bet atņemt tiesibu, kuru viņa baudijusi **20 gadus**, saka Bebels, neesot iespējams. (D L 1893, 97).

Ir gadijumu, kur malkcirteji visā vasaras laikā atrodas tikai **kādu nedeļu** darbā; ... (D L 1894, 9).

Sevišķi izplatīts laika akuzatīvs ir lietuviešu valodā, piem.: Kas žaliuoja **žiemą vasarėlę?** [19] — kas zaļoja ziemu un vasaru?

Arī krievu valodā ir laika akuzatīvs. Zinātņu Akadēmijas izdotajā gramatikā [20] lasām, ka akuzatīvs apzīmē arī laika attiecības un parasti tie ir lietvārdi, kas apzīmē kādu laika pe-

---

[17] Turpat, 119. lpp. «...

[18] Laika akuzatīvu minējis jau A. Bīlenšteins savā darbā «Lettische Grammatik» (A. Bielenstein, Lettische Grammatik, Mitau, 1863., 266.—271. lpp.). Bīlenšteins saka, ka laika akuzatīvs ietver trīs nozīmes: laiku, kad notiek darbība, laika ilgumu, atbildot uz jautājumu **cik ilgi?** piem.: «cauru dienu», rītu», un **laiku** uz jautājumu **kopš kura laika?**

[19] **J. Jablonskis** Rinktiniai raštai, Vilnius 1957, 616. lpp.

[20] Грамматика русского языка, т. II, ч. I, изд. АН СССР, М. 1954. 120. lpp.

riodu [21], piem.: ... жить целую зиму в деревне — dzīvot veselu ziemu laukos; проболеть весь год — noslimot veselu gadu.

Teikumā laika akuzatīvs parasti ir laika apstāklis, piem.:

Edisons strādā caurmērā **18 stundas** pa dienu (D L 1892, 77).

6. Mēra un izplatījuma akuzatīvs [22]

Mēra un izplatījuma akuzatīvs ir nomens akuzatīvā, kas apzīmē mēru vai telpiskas attieksmes. Leksiskā nozīme nomenam mēra akuzatīvā vai arī vārdam, no kā ir atkarīgs mēra akuzatīvs, izsaka mēru, daudzumu, piem.: divus metrus dziļš grāvis.

Mēra akuzatīvs biežāk atrodams pie īpašības vārdiem, kas apzīmē mēru, bet izplatīts arī verbālajā pārvaldījumā, šādos teikumos:

Maija mēnesī Londonā sāka iznākt oficials laikraksts «Labour Gazette» pa mēnesi **reizi.** (D L 1893, 101).

Runā, ka Vrbisa esot pārdevis tēviju Austrijai un šādām baumām gan būs **labu tiesu** patiesības (D L 1892, 99).

...nāves atgadījumi notiek **pulku** retaki ... (D L 1894, 25).

...prese piepalīdzēja **savu daļu** pie skandala noslāpešanas (D L 1894, 1).

Izplatījuma akuzatīvs nav sevišķi bieži sastopams jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos, piem.:

Garo ceļu pa Ovšu, Mežu un Daugavu strūdzenieki nobraukuši 15 dienās (D L 1893, 100).

Lietuviešu valodā arī ir šāds izplatījuma akuzatīvs, piem.: bridau juodą purvynelį [23] — bridu melnus dubļus.

Par izplatījuma akuzatīvu E. Frenkelis [24] saka, ka tas sākumā ir bijis ārējā objekta akuzatīvs, tad pārgājis satura aku-

---

[21] Turpat. «В качестве зависимого слова в такие словосочетания входят имена существительные, называющие период времени: эпоха, лето, год, месяц...»

[22] Mēra akuzatīvu tuvāk precizējis ir R. Cukurs savā gramatikā (**R. Cukurs,** Latviešu valodas teikummācība, 1897., 23.—24. lpp.) Izplatījuma akuzatīvu J. Endzelīns min savos darbos (J. Endzelīns Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951., 578. lpp.)

[23] **J. Jablonskis** Rinktiniai raštai, Vilnius, 1957.

[24] **E. Fraenkel,** Syntax der litauischen Kasus, Tauta ir žodis, V knygos, 1928, 97. lpp.

zatīvā un pēc tam kļuvis patstāvīgs, norādīdams uz telpisko izplatību [25].

Krievu valodā reti satopams izplatījuma akuzatīvs tiešajā verbālajā pārvaldījumā, piem.: пробежать километр,[26] идти версту [26]. Zinātņu Akadēmijas izdotajā gramatikā — Грамматика русского языка [27] sacīts, ka nav liels skaits vārdkopu ar verbiem un lietvārdiem akuzatīvā, kas izsaka telpiskas attiecsmes. Sādas vārdkopas veido pārejoši un nepārejoši verbi, kas izsaka kādu kustību, un substantīvi, kas norāda kādu mēru.[28]

Mēra un laika akuzatīvs var būt veida apstākļa funkcijā, piem.:

> Iz 26 reizem viņas brēkšana un savadā izturēšanās bijuse tikai 3 r e i z e s apmānoša; iz šim 26 reizem viņa 14 r e i z e s agrak metusēs nemieriga. (D L 18).

7. Vērtības akuzatīvs [28]

Vērtības akuzatīvs ir nomens akuzatīvā, kas apzīmē kāda priekšmeta cenu vai vērtību.

Vērtības akuzatīvs jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos atrodas pie verbiem ar nozīmi **maksāt, būt parādā,** piem.:

> Tādos apstākļos tad kontraktus noslēdza uz salam ar to nosacijumu, ka tie darbā iestādamies s a m a k s ā s viņam **40—50 dolarus** par atvešanu un uzturu (D L 1894, 16).
>
> Biļetes... m a k s ā s tikai **1 rubli 50 kap.** katram dalībniekam (D L 1892, 112).

Lietuviešu valodā arī ir vērtības un cenas akuzatīvs, piem.: «Kiek kainuoja šita knyga? [29] — Cik maksā šī grāmata?

Par vērtības un cenas akuzatīvu E. Frenkelis [30] saka, ka tas

---

[25] Turpat. «Auch diese Akkus. sind urspr. solche des ausseren Objekts, bezw. des Inhalts gewesen und haben sich erst allmählich selbständig gemacht. Auf der Grenze zwischen Objekts akk. und solchem der Raumerstreckung stehen...»

[26] **С. И. Ожегов.** Словарь русского языка. М. 1952, 552. lpp.

[27] Грамматика русского языка, т. II, ч. I, АН СССР. 1954, 191. lpp.

[28] Līdz šim latviešu gramatikās nav minēts vērtības akuzatīvs. J. Endzelīns savā gramatikā min verbus «maksāt», «būt parādā», no kuriem ir atkarīgs akuzatīvs, bet nenosauc, kas tie par akuzatīviem. (**J. Endzelīns,** Latviešu valodas gramatika, 1951., 579. lpp.).

[29] **J. Jablonskis** Rinktiniai raštai, Vilnius, 1957.

[30] **E. Fraenkel,** Syntax der litauischen Kasus, Tauta ir žodis, V knyga, 1928, 100. lpp.

parasti sastopams pie verbiem ar nozīmi **maksāt** un **parādā būt.**[31]

Krievu valodā reti atrodams vērtības akuzatīvs, piem.: Рыба весит три килограмма [32]. Zivs sver trīs kilogramus.

8. Darītāja akuzatīvs [33]

Darītāja akuzatīvs ir nomens akuzatīvā, kas lietojams kopā ar nelokāmo divdabi (ar izskaņu **-am, -ām, -amies, -āmies,** retāk ar **-ot**) un apzīmē darbības veicēju, darītāju.

Jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos bieži izplatīts darītāja akuzatīvs, kam pamatā accusativus cum infinitivo konstrukcija. «Dienas Lapā» atrodam šādus darītāja akuzatīva piemērus:

> D z i r d e j u **daudzus** i z s a k o t i e s, ka turpmaki vajadzetu ņemt izrādišanai krietnakas lugas (D L 1894, 5). Koŗu dziedataju pulkā atradās arī daži, kuŗi dekoracijas dēļ bija nostājušies uz estrades, jo reti **tos** r e d z e j u d z i e d a m. (D L 1894, 5).

Nelokāmā divdabja forma ar galotni -am (-ām) ir saīsināta ciešamās kārtas tagadnes divdabja forma. Par to runā J. Endzelīns «Latviešu valodas gramatikā» [34]. Kā piemērus J. Endzelīns min:

«es redzēju viņu sargajamu ....
es dzirdēju viņu runājamu».

J. Endzelīns par šo divdabi konstatē, ka tagad tas lietojams tikai nelokāmajā formā [35].

Latīņu valodā **accusativus cum infinitivo** konstrukcija ļoti bieži izplatīta. To lieto gandrīz visos gadījumos pēc verba dicendi, sentiendi un voluntatis, piem.:

video puerum ludere
— Redzu, ka zēns rotaļājas;
(redzu zēnu rotaļājamies).

---

[31] Turpat: «Der Akk. des Wertes, Preises findet sich besonders bei Verben des Kostens und Schuldens».

[32] **С. И. Ожегов.** Словарь русского языка. М. 1952, 62. lpp.

[33] Līdz šim latviešu valodas gramatikās nav minēts termins «darītāja akuzatīvs».

[34] **J. Endzelins** Latviešu valodas gramatika, 1951., 926. lpp.

[35] Turpat, 926. lpp.: «Tagad lietājama ir tikai apokopētā forma ar -m».

Sentio ver venisse
— jūtu, ka pavasaris atnācis —
jūtu pavasari atnākam.

Lietuviešu valodā arī ir darītāja akuzatīvs. E. Frenkelis [36] konstatē, ka konstrukcija **accusativus cum infinitivo** tiek lietota lietuviešu valodā atkarā no galvenā verba, it sevišķi vecākos tekstos; vēlākā laikā to bieži aizstāj palīgteikumi.

Accusativus cum infinitivo konstrukciju mūsdienu lietuviešu valodā var saskatīt šādos piemēros:

Vakar mačiau jį gatve vaikščiojant — vakar redzēju viņu staigājam pa ielu.

Darītāja akuzatīvs teikumā var būt saliktais papildinātājs, piem.:

Koru dziedataju pulkā atradās ari daži, kuri dekoracijas dēļ bija nostājušies uz estrades, jo reti t o s redzeju d z i e d a m.

Dzirdeju d a u d z u s i z s a k o t i e s, ka turpmaki vajadzetu ņemt izrādišanai krietnakas lugas, sevišķi oriģinallugas. (D L 1894, 5).

9. Virzības akuzatīvs

Virzības akuzatīvs ir vārds akuzatīvā, kas apzīmē kādu mērķi, uz kuru virzās ar verbu izteiktā darbība.

J. Endzelīns [37] norāda, ka virzības akuzatīvs sastopams tikai folklorā, piem.: «pili piejādams», «ciemiņa piejādams» [38]. Mūsdienu latviešu valodā tas nav atrodams, netika konstatēts arī jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos.

10. Izsaukuma akuzatīvs

Izsaukuma akuzatīvs ir vārds akuzatīvā, kas izsaka uzrunu, izbrīnu, piem.: ak tavu prātu! ak, tavu iedomu! Izsaukuma akuzatīvs ir dzīvs arī mūsdienu latviešu valodā, tas lietots visos latviešu valodas attīstības periodos. Tā kā izsaukuma akuzatīvam nav atkarīga locījuma funkcijas, tas lietojams patstāvīgi, tad šā darba uzdevums nav to apskatīt.

---

[36] E. Fraenkel, Syntax der litauischen Kasus, Tauta ir žodis V knygos, 1928, 92., 93. lpp.

[37] J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, 1951., 578. lpp.

[38] Turpat.

Ekscerpētā materiāla analīze rāda, ka akuzatīva locījums tiešajā verbālajā pārvaldījumā jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos izplatīts un lietots daudzās nozīmēs. Darbā izvirzītas līdzšinējā latviešu valodnieciskajā literatūrā neminētas akuzatīva nozīmes: ārējās iedarbes, iekšējās iedarbes, darītāja, vērtības akuzatīvs; precizētas rezultāta, satura, laika, mēra un izplatījuma akuzatīva nozīmes, konstatēts, ka jaunstrāvnieku publicistikā vairs nav virzības akuzatīva, kas tik bieži bija izplatīts folklorā.

A. T. БОЯТЕ

ЗНАЧЕНИЯ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ПРИ ГЛАГОЛЬНОМ БЕСПРЕДЛОЖНОМ УПРАВЛЕНИИ

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Разбор собранного материала, изучение и сравнение латышской лингвистической литературы с литовским и русским языком позволили автору этой статьи сделать следующие выводы:

1. В газете «Dienas Lapa» и в современном латышском языке винительный падеж при глагольном беспредложном управлении широко распространен, особенно с дательным адресата, благожелательности (неблагожелательности), цели, и употребляется во многих значениях.

2. Установлен винительный падеж внешнего и внутреннего воздействия, ценности и действующего лица.

Винительный падеж внешнего воздействия — это имя или местоимение в винительном падеже, обозначающее конкретный предмет или живое существо, на которое воздействует внешнее или физическое действие.

Винительный падеж внутреннего воздействия — это имя или местоимение в винительном падеже, обозначающее предмет или живое существо, на которое направлено какое-нибудь внутреннее или психическое действие.

Винительный падеж ценности — это имя в винительном падеже, обозначающее цену или ценность какого-либо предмета.

Винительный падеж действующего лица — это имя в винительном падеже, употребляемое с несклоняемым причастием (на — am, реже — ot) и обозначающее действующее лицо.

3. Уточнены винительный содержания, результата, времени, меры.

Винительный падеж содержания — это слово в винительном падеже, корень которого или смысловое содержание совпадает с соответствующим глаголом.

Винительный падеж результата — это слово в винительном падеже, обозначающее предмет или свойство, возникшее в результате действия.

Винительный падеж времени — это слово в винительном падеже, указывающее на время протекания действия.

Винительный падеж меры — это имя в винительном падеже, обозначающее любую меру времени и пространства.

4. В латышском фольклоре часто встречаемый винительный падеж направления в публицистике «Нового течения» и в современном латышском языке более не употребляется.

В латышском языке употребляется и винительный падеж восклицания, но для публицистической речи он не характерен.

Исторический обзор развития значений винительного падежа и собранный материал позволяют установить, что винительный падеж может иметь следующие значения: внешнего воздействия, внутреннего воздействия, результата, содержания, времени, меры, ценности, действующего лица, направления и восклицания.

PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

J. KUSĶIS

INTONĀCIJAS GROSTONAS UN MEIRĀNU IZLOKSNĒ

Par Grostonas un Meirānu izloksnes intonācijām līdz šim nav ne plašāku materiālu vākumu, ne publicējumu. No Meirāniem viena tautasdziesma ir ievietota J. Endzelīna Lettisches Lesebuch, 131. lp.; astoņpadsmit vārdus, kas sastopami arī Meirānu izloksnē, ievietojis A. Aizsils Filoloģijas materiālos, 25.—26. lp.; sakarā ar diftongizāciju un monoftongizāciju atsevišķi vārdi Grostonas un Meirānu izloksnē atrodami LVU Zinātnisko rakstu XXV/IIIA sējumā, 135.—156. lp. Par Grostonas un Meirānu kaimiņu izlokšņu intonācijām ir materiāli valodniekiem ļoti vērtīgā izdevuma Filologu biedrības raksti slejās.

Grostonas un Meirānu izloksne pieder pie augšzemnieku dialekta sēlisko izlokšņu grupas. Šo izlokšņu intonācijas stipri atšķiras no vidusdialekta triju intonāciju apgabala intonācijām.

Materiāli ir vākti, uzturoties Grostonā un Meirānos 1957. gada martā, aprīlī un jūlijā, tieši materiālu vākšanas nolūkā sarunājoties ar iedzīvotājiem. Aprakstā dotas dažas ziņas par augšzemnieku intonācijām vispār, salīdzinot ar tām un ar vidusdialekta triju intonāciju apgabala intonācijām Grostonas un Meirānu intonācijas. Lietota latviešu dialektu rakstos pieņemtā transkripcija, tikai pusgarumos intonācijas zīme ir ne uz patskaņa burta (tad iznāktu, ka patskanis ir garš), bet uz pusgaruma zīmes; *l* ir gaiša *l*-skaņa kā igauņu valodā.

Ziņas par teicējiem un viņu sacīto vārdu apzīmējumiem tekstā, kā arī saīsinājumus skt. LVU Zinātnisko rakstu XXV/IIIA sējumā, 135.—138. lp.

Intonāciju attieksmes pret vidusizlokšņu trīs intonāciju apgabala intonācijām

Grostonas un Meirānu izloksnē sastopamas divas galvenās intonācijas: krītošā un kāpjošā.

Abas šīs izloksnes ir augšzemnieku apgabala rietumos, un «.. augšzemnieku dialektā atšķirība starp krītošo un stiepto intonāciju ir zudusi: gandrīz visur tur krītošo intonāciju runā arī stieptās vietā..[1]»

Tādā kārtā Grostonas un Meirānu izloksnē vidusizlokšņu stieptajai un krītošajai intonācijai atbilst kopēja krītošā intonācija.

Taču šī augšzemnieku krītošā intonācija «.. nebalsīgu līdzskaņu priekšā izrunājama citādi nekā balsīgu līdzskaņu priekšā..[2]». Kā parasts augšzemnieku izloksnēs, arī Grostonā un Meirānos krītošā intonācija paliek skaidri krītoša tikai nebalsīgu līdzskaņu priekšā, turpretim balsīgu līdzskaņu priekšā tā kļuvusi kāpjoši krītoša, piemēram, Grostonā: *dârgs* 81P, *kâzas* 80K, *pârlauzt* 80K, Meirānos: *brâļš* 79 «brālis», *rûbeža* 86 «robeža», *spârni* 75N.

Tādā kārtā Grostonā un Meirānos sastopami divi krītošās intonācijas modificējumi: priekš balsīgajiem līdzskaņiem — kāpjoši krītoša intonācija, bet priekš nebalsīgajiem — krītoša intonācija. Balss toņa un skaļuma kritums priekš nebalsīgajiem līdzskaņiem Grostonā, bet it īpaši Meirānos ir sevišķi spēcīgs, tāpēc šī Grostonas un Meirānu krītošā intonācija ir tā saucamā grūstā intonācija, kas sastopama daudzās augšzemnieku rietumu izloksnēs. Par grūstās intonācijas izrunu skat. 72.—73. lp.

Kāpjošā intonācija Grostonā un Meirānos tāpat kā vīsās sēliskajās izloksnēs palaikam sastopama vidusizlokšņu lauztās vietā. Šī kāpjošā intonācija uzskatāma par senāku nekā vidusizlokšņu lauztā intonācija. «Akūtēti (bet ne cirkumflektēti) garumi senā vārda uzsvara priekšā ir runāti **kāpjoši**, tā ka, arī akcentu atvelkot, iepriekšējās zilbes paturējušas kāpjošo intonāciju; līdzīgi arī dažās leišu valodas izloksnēs un serbu valodas štovakiešu dialektā. Tā radusies kāpjošā intonācija ir vēl paplašinusies kādreiz sēliskajā Augškurzemē (sākot no Sērenes, Seces, Daudzeses un Zalvas uz austrumiem), Latgales dienvidrietumu stūrī (Aiviekstē, Ungurmuižā, Krustpilī, Vīpē un, pēc Latkovska norādījumiem FBR XX 136 un 140 un Fil[oloģijas] mat[eriālos] 101, kādā Līvānu un Atašienes daļā) un dienvidaustrumu Vidzemē (sākot ar Lubānu, Dzelzavu, Adulienu, Tirzu, Druvienu, Mēdzūlu, Ērgļu Katriņu, Taurupi, Meņģeli, Aizkraukli).»[3]

---

[1] J. Endzelins, LVGr 40.
[2] Ib., 41.
[3] Ib., 37—38.

Grostonā un Meirānos arī kāpjošā intonācija ir diferencējusies. Skaidrs toņa un skaļuma kāpums parasti dzirdams uzsvērtajās zilbēs, piemēram, Grostonā: *3iụs*, 77R, *klát* 74, *údènc* 80B, Meirānos: *lápsta* 86, *slúta* 79 «slota», *trís* 89 «3»; bet neuzsvērtajās zilbēs — un, ātri runājot, bieži vien arī uzsvērtajās — gandrīz nekāds toņa kāpums nav manāms, vai arī tas ir daudz mazāks nekā uzsvērtajās zilbēs, tā ka šai gadījumā Grostonā un Meirānos kāpjoši intonētās zilbes izklausās tāpat kā vidusizlokšņu zilbes ar stiepto intonāciju. Tāpēc arī visnotaļ turpmāk šī Grostonas un Meirānu kāpjošās intonācijas modificējuma apzīmēšanai lietots cirkumflekss, piemēram, Grostonā: *gānības* 83, *o:pakšā* 80M vsk. l., *sovàdāka* 72 sdz., Meirānos: *apņęmu* 79, *dùụmęklis* 86, *sekāt* 73K «sekot».

Ar kāpjošo intonāciju tiek gan Grostonā, gan Meirānos runāti arī tā sacamie «pusgarie patskaņi», piemēram, Grostonā: *a:tvest*[4] 50, *li:cś* 80K «licis», *tu:r* 80K apst., Meirānos: *go:c* 100 «gads», *i:staba* 86, *o:pals* 82 «apaļš».

Tikai dažos vārdos Meirānu izloksnē ir uzsvērtās zilbēs lauztā intonācija kāpjošās vietā, piemēram, *cima* 86 vsk. ģ., *cìti* 86 dsk. n., *grímt*[5] 73K, *zvîrgzc*[5] 70 «zvirgzds», kā arī reizēm neuzsvērtajās zilbēs: *izdût* 86 «izdot», *pijûle* 86 «vijole», *ûrķs* 86 «orēs» u. c. Tomēr šai reti dzirdamajai lauztajai intonācijai parallēli tie paši vārdi parasti tiek runāti ar kāpjošu intonāciju. Grostonas izloksnē lauztā intonācija nav dzirdēta.

INTONĀCIJU APSKATS UN ĪPATNĪBAS ZILBJU INTONĒJUMĀ ATKARĀ NO AUGŠZEMNIEKU EKSPIRĀTORISKĀ ZILBES TIPA UN SPĒKA KONCENTRĀCIJAS ZILBES SĀKUMĀ

1. Intonēto zilbju artikulācijas vispārīgs raksturojums

Grostonas un Meirānu izloksnes intonācijas atšķiras no vidusizlokšņu intonācijām ne vien ar stieptās un krītošās intonācijas sakritumu vienā — krītošā — intonācijā un ar kāpjošo intonāciju lauztās vietā. Intonāciju raksturs augšzemnieku izloksnēs atkarīgs arī no šo izlokšņu īpatnējā ekspirātoriskā zilbes tipa un spēka koncentrācijas zilbes sākumā.

Runājot par Gaujienes, Lejasciema, Vecgulbenes, Saikavas, Kraukļu uc. augšzemnieku izloksnēm, A. Ābele norāda:

---

[4] Par šādu intonācijas apzīmējumu skat. 69. lp.!

[5] Lauzums savienojumu *im, ir* pirmajā komponentā; *i* — skaņas īsas, bet zīmju trūkuma dēļ īsums nav apzīmēts.

«Šais augšzemnieku izloksnēs (varbūt zem slavu kaimiņu iespaida) ir ieviesies citāds zilbes tips nekā vidus izloksnēs ar stipru ekspiratoriska elementa pārsvaru. Te uzsvērtās zilbes izrunai zilbes sākumā runātājs patērē tik daudz gaisa, un pie tam gaisa spiediens uz zilbes beigām tik lielā mērā atslābst, ka nākošā zilbe, ja viņa pavisam tiek izrunāta, jāizrunā ar jaunu izdvēsumu. Ieviešoties šādam zilbes tipam, stieptā intonācija ar muzikalā elementa pārsvaru te nevarēja pastāvēt.» [6]

A. Ābele uz šādu augšzemnieku krītošo intonāciju norāda atkārtoti: «Krītošie patskaņi resp. divskaņi jau, kâ mums zināms, tiek runāti spēcīgi taisni pirmajā pusē; augšzemnieku ziem-austrumu un Latgales izloksnēs pie tam vēl ar pastipru izdvēsumu. Ar tādu pat izdvēsumu runā arī īsos uzsvērtos patskaņus, kas šī iemesla dēļ te arī pagarināti.[7]»

Gluži šāda pati zilbes izruna dzirdama arī Grostonā un Meirānos. Šāds zilbes tips bijis par cēloni ne vien stieptās intonācijas zudumam, bet ir stipri ietekmējis arī radušos krītošo — stieptās un krītošās vietā, — kā arī kāpjošo intonāciju.

Lejasciemā un daudzās citās augšzemnieku izloksnēs «..atrodam stiprāku spēka koncentraciju katras fonetiskas vienības sākumā..: kā zilbē un vārdā, tāpat arī katrā uzsvara grupā nomanāma spēka koncentracija šīs vienības sākumā un atslābums uz beigām» [8].

Arī Grostonas un Meirānu izloksnē ir raksturīgs šāds spēka koncentrējums uzsvara vienības sākumā un atslābums uz beigām.

Zilbes tipa ekspirātoriskais raksturs un spēka koncentrācija zilbes sākumā stipri ietekmē Grostonas un Meirānu zilbju intonējumu: intonētā elementa sākums ir skaidrāks, garāks nekā nobeigums, kas ir drusku klusāks un īsāks.

Tālāk šīs parādības aplūkotas, runājot par katru intonāciju atsevišķi.

2. Krītošā jeb grūstā intonācija

Ekspirātoriskais zilbes tips un spēka koncentrācija zilbes sākumā ir cēlonis Grostonas un Meirānu izloksnes grūstajai intonācijai: priekš nebalsīgajiem līdzskaņiem ikviena intonētā elementa — ti., gara patskaņa, divskaņa un īsa patskaņa tau-

---

[6] **A. Ābele**, Par stieptās intonācijas pāreju krītošā, 1927 FBR III 43.
[7] **A. Ābele**, Fonētikas sīkumi, XI, 1936 FBR XVI 129.
[8] **A. Ābele**, Par lejasciemiešu izloksni, 1924 FBR IV 42.

tosillabiska savienojuma ar plūdeni vai nāseni — beigas stiprī zaudē balsīgumu, tā ka reizēm dzirdama tikai izplūstošā gaisa skaņa; bet spēka koncentrācija zilbes sākumā pagarina intonētā elementa sākumu. Rezultātā Meirānos ļoti bieži starp krītoši intonēto elementu un sekošo nebalsīgo līdzskani parādās stiprāka vai vājāka vācu *Ach-Laut* līdzīga skaņa — aukslēju berzenis ^{x} vai *x;* ja mēles pakaļējā daļa šai brīdī paceļas vēl augstāk, radot slēgumu, dzirdama ļoti velāra *k*-skaņa.

Līdzīgs skaidrojums *x* un *k* iespraudumam dots arī, runājot par Meirānu kaimiņu — Praulienas izloksni:

«Izskaidrojums šim *k* iespraudumam meklējams laikam šejienes krītošās intonācijas izrunā. A. Ābele eksperimentāli konstatējusi, ka Praulienas izloksnē nebalsīgo līdzsk. priekšā krītošo gaŗumu otrā puse ir nebalsīga. Šis balsīguma aprāvums var tad izskanēt kā *k*, un reizēm jau šās formas patiesībā arī skan *jù^{k}xsu, kù^{k}xtìe* etc. (*x* apzīmē aukslēju berzeni), vai arī tikai *jùxsu, kùxtìe, òuxss* etc., Praulienā pat gadījās uzķert šo *x* vārdā *màxsa*» [9].

K. Kārkliņš šo izrunu raksturo sekoši:

«Patskaņus ar grūsto intonaciju praulēnieši izrunā strauji. Viņi tos grūdin izgrūž. Balss spēji krīt. Ir dzirdama aspiracija. Grūstos patskaņus nav iespējams pastiept gaŗāki, nekā tos parasti izrunā sarunu valodā. Grūsto intonaciju sastopam nebalsīgo līdzskaņu priekšā . .» [10].

Arī Ērgļos un Ogrē «Krītoši intonētais patskanis resp. divskanis nebalsīga līdzskaņa priekšā beidzas ar lielāku vai mazāku izdvēsumu, kā rāda kimografa kurves. Balsīga līdzskaņa priekšā izdvēsuma nav» [11].

Grostonas izloksnē šāda *k*-skaņa dzirdēta tikai divi reizes: *sàu^{k}càm* 73Z, *šàuksmiļgs* 73Z, turpretim Meirānos, kas ir tālāk uz austrumiem un kur ekspirātoriskais zilbes tips un spēka koncentrācija zilbes sākumā ir spilgtāka, šādi iespraudumi ir ļoti izplatīti. Tālāk minēti šo iespraudumu piemēri Meirānos.

Aiz divskaņa *ai* un tā pārveidojumiem: *gàiį^{k}sā* 86 «gaisā», *ietàijkstįt* 88, *ispàijksa* 86, *i:štàij^{k}sīt* 73K, *i:škàijksa* 79, *i:štài^{k}sīt* 73K, *izatài^{k}sijles* 79, *pàijksttavas* 86, *satài^{k}stc*86, *tàij^{k}sa* 79, *tàij^{k}sīja* 86, *tài^{k}sa* 86, *tàiksišùot* 86.

---

[9] **A. Elksnītis**, Lazdonas, Praulienas, Sarkaņa, Patkules, Cesvaines un Dzelzavas izloksnes, 1929 FBR IX 136.

[10] **K. Kārkliņš**, Praulēniešu izloksne, 1926 FBR VI 74.

[11] **M. Ozoliņa**, Piezīmes par ērglēniešu, ogrēniešu un katrēniešu izloksni, 1934 FBR XIV 122.

Arī *į* vai *j* parādās aiz *ai* laikam īpatnējā zilbes tipa dēļ. *k*-skaņas iespraudums bieži sastopams arī aiz tautosillabiskajiem savienojumiem *-âj-, -ęj-*, kas radušies, zūdot *i*-skaņai pirms *-s*, kaut gan te ir kāpjošā intonācija.

Aiz divskaņa *au*: *apbràuᵏca (vysas úogas)* 79, *a:tbràukc* 88, *dabràukcä* 88, *ìebràukcę* 86, *i:zjàuᵏc* 86 «izjauc», *jàuᵏtris* 76, *jàukc* 100 «jauc», *jàbràuᵏc* 79, *jàklàuksā:s* 86, *pìįjàukćś* 79 «piejaucis», *saràuxsa* 86, *sàuᵏc* 88, 86, 79, *sàukc* 86, *sàukcàm* 86, *sàukcę* 100, *sàuksu* 86 «sausu», *sàuˣc* 79 «sauc», *šàukšana* 86 «šaušana», *tàuktu tàuktas* 86 «tautu tautas», *tràukciņš* 79 «trauciņš».

k iespraudums sastopams arī **aiz *au*<*av:*** *go:tàuks* 88 «gatavs», kā arī aiz *au* vārda beigās pašā teikuma nobeigumā: *«sa:pnis vien ir pa:saulē bijks, ùn vairâk ni·kᵘò nàuk»* 86. Šāds *k* vārda beigās, kur vairs neseko nekādas citas skaņas, spilgti liecina par to, ka *k*<*x*, kas atbilst nebalsīgajai divskaņa beigu daļai ekspirātoriskā zilbes tipa dēļ un spēka koncentrācijas dēļ zilbes sākumā.

Aiz patskaņa *ā* : *kràˣsas* 79 vsk. ģ., *kràˣsu* 79 vsk. a. Tik maz šādu iespraudumu dzirdēts laikam tādēļ, ka ne vienmēr *ā* beigas kļūst pilnīgi nebalsīgas. Parasti balsīgums zūd ne pilnīgi, tāpēc daudz izplatītāks Grostonā un Meirānos ir *ā* pārveidojums par *aą*, piemēram: *màąsa* 81D, *màąte* 100.

Aiz divskaņa *ei* : *tèikcä* 88.

Aiz divskaņa *eu*<*ev*: *pārdèuks* 100 «pārdevis», kā arī **aiz *ęv*>*āų***: *tâųks* 86 «tēvs».

Aiz patskaņa *ē*: *rękxķanāja||rèęķanāja* 73K, *svę́ˣdiena* 73K.

Aiz *ieų*<*iev*: *krìeųks* 86, 79 «krievs»; šāda izruna sastopama arī uzvārdā *Krìeųks* 79.

Aiz *ī*>*īį*: *ìekrīįᵏt** 79, *isstâ:stīįᵏšu* 86, *pāzīįkstìet* 79 tg. 2. p., *pīįkpęs* 86 nk. 3. p., *savīįksta* 79, *trīįᵏs* 100 tg. 3. p. Arī pagātnes divdabī *bijś* «bijis» skaņu savienojums *ij* laikam tiek sajusts kā diftongisks, un aiz tā ir vienmēr *x*, ᵏ vai *k* : *na:bijᵏs, bijksę, byjks* 100; *bijks, byjks||bęjks* 88; *bijks* 86; *bijᵏs, bijks* 79; *bijxs* 75N. *k*-skaņa ir arī divdabī *pìelijks* 86 un *samâcijᵏs* 88: *«mùnc dâls ∾ ŗįdāt — un tā ŗįdāt!»*

Aiz patskaņa *ū* : *bùˣs* 79, *jùˣsu* 86, *mùᵏsas* 89 «mušas», *mùxsu* 86 «mūsu».

Aiz *ū*>*ūų:* *apšūųkti* 79, *a:tpūųkšūos* 100, *grūųᵏti* 79, *jūųxs* 86 «jūs», *jūųˣsu* 86, *pūųkš||pūųxš* 88 (šāds parallēls izlietojums, atkārtojot vienu un to pašu teikumu, liecina, ka *k*<*x*<(nebalsīga) *u*), *pūųˣta* 79 «pūta», *rūųkcu* 79, *šūųkt* 86 «šūt».

---

* Intonācija zīmju trūkuma dēļ nav apzīmēta.

Par šo *k* Cesvainē A. Becenbergers raksta: «Pŭte, sŭte und brŭte, brŭtes, brŭtei (daneben brūte) .. wurden so scharf herausgestoßen, daß sie wie pŭkte, sŭkte, brŭkte u. s. w. klangen; vgl. dazu lakta = lata «Latte» .. und die Verkürzungen in likumâ (von lîkums) .. und schupûlî» [12].

Plašāku pārskatu par šādu *k* iespraudumu augšzemnieku izloksnēs dod J. Endzelīns LVGr 240—242.

3. Kāpjoši krītošā intonācija

Ekspirātoriskais zilbes tips un spēka koncentrācija zilbes sākumā kāpjoši krītošo intonāciju Grostonā un Meirānos padara citādu nekā vidusizloksnēs: Grostonā un Meirānos spilgts toņa kāpums saklausāms intonātā elementa pašā sākumā, kam ļoti drīz seko krituma, rezultātā divskaņos un īsu patskaņu tautosillabiskajos savienojumos ar plūdeni vai nāseni krītošas jau ir pirmā komponenta beigas un viss otrs komponents. Tāpēc Grostonas un Meirānu izloksnē šais gadījumos izruna parasti ir: *dûuņijs (azàrs)* 86, *sîelejs* 69K «plosts», *tîem* 80K, *tûo* 80K — intonācijas zīme rakstāma uz pirmā komponenta burta.

Lai tautosillabiskajos īsa patskaņa savienojumos ar plūdeni vai nāseni šais gadījumos parādītu pirmā komponenta īsumu, jāraksta arī īsuma zīme: *kŏldàms* 89 «kaldams» atšķirā no *(siena) vâls* 79 ar garu *ā*.

Kāpjoši krītošā intonācija var būt arī vaļējā vārda beigu zilbē, ja nākošais vārds sākas ar balsīgu līdzskani vai patskani: *tâ zeme* 100 *tûo mâǧju* 80K, *tûo a'kmeni* 80K.

Kāpjoši krītošā intonācija Grostonas un Meirānu izloksnē parasti ir krītošās vietā pirms balsīgajiem līdzskaņiem, bet bieži vien arī pirms balsīgajiem līdzskaņiem nekāds toņa kāpums nav dzirdams, parasti — straujā runā, piemēram: *pìrmàis* 73K, *plàudę̣ni* 86 (zivis), *ràuda* 86 (zivs), *sprę̣žu* 79 «sprēdu». Pirms nebalsīgajiem līdzskaņiem kāpjoši krītošā intonācija nekad nav sastopama. Parasti kāpjoši krītošās intonācijas nav arī priedēkļos: *àizbràu^{k}ca* 79, *àizgo:lda* 86, *nùodùrt* 73K, *pàrlâuzt* 80K, *pìeruobeža* 70.

Meirānu kaimiņu izloksnē Lubānā pavisam neizšķir krītošo un kāpjoši krītošo intonāciju:

---

[12] [A. Bezzenberger,] Lettische Dialekt-Studien von Adalbert Bezzenberger, Göttingen 1885, 32.

«Manā izrunā krītošajā intonācijā noteiktas starpības nav balsīgo un nebalsīgo konsonantu priekšā. Tas pats jāsaka, klausoties veco lubāniešu izrunā. Starpība tāda pati kā vidus dialektā. Kritums samērā lēns, aiz balsīgiem konsonantiem patskaņu sākumā neliels toņa kāpums; intensitātes kritums vispār liekas vairāk izjūtams nekā toņa kritums. Neuzsvērtajās zilbēs kāpjošās intonācijas tonis nedaudz krīt, pa laikam patskaņu otrā pusē, bet balss atslābuma, kas raksturo krītošo intonāciju šais gadījumos, nav. Gaŗuma ziņā lielas starpības nav starp krītošo un kāpjošo intonāciju.» [13]

Ne Meirānos ne Grostonā pēc kāpjoši krītoši intonētām skaņām nav sastopams *x* vai *k;* sastopami vienīgi pārveidojumi *â>âą, î>îį utt.* Arī *âą, įį* utt. liecina par spēka koncentrāciju šo savienojumu pirmajā daļā. Sekošais balsīgais līdzskanis, acīmredzot, darbojas pretim ekspirātoriskajam zilbes tipam, tā ka intonētās skaņas beigas nekļūst nebalsīgas. Paši šādā kārtā radušies savienojumi viegli varēja sākt diftongizāties tālāk: *âą>ôa, įį>êi.* Tādā kārtā īpatnējais zilbes intonējums var būt radījis visai ievērojamas fonētiskas pārmaiņas.

4. Kāpjošā intonācija

Kāpjošā intonācija Grostonā un Meirānos sastopama vidusizlokšņu triju intonāciju apgabala lauztās intonācijas vietā. Šai tipiskajai selisko izlokšņu intonacijai raksturīgs spilgts toņa kāpums un laikam arī intensitātes pieaugums. Arī šo intonāciju ekspirātoriskais zilbes tips un spēka koncentrācija skaņas sākumā ietekmē līdzīgi kāpjoši krītošajai intonācijai: kāpums galvenokārt sakoncentrēts intonētā elementa sākumā. Šai ziņā Grostonas un Meirānu kāpjošo intonāciju var salīdzināt ar Lejasciema lauzto intonāciju, ko A. Ābele raksturo sekoši:

«Divskaņos ar dzirdes palīdzību vien grūtāk spriest par patskaņa (divskaņu *ai, au, ar, al, am, an* utt. pirmā komponenta) gaŗumu. Še, tāpat kā balsīgu līdzskaņu priekšā, starpība starp lejasciemiešu un vidus izlokšņu izrunu nav tik uzkrītoša; lai to sadzirdētu, vajadzēja labi ieklausīties. Ka arī še īsie patskaņi drusku pagarināti, tam par labu, man šķiet, runā arī pašu lejasciemiešu aizrādījums, ka manā izrunā divskaņos, piem. vārdos: *maita, aûški* (r. v. augši *«augšā»*), *daŕbs, goļva* u. t. l. lūzums esot par stipru, lejasciemieši izrunājot še lauztās skaņas

[13] **Edm. Zirnītis,** Lubāniešu izloksne, 1937 FBR XVII 115.

gludāki. Ņemot vērā to, ka Lejasciemā lauzto intonāciju vispār izrunā ar stipru lūzumu, man šķiet, ka šos gadījumos manā izrunā lūzums lejasciemiešu ausīm izlikās par stipru, tādēļ ka viņš nebija īstā vietā: manā izrunā lūzums ir katrā ziņā otrā, šaurākā komponentā, piem. vārdos *gal̂va, kar̂sti* — *l* un *r* skaņās (sal. FBR. I, 43), un tādēļ tas še spēcīgāks un skaidrāk izdzirdams nekā tai gadījumā, ja viņš atrodas drusku pagarinātā patskaņa beigās jeb pārējās skaņās, kā tas liekas būt lejasciemiešu izloksnē.» [14]

Tieši tas pats sakāms arī par Meirānu un Grostonas kāpjošo intonāciju, kas ir Lejasciema lauztās vietā: kāpjošā intonācija divskaņos un īsa patskaņa tautosillabiskos savienojumos ar plūdeni vai nāseni pagarina pirmo komponentu, ne otru kā vidusizlokšņu stieptā intonācija. Tāpēc arī šais izloksnēs kāpjošās intonācijas zīme rakstāma virs pirmā komponenta burta, kur saklausāma lielāka kvantitāte, piemēram, Grostonā: *ɟívũot* 78S, *iekārũojś* 78E «iekarojis», *rúu̯gc* 78S «rūgts», Meirānos: *gráudus* 89 dsk. a., *jáunc* 86 «jauns», *méita* 88. Pamatā šai parādībai ir spēka koncentrācija zilbes sākumā un ekspirātoriskais zilbes tips.

Ja runas temps ir straujš, intonācijas kāpums ir niecīgs vai pat tā nemaz nav: *ʒā̆rt* 89, *mę̄ita* 88, *ĉada* 70 «āda», *ũu̯dènc* 77R. Šais gadījumos kāpjošā intonācija apzīmēta ar cirkumfleksu. Šāda pati izruna parasti saklausāma neuzsvērtajās zilbēs: *kamũu̯lītī* 79 vsk. 1., *labãks* 73K, *úozũols* 72, *vàldība* 75N utt., kaut gan šos pašus vārdus gadās dzirdēt ar īstu kāpumu arī neuzsvērtajās zilbēs.

Kāpjošā intonācija Grostonas un Meirānu izloksnē ierodas arī tā sauktajos pusgarumos. Arī te kāpums var būt spilgts vai arī gandrīz var nebūt: *pu:́sę*||*pu:sę* 70, *u:́staba* 81D||*u:staba* 75L «istaba», *zi:́rgs* 86||*zi:rgs* 89.

Aiz tautosillabiskā savienojuma *ãj, ẽj,* kas parasti radies, zūdot *i*-skaņai pirms beigu *-s,* Meirānu izloksnē bieži sastopams *k*-skaņas iespraudums tāpat kā aiz diftongiem *ài, èi* (skt. 73.—74. lp.): **aiz *ãj*** : *stràdãj*^{k}*s* 70, *ɟíi̯v*^{o}*ãjks* 86, *gãjks* 79, *gõ*^{a}*jks* 86, *gõjks* 86, *izgãjkši* 86, *skù*^{o}*lùot ãjks* 88; **aiz *ẽj*** : *ɟírdẽjks* 86, *isskrẽjks* 79, *kälẽjks* 100, *reɟẽjks* 86, *sa:sẽjks* 88. Varbūt te neuzsvērtajā zilbē runātāji paši neapzinās intonācijas atšķirību — jo arī krītošā intonācija neuzsvērtajās zilbēs ir ar ļoti mazu kritumu — un pašus savienojumus *ãj, ẽj* jau uztver kā diftongus; šādā gadījumā ekspirātoriskais zilbes tips un spēka koncentrācija zilbēs sākumā spēj nebalsīgās *s*-skaņas

[14] **A. Ābele**, Par lejasciemiešu izloksni, 1924 FBR IV 42.

priekšā radīt *k*-skaņu tāpat kā pēc krītošās intonācijas. Uzsvērtās zilbēs ar kāpjošu intonāciju nekad nav ne *x*, ne *k*; ir vienīgi *á>áą, í>íį* utt.; paši šādā kārtā radušies savienojumi viegli varēja sākt diftongizēties tālāk par *óa* resp. *éi* utt.

Jāpiezīmē, ka ar analoģisku intonācijas modificējumu V. Rūķe 1920 FBR XX 80 un 81 ir attēlojusi monoftongizāciju tāmnieku izloksnēs: *ei>êi>ê*^{i}*>ê* un *aū>oū>ōu>ō*^{u}*>ō*. Arī J. Endzelīns LVGr 137 par šo tāmnieku monoftongizāciju raksta: «.. diftongos *ai, ei* un *ou* (no *au*...) — lai kāda tiem intonācija — **pirmais komponents ir pagarināts** [pasvītrojums mans; J. K.], pēc kam diftongos *ēi* un *ōu* otrs komponents — sevišķi, ja ir stieptā intonācija — var arī zust..»

Augšzemnieku izloksnēs īpanējā zilbes intonējuma dēļ (skat. 71.—72. lp.) līdzīgi pārveidojumi gaidāmi ļoti plaši. Krītoši intonēto skaņu nobeiguma daļas balsīgums ne vienmēr zūd pilnīgi; biežāk par *à>àx* ir sastopams *à>àą*, kas viegli varēja diftongizēties tālāk par *oa* (skt. LVU Zinātnisko rakstu XXV/IIIA sēj. 140.—141. lp.); tā paša iemesla dēļ biežāk par *ì>ìį̆k* ir *ì>ìį̆*, kas viegli varēja diftongizēties tālāk par *ei* (skt. ib. 144.—148. lp.); analoģiski arī *ù>ùų̆* (skt. ib. 148.—150. lp.) — laikam arī *è>èę̆* — kā arī monoftongizācija *ie>ìį̆(>ì)*, *uo>ùų̆(>ù)* (skt. ib. 150.—155. lp.). Vispirms šie pārveidojumi varēja rasties ļoti izplatītajās krītoši intonētajās zilbēs, pēc tam arī pārējās zilbēs.

Tādā kārtā īpatnējais zilbes intonējums var būt radījis arī citas, visai ievērojamas fonētiskas pārmaiņas.

5. Lauztā intonācija

Par Meirānos dažkārt dzirdēto lauzto intonāciju sakāms tas pats, kas par Lejasciema lauzto intonāciju (skat. 76.—77. lp.): lauzums ir divskaņa vai diftongiskā savienojuma pirmajā komponentā, piemēram: *ì:į̆ôak* 100, *jùę̆cêigi* 86 apst., *rûokas* 100, *sìevieši* 86, *spùolę̆ite* 100.

Lauztā intonācija parallēli kāpjošajai Meirānu izloksnē gan uzsvērtajās, gan neuzsvērtajās zilbēs dažos vārdos laikam skaidrojama ar nesēliskās Barkavas izloksnes ietekmi, ar kuru Meirāniem ir gara robeža. Barkavas izloksnē ir tikai lauztā un krītošā intonācija [15].

---

[15] J. Ceriks, Barkavas pagasta izloksne, 1933 FBR XIII 20.

Daži metatonijas gadījumi

Ne Grostonas, ne Meirānu izloksnē nevar norādīt regulārus metatonijas gadījumus. Palaikam intonācija saglabājas visos vienas saknes atvasinājumos, arī tādos vārdos kā *úozuõls* palaikam abās zilbēs intonācija kāpjoša. Nav nekādas regulāras starpības arī verbu formās starp nenoteiksmi un finītajām formām, starp indikatīvu un imperatīvu. Var minēt vienīgi atsevišķus daudzzilbīgus vārdus, kur uzsvērtajā vai neuzsvērtajās zilbēs notiek intonācijas maiņa. Parasti tas notiek, ja vienā vārdā vairākās zilbēs būtu gaidāma kāpjoša intonācija, piemēram: *pu!trâmīm* 86 dsk. d., bet: *pu!trâmi* 86; *rùoka* 100, bet: *rùokās* 100, *skùolùolājs* 73K un *skù°lùt ājks* 88, ne *-ūot-*. Taču visi šie vārdi parallēli tiek runāti arī bez metatonijas. Metatonija saknes zilbē, pievienojot priedēkli, kāda atzīmēta kaimiņu izloksnēs Lubānā: *spùlę — atspūlę* un Praulienā: *vẽjs — aĩzvẽjs*[16], nav novērota ne Meirānos, ne Grostonā.

Neuzsvērto zilbju intonācijas

Zilbju intonācijas Grostonā un Meirānos skaidri izšķiramas tikai uzsvērtajās zilbēs. Arī vidusizloksnēs «Pārējās (stipri neuzsvērtajās) zilbēs krītošajai intonācijai ir tieksme sakrist ar stiepto, pie kam tādā gadījumā krītošā intonācija «krīt» itin kâ mazāk, bet stieptā intonācija pēc uzsvērtās zilbes kļūst mazliet krītoša.» [17]

Neuzsvērtajās zilbēs līdzīga intonāciju nolīdzināšanās ir atzīmēta arī augšzemnieku dialekta sēliskajās izloksnēs, piemēram, Pļaviņu izloksnes krītošo intonāciju piedēkļos A. Ivena raksturo šādi:

«Piedēkļuos sastuop tikai krītuošuo intonāciju [autores retinājums], bet tās raksturs ir dažāds. Dažuos piedēkļuos kritums līdzīgs saknes zilbes kritumam, cituos turpretī kritums ir ļuoti lēns — intonācija tuvuojas vai līdzinās vidus izl[okšņu] stieptajai intonācijai, . .» [18]

Biržu izloksnē bieži vien pat uzsvērtajās zilbēs kāpjoši krī-

---

[16] **Edm. Zirnitis**, Lubāniešu izloksne, 1937 FBR XVII 115; **K. Kārkliņš**, Praulēniešu izloksne, 1926 FBR VI 75.

[17] **J. Endzelīns**, LVGr 35.

[18] **Ivenu Anna**, Pļaviņu (stukmaniešu) izluoksnes apraksts, 1928 FBR VIII 78.

tošā intonācija līdzinās vidusizlokšņu stieptajai[19] resp. sēlisko izlokšņu kāpjošajai intonācijai; jo lielāka šī līdzība ir neuzsvērtajās zilbēs.

Tāpēc neuzsvērto zilbju intonācijas arī Grostonā un Meirānos nav īsti droši nosakāmas.

Kāpjoša intonācija, šķiet, parasta nomenu piedēkļos *-ain-, -ād-, -(t)āj-, -āk-, -ām-, -ān-, -ār-, -ēj-, -ēkl-, -ēn-, -ien-, -it-, -uok-, -uot-*, nomenu lokatīvu un parasti arī dsk. datīva un instrumentāļa galotnēs, verbu nenoteiksmē pirms *-t* un refl. izskaņās pirms *-s*, kā arī atvasinājumos no nenoteiksmes un dažos apstākļeņos un prievārdos (*núost, vál* «vēl»).

Gan kāpjoša, gan krītoša intonācija dzirdama nomenu piedēkļos *-ib-, -ig-* un īpašības vārdu noteiktajās galotnēs, izņemot vsk. un dsk. lokatīvu un dsk. datīvu un instrumentāli, kur ir kāpjoša intonācija. Kāpjošās intonācijas vietā Meirānos reizēm arī neuzsvērtajās zilbēs var būt lauztā intonācija; metatonijas dēļ (skt. 79. lpp.) tā dažkārt var būt aizstāta ar krītošo intonāciju.

Pārējos gadījumos, šķiet, parasta krītošā intonācija.

Kāpjošās un krītošās intonācijas lietojumā neuzsvērtajās zilbēs Grostonas un Meirānu izloksne labi saskan ar kaimiņu Praulienas izloksni, kuras neuzsvērto zilbju intonāciju apskatu devis K. Kārkliņš 1926 FBR VI 76—79.

1958.

Я. Я. КУШКИС

ИНТОНАЦИИ В ГОВОРАХ ГРОСТОНЫ И МЕЙРАНОВ

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В статье рассматриваются вопросы слоговых интонаций говоров Гростоны и Мейранов Мадонского района.

В говорах Гростоны и Мейранов встречаются две главные интонации: нисходящая и восходящая. Нисходящая интонация соответствует длительной и нисходящей интонациям среднелатышских говоров, имеющих три интонации, а восходящая — прерывистой.

Нисходящая интонация в говорах Гростоны и Мейранов имеет два вторичных варианта: резко нисходящая интонация («grūstā») — перед глухими согласными и восходяще-нисхо-

[19] **J. Bičolis**, Birziešu izloksne, 1932 FBR XII 64.

дящая интонация — перед звонкими согласными; нисходящая интонация часто встречается и перед звонкими согласными.

Восходящая интонация в говорах Гростоны и Мейранов имеет два вторичных варианта: резко восходящая интонация — в ударяемых слогах и слабо восходящая (очень близкая к длительной интонации среднелатышских говоров) — в неударяемых слогах. При быстром темпе речи слабо восходящая интонация слышится также в ударяемых слогах.

В отдельных случаях в говоре Мейранов на месте восходящей слышится прерывистая интонация, как кажется, под влиянием соседнего неселонского говора Баркавы, всегда имеющего прерывистую интонацию на месте восходящей интонации селонских говоров.

В говоре Мейранов конечная часть звуков, имеющих нисходящую интонацию, перед глухими согласными теряет звонкость, и слышится глухой выдох, подобный немецкому *Ach-Laut,* который часто превращается в звук *k*. Это произношение в говоре Мейранов слышится только в речи старшего поколения. Оно возникло в говоре Мейранов вследствие экспираторного типа слога и концентрации энергии в начале слога. Эти же причины вызвали некоторые особенности в интонации дифтонгов и дифтонгических сочетаний краткого гласного с плавным или носовым согласным: подъем восходящей и восходяще-нисходящей интонаций, бóльшая часть спада восходяще-нисходящей интонации в говорах Гростоны и Мейранов находятся в первой части дифтонга или дифтонгического сочетания; также на первую часть переносится прерывистость в прерывистой интонации говора Мейранов. Этим интонации Гростоны и Мейранов наряду со многими верхнелатышскими говорами отличаются от среднелатышских интонаций. Эта особенность интонации является причиной мононофтонгизации и дифтонгизации *ā>āą, ī>īį* и т. д., которые легко могут дифтонгизироваться дальше: *āą>oa, īį>ei* и т. д.

В неударяемых слогах интонация не так ясна, как в ударяемых. Восходящая интонация в говорах Гростоны и Мейранов, насколько можно судить по слуху, слышна в именных суффиксах *-ain-, -ād-, -(t)āj-, -āk-, -ām-, -ān-, -ār-, -ēj-, -ēkl-, -ēn-, -ien-, -īt-, -uok-, -uot-,* в окончаниях местного падежа единственного и множественного числа, дательного падежа и инструменталиса множественного числа, в неопределенной форме глаголов перед *-t* и в соответствующих именных суффиксах, в возвратных формах глаголов перед *-s*. В суффиксах *-īb-, -īg-* и в окончаниях определенных прилагательных (за

исключением местного падежа ед. и множ. числа и дательного падежа и инструменталиса множ. числа) слышится как восходящая, так и нисходящая интонация.

В остальных неударяемых слогах обычно встречается нисходящая интонация.

Если не иметь в виду редкую в Мейранах прерывистую интонацию, то говоры Гростоны и Мейранов в отношении интонаций являются типичными селонскими говорами.

PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

М. Ф. СЕМЕНОВА

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАНИЯХ DL, TL

Общеизвестным является положение, что группы *dl, tl* — это славянские образования, которые сохранились без изменения только в западнославянских языках, а в южно- и восточнославянских утратились в определенный период (ср. *sadlo — сало, plotl — плёл*). Такое явление наблюдается в середине слова, в корне и суффиксе. Но А. И. Соболевский высказывает предположение, что указанные сочетания возможны и в начале слова в западнославянских языках, и приводит, правда, единственный пример: чешское *tlápa,* словацкое *tlápka,* с которым сопоставляет русское *лапа.* Но в начале слова эти сочетания вполне возможны и в других славянских языках, особенно современных (ср. современное русское *длина, тлеть,* чешское *tlusty, dlůhy,* польское *tłusty, długi* позднего происхождения и др.).

Но судьба данных групп значительно сложнее, если учесть то, что взрывные зубные сохранились и в словенском языке, т. е. в южнославянском, как это отмечает Н. Ван-Вейк[2]. На последнее указывал в свое время уже Л. Л. Васильев[3], говоря, что в западных наречиях словенского языка *dl, tl* сохраняются, и подтверждая свое положение следующими примерами: *vedla, dopletla* и из Фрейзингенских отрывков *modliti.* Подробно этот вопрос рассматривает Теньер[4] на основе обширного материала и устанавливает, что сочетания *dl, tl* широко распространены среди словен, особенно старшего поколе-

[1] **А. И. Соболевский.** Из истории русского словарного материала. РФВ. LXX. Варшава. 1913.

[2] **Н. Ван-Вейк.** История старославянского языка. М. 1957, стр. 83.

[3] **Л. Л. Васильев.** О случае сохранения общеславянской группы dl в одной из старых наречий русского языка. РФВ. 1908, № 4.

[4] **L. Tesnière.** Les diphones tl, dl en slave essai de geolinguistique. Revue des études slaves. T. 13. Paris, 1933.

ния, так что соответствующая славянская изоглосса захватывает и словенскую территорию. Н. Ван-Вейк также указывает, между прочим, на наличие того же явления и в северновеликорусских говорах, но примеров не приводит, зато П. Я. Черных [5] приводит, хотя и единичный, пример *приведли* из Горьковской области (б. Лукоянский уезд) и Ф. П. Филин [6] — из псковских говоров *плетли, ведли*. А. А. Шахматов [7], рецензируя труд Н. М. Каринского, отмечает по памятникам еще по одному случаю: в Креховской Палее XV в. и в Новгородской 2-ой летописи по Архивному списку форму *чтли*, указывающую на сохранение группы *tl* и на восточнославянской территории в некоторых случаях. Кроме того, А. А. Шахматов [8] отмечает в западной части б. Новгородской губ. формы *пришёд, ушёд*, которые возводит к более древним *пришодл, ушодл*, но так как никакого контекста не приводится, то неясно, являются ли эти формы старым причастием действительного залога прошедшего времени на *-лъ* или же на *-ъ*. Интерес в этой связи представляет также пример, приводимый А. И. Соболевским в его статье «Из истории русского языка» [9], — *акалетлую собаку*, хотя наличие *т* автор считает нефонетическим и сравнивает данную форму с *околелый, околетый*. Но наличие такого сочетания поддерживалось, вероятно, уже существовавшими образцами.

Следовательно, древние сочетания *dl, tl*, широко распространенные в западнославянских языках, иногда встречаются и на южно- и восточнославянской территории, что может быть остатком большой древности. Эту восточнославянскую территорию уточняет Р. И. Аванесов [10], относя такие древние общеславянские сочетания к пограничной полосе с западными славянами, позднее подвергшиеся изменениям, а Н. Трубецкой [11] относит эти сочетания, считая их унаследованными, к

---

[5] **П. Я. Черных.** Историческая грамматика русского языка. М. 1952, стр. 82.

[6] **Ф. П. Филин.** Происхождение и развитие русского языка. Л. 1954, стр. 15.

[7] **А. А. Шахматов.** Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. ЖМНП. 1909, № 7.

[8] **А. А. Шахматов.** Курс истории русского языка (литогр). 1908—1909, стр. 793.

[9] **ЖМНП.** 1897, № 5.

[10] **Р. И. Аванесов.** Проблемы образования языка великорусской народности. ВЯ. 1955, № 5.

[11] **N. Trubetzkoy.** Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. Zeitschrift für slavische Philologie. I. 1925.

северновеликорусской территории, где они претерпевают в дальнейшем изменения. Но, как мы видим, какие-то остатки старых форм еще налицо.

Обычно же в древнерусских памятниках, начиная с XI в., сочетаний *дл, тл* не обнаруживается, нет их и в современных северновеликорусских говорах, где уже выступает только плавный *л*, что отмечает и П. Я. Черных [12] как русское заимствование уже в древнеармянском языке VII в. (*сало*). Но такие изменения *dl* > *l* отмечаются языковедами в некоторых случаях и в западнославянских языках. Так, И. Отрембский [13] указывает на такие случаи в сербовицко-дзвоновицком говоре польского языка (*garloc, vele*), А. М. Селищев [14] — в западных малопольских говорах (*garuo, lå-dlå*) и в чешских (*šel, šla, selka*), Р. Брандт [15] приводит соответствующие примеры почти из всех западнославянских языков: польского (*tarɔ, sz'a, sio'o*), чешского (*šel, selo, udilo, jel,* ср. *jedu*), лужицкого (*šoł,* нижнелуж. *kšiło, wiły*), а Теньер особенно подчеркивает большое количество форм с *l* в словацком языке, а также приводит несколько примеров из лужицкого.

Следовательно, изменение *dl* > *l* — явление не только восточно- и южнославянское, а известное и на западе славянской территории. Такое изменение могло произойти уже в диалектах общеславянского языка, так как оно уже представлено в древнейшем славянском письменном языке — старославянском.

Но уже в древнепсковских памятниках XIV—XVI вв. в указанном положении отмечаются новые сочетания *гл* вместо *дл* и *кл* вместо *тл*, т. е. на месте зубных выступают заднеязычные, так как, по мнению А. Мейе [16], зубные трудно произносить в указанном сочетании. Но здесь скорее наблюдается момент диссимиляции, так как плавный *л*, будучи латеральным, с одной стороны, имеет и точку смыкания у верхних зубов, т. е. тоже является зубным, как *д* и *т*, а с другой стороны, при артикуляции плавного *л* поднимается задняя часть спинки языка и при произношении заднеязычных *г, к* также артикулирует задняя часть языка. Первые такие случаи были отмечены Л. Л. Васильевым при изучении памятника XV в. Строевского списка Псковской летописи, где им обнаружено четыре

---

[12] Указ. работа, стр. 301.
[13] **И. Отрембский.** Сербовицко-дзвоновицкий говор. РФВ. XIX. 1913.
[14] **А. М. Селищев.** Славянское языкознание. 1. М. 1941, стр. 302 и 72.
[15] **Р. Брандт.** О вставочных д и т. РФВ. У. 1881.
[16] **А. Мейе.** Общеславянский язык. М. 1954, стр. 111—112.

причастия на *гл*: *блюглися, привегли, оусегли, оуссегли.* Но так как во всех случаях *г* выступает вместо *д* перед мягким *л*, то Л. Л. Васильев полагает, что такое изменение зависит от мягкости последующего согласного. Кроме того, автор сравнивает указанное изменение с диалектным *гля* вместо *для*. Но последнее вызывает возражение, так как, во-первых, здесь другое положение, начальное, и, во-вторых, для исторически восходит к *дѣля* (ср. лат. *dēl*), т. е. здесь имеем случай сравнительно нового, русского сочетания *дл* по отношению к предыдущему, общеславянскому, и сам Л. Л. Васильев считает изменение *дл* в *гл* явлением очень древним, характерным для псковских и новгородских говоров, а таким образом и видоизмененным сохранением общеславянской группы *dl*.

Второй языковед, обративший внимание на указанное явление, — это Н. М. Каринский[17], который отмечает еще пять случаев в том же памятнике, в Псковской летописи второй половины XIII в.: *всегли, повегле, привегли, повѣгли, повегли* и один случай с *кл* вместо *тл*: *соустрѣкли*. Последний случай является дополнением к предположению, высказанному Л. Л. Васильевым. Правда, наряду с указанными примерами в том же памятнике встречаются и случаи без заднеязычных *г, к*, т. е. только с *л*.

Кроме приведенных примеров, Н. М. Каринский отмечает по другим памятникам еще пять аналогичных случаев: в Палее 1494 г., в Палее 1477 г., в Сборнике Синодальной библиотеки № 154 — *привегли*, а в Сборнике Погодина № 1413 — *соустрѣкли* и Сборнике Софийской библиотеки № 1262 — *чькли*. Но Н. М. Каринский считает, что *г* и *к* не являются в данном случае рефлексом общеславянских *д* и *т*, так как этот переход вряд ли мог произойти до исчезновения *д* и *т*. Утрата же зубных наблюдается в русском языке, в болгарском и сербском, но, как уже отмечалось выше, сочетания *дл, тл* встречаются частично и на юге, и на востоке. Следовательно, полагает Н. М. Каринский, это явление общерусское, а может быть, осторожно замечает автор, даже общеславянское диалектное. Последнее замечание особенно ценно, если учесть, что подобное явление Н. М. Каринский отмечает и в древнепольской письменности XV—XVI вв. как спорадические факты замены: *z mgły, moglitwa, waklicy, wiklina*, на что указывает

---

[17] **Н. М. Каринский.** Язык Пскова и его области в XV в. Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета. XCIII. С.—Пб. 1909.

и В. Вондрак [18] в польских говорах (*waklicy, moglić*), А. М. Селищев [19] в мазовецких говорах (*mgły, jeglina, trznagla*) и в кашубском языке (*žągło, mgłàc*), т. е. и в западнославянских языках существуют соответствующие тенденции, хотя А. А. Шахматов и утверждает, что польский переход поздний и там в общем сохраняются старые группы *dl, tl,* а в кашубском Лоренц отмечает всего лишь три слова. Сюда же можно отнести и некоторые примеры с тем же сочетанием из чешских говоров (*žigle, glhý, klustej,* последние с начальным сочетанием) и фамилию *Jeglička.*

А. А. Шахматов в своей статье «Несколько заметок об языке Псковских памятников XIV—XV в. (По поводу книги «Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. [20]) в сноске на 176 странице говорит: «Переход *д* в *г* в таком положении (перед *л* — М. С.) не чужд белорусским говорам, где находим *вяглина* из польского *więdlina*; а для Пскова он доказывается формой *проклѣть* в Соф. № 1262, л. 18, которая стоит, конечно, вместо *протлѣть* в фразе: аще бо не всееши пшеница ни прочих семенъ в землю, то не проклѣть, ни плода створить; аще ли в земли сътлееть, то плод створить сугубь». На то, что указанное явление встречается и в белорусском языке указывал и Е. Карский [21], отмечая то же сочетание в слове *дякло* в белорусских памятников XVII в. со значением «подать, пошлина». Данное слово в форме *дзякло* приводится и в словаре Носовича [22], но Е. Карский считает его старым заимствованием из литовского языка (*duoklė*), хотя Хр. Станг [23] и возражает против этого, основываясь, правда, не на сочетании *кл*, а на данных вокализма корня.

На то, что сочетание *kl* действительно характерно для литовского языка, указывает и такое литовское заимствование из польского языка, как *pikliavóti (pytlować),* проводимое В. Вондраком. Сочетания такого типа встречаются не только в литовском, а и в латышском языке, например, *eglė, egle.* Но для

---

[18] **V. Vondrák.** Vergleichende slavische Grammatik. I. Gottingen. 1924, стр. 369—372.

[19] **А. М. Селищев.** Славянское языкознание. 1. М. 1941, стр. 302—303; Старославянский язык. 1. М. 1951, стр. 216.

[20] ЖМНП. 1909, № 7.

[21] **Е. Карский.** К вопросу о влиянии литовского языка и латышского на белорусское наречие. Сборник статей, посвященных учениками и почитателями Ф. Ф. Фортунатову. Варшава. 1902.

[22] **И. Носович.** Словарь белорусского наречия. СПб. 1870.

[23] **Chr. S. Stang.** Die weisrussische Kanzleisprache. Oslo. 1955.

балтийских языков это сочетание не является общераспространенным, так как в древнепрусском сохранились сочетания *dl, tl,* например, *addle, absentliuns,* но наряду с этим и, например, *auclo* [24]. Кроме того, и в латышском языке, как указывает Я. М. Эндзелин [25], иногда сохраняется сочетание *tl,* например, *skaitlis, katls.* Это положение заставляет сделать вывод, что и в балтийских языках, как и в славянских, исконные сочетания *dl, tl* отчасти сохранились, а частично изменились.

В латышском языке, как указывает Я. М. Эндзелин в своей книге «Latviešu valodas gramatika» [26], широко распространены продуктивные отглагольные существительные, обозначающие орудия, место или результат действия или самого действователя, например, *arkls* (ср. древнерусское *рало*), *dzīvoklis* «квартира», *adīklis* «вязанье», *biedēklis* «пугало», а иногда и отыменные существительные, например, *burveklis* «приворотное зелье» [27]. Эти образования имеют то же происхождение, что и русские причастия на *-лъ,* так как и в латышском языке имеются отглагольные прилагательные с историческим суффиксом *-l-,* возможно, старые причастия, например, *tukls, bikls* и др.

Следует еще отметить некоторые особые диалектные формы с сочетанием *gl,* которые встречаются только в Латгалии, на территории, промежуточной между белорусской и псковской [28]: G. S. *dzanyugl'eņa,* ср. *dzęnuols* «жало», D. S. *teceiglu,* ср. *tecīlu* «точило». Автор в последнем случае считает возможным заимствование из польского *toczydło,* а тем самым подчеркивает изменение *dl* > *gl.* Кроме того, отмечено и *āmeglis* «пугало», а предположительно и форма *baiglis* и др. Обычно же встречаются формы с глухим заднеязычным, *к.* То же самое наблюдается и в литературном языке, где распространенным является сочетание *kl,* и только в редких случаях встречается *gl,* например, *egle, ērglis,* ср. топонимическое название *ārdlānukalns* (?).

В начале же слова сочетания *dl, tl* для латышского языка вообще не употребительны в отличие от русского языка, в то время как сочетания *kl, gl* в том же положении очень широко распространены так же, как и в русском языке.

---

[24] **J. Endzelīns.** Baltu valodu skaņas un formas. R. 1948, стр. 57.
[25] **J. Endzelīns.** Latviešu valodas gramatika. R. 1951, стр. 249.
[26] Там же, стр. 349—353.
[27] Здесь же следует отметить и примеры из топонимики; например. *Viklēns* < *Vīt(uo)-lēns* и др.
[28] **J. Endzelīns.** Latviešu valodas gramatika. R. 1951, стр. 349—353.

Итак, наличие сочетаний *kl, gl* для латышского и литовского языков является закономерностью.

Наличие же сочетаний *кл, гл* в русском языке не ограничивается только случаями из древнерусских памятников, впервые отмеченными Л. Л. Васильевым и Н. М. Каринским. В 1916 г. Н. М. Каринский [29] отмечает в б. Гдовском уезде близ Чудского озера топонимическое название *Жерагло* (пролив между Чудским и Псковским озерами). О том, что название это не случайно, а является отражением живого явления, свидетельствует и Л. П. Якубинский [30], отмечая современное псковское диалектное слово *жерегло, а* П. Я. Черных [31] приводит слово *жерегло* (по говорам *жерагло*) в значении «пушечное жерло» (дер. Крестово) или «канал, пролив». Данное слово *(жерегло, жерагло)* отмечается и в псковских памятниках с XVII в. (Псковские писцовые книги).

Кроме того, П. Я. Черных указывает, что «в современных акающих и цокающих говорах в окрестностях Пскова в единичных случаях еще до сих пор наблюдаются остатки произношения кл, гл вместо тл, дл: прачкли (дер. Крестово)» [31]. Та же самая форма *прачкли* распространена и в нескольких деревнях Дагдского района Латвийской ССР, где живут старые русские переселенцы (не ранее XVII в.) с северо-западных русских территорий.

А. А. Шахматов [32] в 1911 г. также отмечает различные примеры с сочетанием *кл:* в Новгородской четвертой летописи под 6643 (1135) годом — *взмяклася,* в Хлудовском списке XVI в. Стоглава — *чьклы,* в Актах Людомирской церкви б. Архангельского уезда, т. е. на Сев. Двине, — *сочклисе, сочклись,* в фольклорном материале: в Сказках И. И. Васильева 1870 г. по б. Псковскому уезду — *перецокъ* «перечёл» из *перецокл,* в Великолукских сказках — *прицклась.* Сюда же можно отнести и современное топонимическое название *Еглево* в Вилякском районе Латвийской ССР, соседнем с Псковщиной, и в Новгородской области севернее Новгорода. Название же деревни *Еглы* в б. Новгородской губ. под Боровичами

---

[29] ЖМНП. 1916, № 2.
[30] **Л. П. Якубинский.** История древнерусского языка. М. 1953, стр. 136.
[31] **П. Я. Черных.** Историческая грамматика русского языка. М. 1952, стр. 82.
[32] Славянство, №№ 4—6.
[33] **А. И. Соболевский.** Опыт русской диалектологии. 1. С.—Пб. 1896.
[34] **Н. Н. Дурново.** Очерк истории русского языка. М.—Л. 1924, стр. 140

отмечает уже и А. И. Соболевский [33]. Н. Н. Дурново [34] приводит еще диалектное слово *жагло* [35] и отмечает указанный и другие подобные диалектизмы в б. Псковской и Петроградской губ., где наряду с рассматриваемыми сочетаниями встречаются формы и с одним *л*.

На наличие сочетания *гл* в соседних русских говорах указывают и старые финские (эстонские) заимствования из русского языка *mogel, mugel* «мыло» [36].

Итак, рассмотрев сочетания *дл* и *тл*, мы видим, что они встречаются главным образом в западнославянских языках, но единично и в других славянских и балтийских языках. Из сказанного можно сделать вывод, что указанные сочетания отнюдь не являются исключительно славянскими, а скорее балто-славянскими.

Кроме того, на месте старых сочетаний *дл, тл* выступают сочетания *гл, кл*. Последнее наблюдается частично в западнославянских языках (польском, кашубском, чешском) и в восточнославянских языках (русском, белорусском; украинском) [37]. Причем русский материал очень разнообразен. Это не только данные письменных памятников XIV—XVI вв., но и диалектные, и топонимические, связанные с Псковской, Новгородской, Ленинградской, а единично (по имеющимся данным) и с более северной территорией, что может свидетельствовать о большой древности указанного явления, а не быть позднейшим изменением. Спорадически данные формы отмечаются и на территории Латвийской и Эстонской ССР в старых переселенческих русских говорах. Такое широкое распространение данного сочетания нельзя объяснить лишь явлением аналогии с формами типа *стерегли*, как это первоначально полагали некоторые языковеды, так как заднеязычные согласные *г* и *к* встречаются не только перед мягким *л*, но и перед твердым, и не только в формах исторического действительного причастия прошедшего времени на *-лъ*, но и в существительных, где выступает как в суффиксе, так и в корне слова. Предположение же А. А. Шахматова о *ляшском*, т. е. польском, влиянии на псков-

---

[35] Против включения данного слова в эту группу категорически выступает А. М. Селищев, см. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов (Slavia, VII), и Старославянский язык. I. М. 1951, стр. 216.

[36] **А. А. Шахматов.** К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры. РФВ. LXIX. Варшава. 1913.

[37] **Л. Теньер.** Указ. работа, стр. 70; Ф. П. Филин. Указ. работа, стр. 15.

ские и новгородские говоры в данном отношении, к мнению которого примыкает и Н. Н. Дурново, не убедительно, так как А. А. Шахматов сам считает данное явление в польском языке новым и малораспространенным. Теория же о белорусской колонизации псковской территории в конце XIII — начале XIV в., которую выдвигает Н. М. Каринский, в связи с деятельными сношениями Пскова с Литвой вряд ли убедительны, так как и на белорусской территории данное явление широко не отмечается. Скорее всего можно согласиться с А. И. Соболевским, который считает, что изменение *дл, тл* в *гл, кл* могло происходить в некоторых общеславянских говорах, соседних с общебалтийскими. Мнение это поддерживается взглядом П. Я. Черных, который считает данное изменение вообще не характерным для русского и славянских языков в целом. Во всяком случае ясно, что сочетания *дл* и *тл* древние и восходят, вероятно, к периоду балто-славянского единства. Возможно, что в определенном положении данные сочетания изменялись в *гл* и *кл*, если не были параллельными образованиями в других балто-славянских говорах, где заднеязычные, будучи очень устойчивы, не утрачивались. А следовательно, и в том, и в другом случае это явление доисторическое, а не новое, возникшее на русской почве, как указывают некоторые языковеды. На то, что это явление можно считать доисторическим, указывает и Р. И. Аванесов [38].

Данное явление, охватывающее большую территорию, а не только пограничную с балтами, указывает на значительную близость западнославянских языков, белорусского языка и северо-западных русских говоров между собой и с такими балтийскими языками, как латышский и литовский. В этом отношении представляет интерес карта Л. Теньера [39], представляющая изоглоссу *dl, tl* в славянских языках, хотя она далеко несовершенна, так, во-первых, по указанию самого автора, материал здесь отражен неполный, собранный разными авторами в различное время без учета какого-либо единого принципа, во-вторых, сочетания *dl, tl* автор рассматривает вместе с сочетаниями *gl, kl*, и, в-третьих, не затрагивает совсем балтийские языки, данные которых могут дать ценный материал для изучения распространения рассматриваемого явления. Поэтому особенно важным представляется рассмотрение данного

---

[38] **Р. И. Аванесов.** Вопросы образования русского языка в его говорах. Вестник МГУ. 1947, № 9, стр. 132.

[39] Указ. работа, стр. 78.

явления в общеславянском лингвистическом атласе, на основе полноценного систематического материала, что позволит шире поставить вопрос о взаимоотношении славянских языков между собой и с балтийскими языками, так как границы указанного явления, как мы уже теперь это видим, не совпадают с границами отдельных языков.

PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

V. BEITANE

PIRMIE V. ŠEKSPĪRA TRAĢĒDIJU TULKOJUMI LATVIEŠU VALODĀ

No pašiem pirmajiem Šekspīra traģēdiju tulkojumiem latviešu valodā iespiedumā parādījies tikai Rempētera-Liekā tulkotais «Hamlets». Tas izdots Jelgavā 1892. gadā. Ne tik labvēlīgs liktenis bija trīs citu lielo traģēdiju pirmajiem tulkojumiem. Tie nekad neparādījās iespiedumā, un šo tulkojumu rokraksti pēc tam, kad tie kādus gadus bija izmantoti teātru uzvedumos, tika nolikti pie malas un nodoti aizmirstībai. Šāds liktenis piemeklēja Dāvīda Švenķa 1896. gadā tulkoto «Makbetu», Prātkopja (Jura Kalniņa) ap 1895. gadu tulkoto «Otello» un J. Janševska 1899. gadā tulkoto «Romeo un Jūlija». Par šiem trim tulkojumiem trūkst bibliografisku datu, un tikai pēc pagājušā gadusimteņa periodikas materiāliem raksta autorei radās iespēja atklāt, ka bez pazīstamajiem Fr. Adamoviča, K. Egles — J. Plauža un R. un K. Egles tulkojumiem ir vēl agrāki šo traģēdiju tulkojumi.

Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas J. Raiņa Valsts literatūras muzejā atrodami tulkojumu manuskripti:

1) «Makbets» — 1896. gadā, tulk. Dāvīds Švenķis,
2) «Otello» — ap 1895. gadu, tulk. Prātkopis (Juris Kalniņš),
3) «Romeo un Jūlija» — 1899. gadā, tulk. J. Janševskis.

Aplūkojot pirmos Šekspīra traģēdiju tulkojumus latviešu valodā un salīdzinot minētos tulkojumus ar angļu oriģinālteksta un šo pašu traģēdiju vēlākajiem tulkojumiem, kā arī ar Šlēgeļa un Fosa tulkojumiem vācu valodā, jāatzīmē virkne īpatnību, kas raksturīgas pirmajiem lielā angļu dramaturga traģēdiju tulkošanas mēģinājumiem latviešu valodā. Pirmie tulkojumi sniedz daudz vērtīga materiāla un labu tulkojumu paraugu, jo daži no pirmajiem tulkotājiem savu darbu veikuši sevišķi sekmīgi un labi, piemēram, Dāvīds Švenķis. Ir gadījumi, kad pirmie tulkojumi precizitātes un stila ziņā pārspēj vēlākos. Pats pirmais

Šekspīra traģēdijas tulkojums — 1892. gadā izdotais Rempētera-Liekā tulkotais «Hamlets» vietām labāks par J. Rozes tulkojumu. Tulkojis Rempēters ar pseidonimu Liekais.

Tā pirmā cēliena pirmajā ainā Rempēters-Liekais ļoti labi atveidojis:

Not a mouse stirring...

(Hamlet I, 1)[1]

Ne pele netekāja.[2]

«To stir» — «kustēties», «kustināt» — pareizi atveidots «tekāt» — pēc savas iekšējās specifikas «tekāt» ir tuvāks tulkojums oriģinālam nekā J. Rozes tulkojumā «čabēt»:

Ne pele nečabēja.[3]

Arī nedaudz tālāk šīs pašas ainas pirmais tulkojums precīzāks par vēlāko:

Hor. Tush, tush, 'twill not appear.

(Hamlet I, 1)[4]

Ko niekus! Nenāks! [5]

Jaunākajā tulkojumā «'twill not appear» — «nenāks» atveidots vārdiem:

Ak, nemels tukšu! [6]

Lai gan tulkojumam nav jābūt burtiskam, tomēr saturs tam jāatspoguļo pareizi. Šai vietā galvenais nav «nemels», bet gan «nenāks», t. i., Hamleta tēva gars neparādīsies. Tulkojumā šo tekstu vajadzētu precīzāk atspoguļot.

No stila viedokļa Rempētera-Liekā tulkojums šķiet tīkamāks par J. Rozes tulkojumu:

Ber. In the same figure, like the king, that's dead.

(Hamlet I, 1)[7]

Viņš izskatās kā nomirušais karals.[8]

Neveiklāka ir saliktā pakārtotā teikuma konstrukcija J. Rozes tulkojumā, kas šoreiz tiecas pēc burtiskā tulkojuma:

Viņš līdzīgs mūsu ķēniņam, kas miris.[9]

Stila ziņā par labāku jāatzīst J. Liekā tulkojumā arī cita vieta:

---

[1] The Works of William Shakespeare from the Text of the Rev. Alexander Dyce's Second Edition, 1868, Vol. VI, 2. lpp., turpmāk Vol. VI vai V.
[2] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 5. lpp.
[3] Hamlets, Rīgā 1958. g. 6. lpp.
[4] Vol. VI, 2. lpp.
[5] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 6. lpp.
[6] Hamlets, Rīgā 1958. g. 7. lpp.
[7] Vol. VI, 3. lpp.
[8] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā. 1892. g. 6. lpp.
[9] Hamlets, Rīgā 1958. g. 7. lpp.

Ber. I think it be no other, but e'en so...

(Hamlet I, 1)[10]

Es domāju, ka citādi vis nebūs.[11]

J. Rozes tulkojumā tas pats izteikts daudz neveiklāk:

Tā taisni būs: ne citādi.[12]

J. Liekā tulkojumā labi atveidots, pareizi izprasts modālais verbs «would» 1. personā:

I would I had been there.

(Hamlet I, 2)[13]

Es vēlētos, ka būtu bijis tur.[14]

«I would» pareizi pārtulkots: «Es vēlētos».

Adekvāts satura un stila atveidojums dots pirmā cēliena trešajā ainā, kad Ofēlija stāsta Polonijam par Hamleta mīlestību:

He hath, my lord, of late made many tenders
Of his affection to me.

(Hamlet I, 3)[15]

Viņš beidzamajā laikā manīm allaž
Par savu mīlestību runāja.[16]

Pareizi atveidots «many tenders» — «allaž par savu mīlestību runāja» — tātad: vienmēr, bieži par mīlestību runāja.

J. Roze tulko neprecīzāk, pēc viņa tulkojuma iznāk, ka tikai vienreiz Hamlets atklājis mīlestību:

Viņš atzinās nesen man savās jūtās.[17]

Stila ziņā pārāks par J. Rozes tulkojumu ir J. Liekā tulkojums par spoku un viņa parašām:

...then it draws near the season
Wherein the spirit held his wont to walk.

(Hamlet I, 4)[18]

...jo jau tuvu laiks,
Kad apkārt staigāt mēdza gars.[19]

J. Rozes tulkojums:

...tad laiks ir klāt, **kur** staigāt mēdz še spoks.[20] (pasvītrojums mans — V. B.)

---

[10] Vol. VI, 5. lpp.
[11] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 8. lpp.
[12] Hamlets, Rīgā 1958. g. 12. lpp.
[13] Vol. VI, 14. lpp.
[14] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 16. lpp.
[15] Vol. VI, 17. lpp.
[16] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 20. lpp.
[17] Hamlets, Rīgā 1958. g. 27. lpp.
[18] Vol. VI, 19. lpp.
[19] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 21. lpp
[20] Hamlets, Rīgā 1958. g. 37. lpp.

Labāk atveidots arī Polonija stils J. Liekā tulkojumā:

As thus, «I know his father and his friends.»

(Hamlet II, 1)[21]

Kā: «tēvu pazīstu un viņa draugus.» [22]

J. Roze šo vietu tulkojis vulgāri:

Sak': «viņa veco pazīstu un draugus.» [23]

Labi un skaidri J. Liekais tulko:

And let him ply his music.

(Hamlet II, 1)[24]

Un lai viņš čakli muzicē.[25]

Bet nav skaidrs, ko gan domājis J. Roze ar savu tulkojumu: Un muziku lai turpina.[26]

Labāks un adekvātāks par J. Rozes tulkojumu ir J. Liekā tulkojums:

To England send him.

(Hamlet III, 1)[27]

Tad sūtat to uz Angliju.[28]

J. Roze šeit nevajadzīgi lieto žargona vārdu «skapējiet», kas šai gadījumā ir pilnīgi nevietā.

Sekmīgi Rempēters-Liekais veicis «Peļu slazda» prologa tulkojumu, atskaitot stilistiski neveiklu prepozīcijas «priekš» lietojumu:

For us and for our tragedy,
Here stooping to your elemency,
We beg your hearing patiently.

(Hamlet III, 2)[29]

Priekš mūsu lugas un priekš mums,
Lai būtu pacietība jums,
Tas mūsu sirsnīgs vēlējums.[30]

Pareizi Rempēters-Liekais tulko karaļa jautājumu Hamletam:

How is it that the clouds still hang on you?

(Hamlet I, 2)[31]

---

[21] Vol. VI, 28. lpp.
[22] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 30. lpp.
[23] Hamlets, Rīgā 1958. g. 54. lpp.
[24] Vol. VI, 30. lpp.
[25] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 32. lpp.
[26] Hamlets, Rīgā 1958. g. 57. lpp.
[27] Vol. VI, 54. lpp.
[28] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 54. lpp.
[29] Vol. VI, 58. lpp.
[30] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 58. lpp.
[31] Vol. VI, 9. lpp.

Kam tevi mākoņi vēl apēno? [32]

«How is it» — «kādēļ», «kam» — J. Roze šo jautājumu aizstāj ar vispārīgu jautājumu:

Vai vēl arvien tumst mākoņi ap jums? [33]

Līdz ar šādu tulkojumu izmainās saturs — karalis it kā vienaldzīgi apjautājas, vai Hamlets vēl arvien ir drūms, turpretī oriģinālteksts skaidri rāda karaļa bailes un nemieru, vēlēšanos visiem līdzekļiem uzzināt, **kādēļ** Hamlets ir drūms, kas ir cēlonis Hamleta melanholijai.

Pēc satura un stila pareizi atveidota Hamleta aktivitātes izpausme ainā, kad Hamlets pirmo reizi satiek tēva garu:

By heaven, I'll make a ghost af him that lets me . . .

(Hamlet I, 4) [34]

Pie joda! to par garu padarīšu,
Kas mani nelaiž! [35]

Precīzi J. Liekais tulkojis gara pavēli:

Mark me.

(Hamlet I, 5) [36]

Klausies! [37]

J. Roze savā tulkojumā šai vietā pārāk tālu atkāpies no angļu oriģināla un gara pavēli — lūgumu — aizstājis ar jautājumu:

Vai dzirdi mani? [38]

Pareizi saturu sniedz J. Liekā tulkojums arī tēva gara sarunā ar Hamletu:

I am thy father's spirit;
Doom'd for a certain term to walk the night . . .

(Hamlet I, 5) [39]

J. Liekais savā tulkojumā atveido laika apstākli «for a certain term»: «nolikts laiks», ko savā tulkojumā nemotivēti ir izlaidis J. Roze, nedaudz sagrozot saturu.

Rempētera-Liekā tulkojums atzīstams par labu kā satura precizitātes, tā stila ziņā:

---

[32] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 12. lpp.
[33] Hamlets, Rīgā 1958. g. 18. lpp.
[34] Vol. VI, 21. lpp.
[35] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 24. lpp.
[36] Vol. VI, 22. lpp.
[37] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 24. lpp.
[38] Hamlets, Rīgā 1958. g. 42. lpp.
[39] Vol. VI, 22. lpp.

Es tava tēva gars,
Kam jāklaido pa nakti nolikts laiks...[40]

J. Rozes tulkojumā Hamleta tēva gara klaiņošanas laiks šķiet neierobežots, kaut gan angļu tekstā ir minēts «a certain term»:

Es tava tēva gars,
Man uzlikts sods klīst nakti zemes virsū.[41]

J. Liekais pareizi tulko «by'r lady» — «pie svētās jumpravas».[42] J. Rozes tulkojumā šai vietā ir rupja kļūda — viņš tulko burtiski — pavisam nepareizi — «pie mūsu dāmām».[43]

Pareizāku tulkojumu izteicienam «to play the fool» — «tēlot muļķi» — atradis J. Liekais:

...that he may play the fool nowhere but in's own house.
(Hamlet III, 1)[44]

Lai viņš muļķa lomu neizrāda nekur citur kā mājās.[45]

J. Rozes tulkojumā «to play the fool» tulkots pārāk smagā stilā: «izrādīt vājprātību»:

Lai viņš var izrādīt savu vājprātību tikai paša namā.[46]

Pareizi tulkots Hamleta ironiskais jautājums par karaļa izturēšanos:

What, frighted with false fire!
(Hamlet III, 2)[47]

Ko, vai nepatiesa ugunsgrēka iztraucēts?[48]

Visumā sekmīgi Rempēters-Liekais veicis arī dzejas tulkojumus, lai gan no stila viedokļa varētu iebilst, ka daži dzejas tulkojumi atgādina mīlestības gaudu ziņģes, piemēram, Ofēlijas dziesmiņas tulkojums:

Larded with sweet flowers;
Which bewept to the grave did go
With true — love showers.
(Hamlet IV, 5)[49]

---

[40] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 24. lpp.
[41] Hamlets, Rīgā 1958. g. 42. lpp.
[42] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 44. lpp.
[43] Hamlets, Rīgā 1958. g. 83. un 108. lpp.
[44] Vol. VI, 52. lpp.
[45] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 53. lpp.
[46] Hamlets, Rīgā 1958. g. 98. lpp.
[47] Vol. VI, 61. lpp.
[48] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 61. lpp.
[49] Vol. VI, 83. lpp.

Un apbērts puķītēm,
Tām apraudātām zaļot prieks
No as'ru lāsītēm.[50]

Blakus sekmīgi pārtulkotām vietām Rempētera-Liekā tulkojumā atrodama virkne trūkumu.

Stila ziņā mazliet vulgārs izklausās Francisko izteiciens par to, ka sardzes maiņa ierodas «Uz mata noliktajā laikā», pie kam J. Liekais «kārtīgi» jeb «precīzi» aizstāj ar «uz mata»:

You come most carefully upon your hour.
(Hamlet I, 1)[51]

Jūs nākat
Uz mata noliktajā laikā.[52]

Prepozīcija «no» lietota «par» vietā:

What you think on't?
(Hamlet I, 1)[53]

Ko jūs no viņa domājat? [54]

J. Liekais savā tulkojumā lieto ģermānismu «vakts» «sardzes» vietā:

... and the chief head
Of this post — haste and romage in the land...
(Hamlet I, 1)[55]

Tas, man liekas, būs
Par iemeslu šai steidzībai; par cēlonu šīm vaktīm,
Par īsto avotu šai modrībai.[56]

Pavisam nesaprotams un stila ziņā kroplīgs tulkojums sastopams Laerta padoma atveidojumā:

And keep you in the rear af your affection...
(Hamlet I, 3)[57]

Un turies dibinā aiz mīlestības.[58]

Nezinot angļu tekstu, šī tulkojuma vieta latviešu valodā vispār nav saprotama.

Skaisti un dzejiski to tulkojis J. Roze:

Bēdz pavēnī no jūtu negaisiem.[59]

---

[50] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 81. lpp.
[51] Vol. VI. 2. lpp.
[52] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 5. lpp.
[53] Vol. VI, 3. lpp.
[54] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 7. lpp.
[55] Vol. VI, 5. lpp.
[56] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 8. lpp.
[57] Vol. VI, 16. lpp.
[58] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 18. lpp.
[59] Hamlets, Rīgā 1958. g. 25. lpp.

Runājot par pulksteni, J. Liekais lieto verbu «apsita», bet mūsdienu latviešu valodā šādā nozīmē saka «nosita»:

No, it is struck.

(Hamlet I, 4)[60]

Nē, apsita jau divpadsmit.[61]

Burtisks tulkojums sastopams J. Liekā tulkojumā otra cēliena otrā ainā, kad Hamlets sarunājas ar aktieriem. Burtiskuma dēļ zudusi teikuma jēga, un teikums ieguvis komisku nokrāsu:

Do the boys carry it away?

(Hamlet I, 4)[62]

Vai zēni aizstiepuši uzvaru? [63]

Nevar savienot konkrēto verbu «stiept», t. i., smagi nest, pat vilkt pa zemi kaut ko ļoti smagu vai arī kādu «stiept sev līdz», ja šī persona pretojas vai seko nelabprāt, ar abstrakto lietvārdu «uzvara».

Neizprasts un tādēļ nepareizi atveidots saturs pirmā cēliena pirmajā ainā — Horācija pārdomas par spoku.

Hor. What art thou, that usurp'st this time of night,
Together with that fair and warlike form
In which the majesty af buried Denmark
Did sometimes march?

(Hamlet I, 1)[64]

Kas
Tu tāds, ka ņēmis šādu laiku naktī
Un lepno karavīra izskatu,
Ar kuru apraktajā Dānijā
Pats karals mēdza staigāt! [65]

J. Liekais nav izpratis apzīmējumu «The majesty of buried Denmark» un tulkojis burtiski: «Karals apraktajā Dānijā». Šai gadījumā «Denmark» nav īpašvārds Dānija, bet gan pats dāņu karalis, kas savā personā it kā pārstāv dāņu valsti. Pareizi tulkojis J. Roze:

Kas esi tu, kas laupi šo nakts stundu
Un izskatu šo kareivīgi stalto,
Kurš apbedītai dāņu majestātei
Reiz piederēja? [66]

---

[60] Vol. VI, 19. lpp.
[61] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 26. lpp.
[62] Vol. VI, 41. lpp.
[63] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 43. lpp.
[64] Vol. VI, 3. lpp.
[65] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 6. lpp.
[66] Hamlets, Rīgā 1958. g. 9. lpp.

Līdzīga kļūda Rempētera-Liekā tulkojumā atkārtojas arī otrā ainā:

You cannot speak af reason to the Dane
And lose your voice;

(Hamlet I, 2)[67]

«To the Dane» — «ar dāni» — šeit domāts — ar dāņu pārstāvi — karali:

Kas kaut ko prātīgu ar dāņiem runās,
Tam vārda neliegs.[68]

Jātulko būtu:

Kas prātīgi ar dāni runās...

J. Rozes tulkojums šai vietā stipri brīvs, bet saturu atveido precīzi:

Man nav nekas teikts vējā, ja vien prātīgs
Ir runātājs.[69]

Sādas pārpratuma kļūdas var drīz vien rasties tad, ja tulkotājs pilnīgi nav apguvis attiecīgo svešvalodu.

Taču tulkojuma kopaina ir skaidra — savā laikā tas bija vērtīgs literārs darbs, kas grāmatu draugiem deva iespēju iepazīties ar lielā Šekspīra darbu latviskā tulkojumā. Tulkojuma novērtējums, ņemot vērā attiecīgo laikmetu un tālaika latviešu valodas attīstības pakāpi, ir pozitīvs.

Iepazīstoties ar nepublicētajiem manuskriptiem, jākonstatē, ka visrūpīgāk tulkojuma darbu veicis «Makbeta» tulkotājs Dāvīds Svenķis. Rodas iespaids, ka viņš tiešām tulkojis no angļu valodas teksta bez vācu tulkojuma starpniecības, jo vietām viņa tulkojumā sastopamies ar burtisku tulkojumu, kas vārdu pa vārdam saskan ar angļu tekstu, bet nedaudz atšķiras no vācu tulkojuma. Visumā šīs traģēdijas tulkojums latviešu valodā nav slikts, tikai nedaudz vājāks par Fr. Adamoviča 1898. gada tulkojumu. Fr. Adamoviča tulkojuma priekšrocība ir tā, ka tas publicēts vairākas reizes: 1898., 1925., 1934. g. Jaunākajos izdevumos attiecīgi pārveidoti mūsdienu latviešu valodas normām neatbilstoši vārdi un izteicieni. D. Švenķa tulkojums palicis nepārstrādāts kopš 1896. gada, tomēr tā valoda daudzo gadu gaitā nav zaudējusi savu pievilcību, un, novēršot dažas satura un stila kļūdas, tas varētu cienīgi nostāties līdzās Fr. Adamoviča tulkojumam, kas pēdējā pārlabotā izdevumā publicēts 1934. g. un nebūt nav bez satura neprecizitātēm un stila neveiklībām. Atskai-

---

[67] Vol. VI, 8. lpp.
[68] Hamlets, tulk. J. Liekais, Jelgavā 1892. g. 11. lpp.
[69] Hamlets, Rīgā 1958. g. 17. lpp.

tot dažas stila neveiklības un satura sagrozījumus, D. Švenķis veikli un prasmīgi prot atrast adekvātu tulkojumu — tā, piemēram, pirmā cēliena ceturtajā ainā:

He was a gentleman on whom I built
An absolute trust.

(Macbeth I, 4)[70]

Viņš bija vīrs, kam bez jebkādām šaubām
Es uzticējos.[71]

Dzīvā un spēcīgā valodā tulkoti skati, kuros darbojas raganas, adekvāti atveidotas viņu sarunas.

Jau pašas pirmās tulkojuma rindiņas labi atbilst oriģinālam:

When shall we three meet again,
In thunder, lightning or in rain?

(Macbeth I, 1)[72]

Sakat, tikt kad varu jūs:
Kad pērkons, zibens vai lietus būs?[73]

Labi uztverts ritms, viegli savās vietās stājušās atskaņas turpat tālāk otrās raganas atbildē:

When the hurly — burly's done,
When the battle is lost and won.

(Macbeth I, 1)[74]

Tad, kad mudžeklis šis beidzas,
Kauja izkarota teicas.[75]

Sevišķi veikli un ritmiski skan īsās frāzes angļu tekstā, tās it kā «rakstā sit» un tikpat dzīvi un strauji mijas jautājumi un atbildes D. Švenķa tulkojumā.

1 st Witch: Where the place?
2 nd: Upon the heath.
3 rd: Here to meet with Macbeth.

(Macbeth I, 1)[76]

Vieta kur?
Uz pļavas tur.
Tur mums Makbets jāsatiek.[77]

Lieliski pārtulkota vieta, kas skaista kā dzeja arī latviskajā tulkojumā, ir raganu vārsmu skandējums pirmās ainas beigās:

---

[70] Vol. V, 364. lpp.
[71] Makbets, tulk. D. Švenķis, 1896. g. tulkojuma rokraksts, 25. lpp.
[72] Vol. V, 354. lpp.
[73] Makbets, tulk. D. Švenķis, 1896. g. tulkojuma rokraksts, 5. lpp.
[74] Vol. V, 356. lpp.
[75] Makbets, D. Švenķa 1896. g. tulk. rokr. 5. lpp.
[76] Vol. V, 356. lpp.
[77] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 5. lpp.

All. Fair is foul and foul is fair:
Hover through the fog and filthy air.

(Macbeth I, 1)[78]

Jauks ir nejauks, nejauks jauks.
Prom tur, kur migla un mākoņu lauks.[79]

Varētu minēt vēl daudz piemēru, jo viss raganu skats, viņu sarunas ir ārkārtīgi dzīvi un spēcīgi tulkotas.

Līdzīgi trauksmes saucienam izskan raganu paziņojums, ka ieradies Makbets:

A drum! A drum!
Macbeth doth come!

(Macbeth I, 3)[80]

Klau, bungas, klau!
Klāt Makbets jau![81]

Sevišķi skaisti un atbilstoši atveidots Makbeta prātojums pirmā cēliena trešajā ainā:

Come what may,
Time and the hour runs through the roughest day.

(Macbeth I, 3)[82]

Kas nāk, lai nāk!
Pat ļaunā dienā stundas aiziet māk![83]

Arī daudz citās vietās saturs un stils teicami atveidots.

What he hath lost, noble Macbeth hath won.

(Macbeth I, 2)[84]

Ko zaudē viņš, lai Makbets iemanto![85]

Tāpat arī daudzas citas vietas — lēdijas Makbetas dialogi ar vīru, sarunas ar Banko — D. Švenķis pratis atveidot tik pilnīgi, ka grūti iedomāties labāku tulkojumu.

Makbeta sirdsapziņas mokas, kas pirms Dunkāna noslepkavošanas plosa viņa sirdi un prātu, labi attēlo otrā cēliena pirmā aina kā angļu, tā latviešu tekstos:

Hear it not, Duncan; for it is a knell
That summons thee to heaven or to hell.

(Macbeth II, 1)[86]

---

[78] Vol. V, 356. lpp.
[79] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 6. lpp.
[80] Vol. V, 359. lpp.
[81] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 14. lpp.
[82] Vol. V, 363. lpp.
[83] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 22. lpp.
[84] Vol. V, 358. lpp.
[85] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 11. lpp.
[86] Vol. V, 374. lpp.

Neklausies, Dunkān! Tās ir bēru dziesmas,
Kas sniedz tev debesi vai elles briesmas! [87]
Labi saturu un stilu atveido:
Mal. My countryman; but yet I know him not.
(Macbeth IV, 3) [88]
Ir tautiets,
Bet es vēl viņu pazīt nevaru.[89]
Ļoti veikli pārtulkota Makbeta pavēle sulainim:
Go, bid thy mistress, when my drink is ready,
She strike upon the bell.
(Macbeth II, 1) [90]
Teic savai kundzei, dzēriens mans kad gatavs,
Lai viņa pazvana.[91]
Stilu un dzejas ritmu patīkamā melodijā atveido zemāk minētās rindiņas:
... Thou sure and firm — set earth,
Hear not my steps ...
(Macbeth II, 1) [92]
... cietā, stingrā zeme,
Jel neklausies, kur mana kāja iet! [93]
Ļoti poētiski D. Švenķis attēlojis lēdijas Makbetas izjūtas pirms Dunkāna nogalināšanas, kad viņa piedzirdījusi sargus, lai tie nekavētu Makbetu realizēt noziedzīgo nodomu:
What hath quench'd them hath given me fire.
(Macbeth II, 1) [94]
Kas tiem dzēš gaismu, tas man rada liesmas! [95]
D. Švenķis pareizi izpratis un precīzi atveidojis arī samērā sarežģītus teikumus:
Wake Duncan with thy knocking!
I would thou couldst!
(Macbeth II, 1) [96]
Jel uzcel Dunkānu! Kaut tu to spētu! [97]

---

[87] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 50. lpp.
[88] Vol. V, 411. lpp.
[89] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 150. lpp.
[90] Vol. V, 373. lpp.
[91] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 48. lpp.
[92] Vol. V, 373. lpp.
[93] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 49. lpp.
[94] Vol. V, 374. lpp.
[95] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 50. lpp.
[96] Vol. V, 376. lpp.
[97] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 57. lpp.

Švenķis ļoti pareizi tulkojis modālos verbus «would» pirmajā personā ar nozīmi «wish» — es vēlētos — un «couldst» — varētu, spētu. Lai gan pirmo verbu «would» D. Švenķa tulkojums burtiski neatspoguļo, taču viss teikums arī bez šī verba skaidri rāda, ka tanī izteikta Makbeta sirsnīga un dziļa vēlēšanās:

Kaut tu to spētu! [98]

Vēlējuma izteiksmes teikums dziļi latvisks, pēc sava satura un stila pilnīgi atbilst oriģinālam. Tas fakts, ka D. Švenķis veikli orientējas modālo verbu lietošanā un izprot to nozīmi, norāda, ka Švenķis tiešām pratis angļu valodu.

Makbeta saruna ar raganām ir mazliet patētiska ceturtā cēliena pirmajā ainā, kad raganas Makbeta acu priekšā uzbur dažādas parādības, kuras pareģo viņa nākotni. Tieši tādā pat stilā saturu latviskā tulkojumā sniedzis D. Švenķis.

First Witch Say, if thou'dst rather
hear it from our mouths,
Or from our masters?

(Macbeth IV, 1) [99]

Teic, vai no mums to gribi dzirdēt, vai
No mūsu meistariem? [100]

Tuvu oriģināltekstam, bet ne burtiski D. Švenķis tulko jaunā Sivarda atbildi Makbetam:

No; though thou call'st thyself a hotter name
Than any is in hell.

(Macbeth V, 6) [101]

Nē, lai tev vārds ir tikpat ugunīgs
Kā velnam ellē. [102]

Dažus vārdus D. Švenķis pārāk cenšas latviskot, piemēram, «fortune» — «Laima» — pirmā cēliena otrā ainā:

Disdaining fortune...

(Macbeth I, 2) [103]

Neprasot laimai... [104]

«Fortune» varētu tulkot «liktenis», «laime», bet «laima» ir pārāk latviskots apzīmējums.

Lasot latvisko tulkojumu, rodas iespaids, ka senie skoti pazinuši tādas pašas dievības kā senie latvieši, vai arī liekas,

---

[98] Turpat, 57. lpp.
[99] Vol. V, 400. lpp.
[100] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 121. lpp.
[101] Vol. V, 423. lpp.
[102] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 182. lpp.
[103] Vol. V, 356. lpp.
[104] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 7. lpp.

ka darbība notiek latviskā vidē — karavadonis Makbets iedrošinājies spītēt Laimas likumiem.

Arī Fr. Adamoviča tulkojums nav adekvāts:

Laimei spītēdams . . .[105]

«Laime» — šis jēdziens izsaka cilvēku ilgu mērķi.

Mūsu apziņā priekšstats par laimi saistās ar kaut ko pozitīvu. Tāpēc neloģisks liekas Fr. Adamoviča tulkojums: Laimei spītēdams.

Iznāk, ka Makbets vēlas būt nelaimīgs, vai arī tiek pārprasts un sagrozīts vārda «laime» iekšējais saturs, pieļauta doma, ka laime jeb Laima grib nodarīt Makbetam ko ļaunu un viņš tai par spīti guvis uzvaru.

«Fortune» — Fortūna nekādā gadījumā nav ekvivalents apzīmējums laimei, jo Fortūna sevī neietver tikai pozitīvu jēdzienu. Fortūna mūsu priekšstatā radniecīga liktenim — tā var būt gan laba, gan ļauna, untumu brīdī tā spēj radīt ačgārnas situācijas, likt labajam zaudēt un ļaunajam uzvarēt. Fortūnai, šai «viltussievai» (false housewife), kā viņu raksturo Kleopatra Šekspīra traģēdijas «Antonijs un Kleopatra» ceturtā cēliena piecpadsmitajā ainā, nedrīkst tik pilnīgi uzticēties un paļāvīgi sekot kā latviešu Laimai. Minēto iemeslu dēļ pareizāk būtu «Fortune» latviešu valodā atveidot: «liktenis».

Varbūt burtiskā tulkojuma dēļ pārāk lokalizēts ir tulkojums pirmā cēliena otrajā ainā, iepazīstoties ar tanu Rosu:

The worthy thane of Ross.

(Macbeth I, 2)[106]

Kā D. Švenķis, tā Fr. Adamovičs to tulko: «Rosu tans». Tulkojums, atgādinādams tādus latviešu īpašvārdu daudzskaitļa ģenitīvus kā Apsīšu Jēkabs, Māteru Juris u. tml., neatbilst oriģināla stilam.

«Rosu tans» būtu lietojams apgrieztā vārdu kārtībā, liekot titulu «tans» īpašvārda priekšā: «tans Ross».

Ne visai labi izdevies D. Švenķa tulkojums pirmā cēliena septītajā ainā — Makbeta aizrādījums sievai, ka neīstai sejai jāslēpj viltīgas sirds domas.

False fase must hide what the false heart doth know.

(Macbeth I, 7)[107]

Lai viltus sirdīm piemīt viltīgs skats![108]

---

[105] Makbets, tulk. Fr. Adamovičs, Rīgā 1925. g. 14. lpp.
[106] Vol. V, 357. lpp.
[107] Vol. V, 371. lpp.
[108] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 44. lpp.

Šeit tulkojums var radīt neskaidrības, jo pēc D. Švenķa tulkojuma iznāk tā, it kā cilvēkam, kuram viltus ir sirdī, jābūt ar viltīgu ārējo izskatu, bet doma oriģinālā pavisam citāda — lai viltus seja apslēpj to, ko zina viltīgā sirds! Pretējā gadījumā katru viltnieku jau no viņa izskata vien viegli varētu pazīt, bet Makbets dod sievai padomu izmantot ārējo izskatu par masku, ar kuru slēpt ļaunās un noziedzīgās domas.

Tulkojuma saturs ir pārāk tālu no oriģinālteksta trešā cēliena pirmajā ainā:

First murd. You made it known to us.

(Macbeth III, 1)[109]

Jūs mūs pārliecinājāt.[110]

Angļu tekstā nav verba «pārliecināt», bet gan:

Jūs mums to paziņojāt.

Angļu teksta saturam, tāpat arī stilam neatbilst raganu vārsmu tulkojums ceturtā cēliena pirmajā ainā. Saturs sagrozīts, stils nepiemērots, tas neatspoguļo baigiem naktsputnu kliedzieniem līdzīgās raganu sarunas.

First Witch. Thrice the brinded cat hath mew'd.
Second Witch. Thrice and once the hedge-pig whin'd.
Third Witch. Harpy cries: — 'tis time, 'tis time...

(Macbeth IV, 1)[111]

Trīsreiz jau kaķīts ņaudēja.
Trīs un vienreiz ezīts kvieca.
Ķirzaka kliedz. Nu laiks ir sākt.[112]

Latviešu valodā iemīļotās lietvārdu pamazināmās formas «kaķītis» un «ezītis» tulkojuma tekstam gan varbūt piešķir zināmu latviskumu, bet teksts zaudē savu anglisko kolorītu un drausmu pilno saturu. Šī vieta pēc satura un stila daudz labāk atveidota Fr. Adamoviča tulkojumā.

Trīs reiz raibais runcis kliedza.
Trīs un vēlreiz ezis spiedza.
Meža jods jau sauc: ir laiks![113]

Lasot šo «pusnakts būtņu» sarunu Fr. Adamoviča tulkojumā, iegūstam tuvāku priekšstatu par Šekspīra attēloto laiku un telpu, nekā to atveido D. Švenķa tulkojums.

Ļoti labi D. Švenķis pārtulkojis «hell-broth» — «elles putra».

---

[109] Vol. V, 385. lpp.
[110] Makbets, D. Švenķa tulk. 82. lpp.
[111] Vol. V, 398. lpp.
[112] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 116. lpp.
[113] Makbets, tulk. Fr. Adamovičs, Rīgā 1925. g. 63. lpp.

Mūsdienu latviešu valodā no stila viedokļa novecojusi šķiet šāda konstrukcija D. Švenķa tulkojumā:

... and set forth
A deep repentance.

(Macbeth I, 4)[114]

Un rādījis lielu apkaunēšanos.[115]
Pārāk burtiski D. Švenķis tulkojis:
Lady M. That which hath made them
drunk hath made me bold.

(Macbeth II, 1)[116]

Caur ko tie pilni, tas man deva dūšu.[117]

Slikts latviešu valodas stils sastopams D. Švenķa tulkojuma trešā cēliena sestajā ainā:

My former speeches have but hit your thoughts.

(Macbeth III, 6)[118]

Tas, ko es teicu, sakrīt taisni kopā ar jūsu domām.[119]
«Sakrīt kopā» nav ieteicams lietot abstraktā nozīmē.
Burtisks tulkojums sastopams ceturtā cēliena pirmajā ainā:

... for none of woman born
shall harm Macbeth.

(Macbeth IV, 1)[120]

Neviens, kas ir no sievas dzemdināts,
Spēs kaitēt Makbetam.[121]
Latviešu valodā jālieto divas negācijas:
Neviens, kas ir no sievas dzimis,
Nespēs kaitēt Makbetam.

D. Švenķis savā tulkojumā lieto ģermānismu «hūte», kas arī pēc sava satura neatbilst angļu oriģinālam:

What man! ne'er pull your hat upon your brows.

(Macbeth IV, 3)[122]

Nē, vīrs, kam tu tā hūti velc uz acīm.[123]

D. Švenķis nav izpratis izteicienu «to pull one's hat upon

---

[114] Vol. V, 363. lpp.
[115] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 24. lpp.
[116] Vol. V, 374. lpp.
[117] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 50. lpp.
[118] Vol. V, 396. lpp.
[119] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 112. lpp.
[120] Vol. V, 413. lpp.
[121] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 123. lpp.
[122] Vol. V, 413. lpp.
[123] Makbets, D. Švenķa tulk. rokr. 138. lpp.

one's brows» un tulkojis to burtiski, neiegūdams adekvātu satura atveidojumu. Pareizāk būtu tulkot:

Nē, vīrs, tu neklusē! Man visu atklāj!

Šādas — gan lielākas, gan sīkākas satura un stila neprecizitātes sastopamas gandrīz visos Šekspīra traģēdiju tulkojumos.

D. Švenķa tulkojumā kļūdu skaits nav sevišķi liels. Visumā viņa tulkojums ir interesants un atbilst angļu oriģinālam. Pārlabojot un trūkumus novēršot, to būtu iespējams izmantot jaunam izdevumam.

Nekad latviešu valodā iespiedumā nav parādījusies Šekspīra traģēdija «Romeo un Džuljeta». Šī traģēdija tāpat kā traģēdija «Otello» ir tikai runājusi uz latviešu publiku no teātra skatuves.

«Romeo un Džuljeta» latviešu valodā parādījās J. Janševska tulkojumā 1899. gadā. Diezgan ilgu laiku šis tulkojums palika vienīgais, un to izmantoja teātru uzvedumos, lai gan nepublicēja. Vēl 1924. gadā «Jaunākās Ziņas», rakstot par «Romeo un Jūlijas» uzvedumu Dailes teātrī, atzīmē, ka: «J. Janševska tulkojums ir valodas bagāts.» [124]

Tā kā minētās traģēdijas rokraksts nav saglabājies pilnīgā veidā, bet tikai kā atsevišķu lomu izraksti, tad pilnīgu priekšstatu par tulkojumu nav iespējams gūt. Cik var spriest no pieejamiem materiāliem, tulkojums visumā nav slikts, bet diemžēl daudz teksta tulkojumā izlaists. Tulkojuma avots šķiet angļu teksts, lai gan ir vietas, kurās manāma vācu tulkojumu ietekme. Dažas tulkojuma vietas stipri tuvas angļu oriģināltekstam.

Abr. Do yoy bite your thumb at us, sir?
Sam. I do bite my thumb, sir.
(Romeo and Iuliet I, 1)[125]
Abr. Vai jūs mums to rādat?
Sam. Es rādu.[126]

Sekmīgi — ļoti tuvu oriģinālam pēc satura un stila J. Janševskis tulkojis aukles paziņojumu par Tībalta nāvi:

swoonèd at the sight...
(Romeo and Juliet III, 2)[127]
Es brūci redzēju ar pašas acīm
Un asinis — es tikko nepagību.[128]

---

[124] «Jaunākās Ziņas» 1924. g. Nr. 93.
[125] Vol. V, 113. lpp.
[126] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.
[127] Vol. V, 160. lpp.
[128] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.

Labi atveidots trešā cēliena piektās ainas sākums:

Wilt thou be gone? It is not yet near day:
It was the nightingale and not the lark...
(Romeo and Juliet III, 5)[129]

Tu iet jau gribi? Diena vēl ir tālu:
Tā lakstīgala bij', ne cīrulis.[130]

No esošajiem materiāliem redzams, ka ļoti daudz teksta izlaists.

Liekas, ka šeit vainīgs režisors, kas kaut kādu apsvērumu dēļ licis Šekspīra traģēdijai parādīties uz latviešu teātra skatuves stipri apcirptā veidā. Jādomā, ka tulkotājs šinīs izlaidumos nav vainojams.

Ceturtā cēliena trešās ainas beigās skaistais, dziļu pārdzīvojumu, iekšējas cīņas un šausmu pilnais Džuljetas monologs tulkojumā saīsināts līdz 27 rindām. Neredzam ne Džuljetas cīņu ar sevi un savām bailēm, ne arī viņas mīlas uzvaru un drosmi aiz mīlas un uzticības uz Romeo izdzert Lorenco dotās miega zāles. No visa monologa latviskajā tulkojumā J. Janševska tulkojuma rokrakstā palikušas tikai nedaudzas rindiņas — un tikai tās, kas izteic Džuljetas bailes:

How if, when I am laid into the tomb,
I wake before the time that Romeo
Come to redeem me? there's a fearful point!
(Romeo and Juliet IV, 3)[131]

Bet kā? Ja tumšā kapā guļot
Par agru atmostos un Romeja
Vēl nav? Ai, šaušalīgs un briesmīgs brīds![132]

Ļoti tuvs angļu tekstam ir Šlēgeļa vācu tulkojums, tā ka grūti konstatēt, vai J. Janševskis par savu tulkojuma avotu izmantojis angļu oriģinālu vai vācu tulkojumu.

Wie aber? wenn ich, in die Gruft gelegt,
Erwache vor der Zeit, da Romeo
Mich zu erlösen kommt? Furchtbarer Fall![133]

Stipri saīsināts Džuljetas mātes un aukles dialogs, vietām izlaisti pat veseli skati (piemēram, no ceturtā cēliena piektās ainas līdz piektā cēliena ainai, kurā parādās aptiekars).

---

[129] Vol. V, 169. lpp.
[130] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.
[131] Vol. V, 183. lpp.
[132] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.
[133] William Shakespeare's sämtliche dramatische Werke in drei Bänden. zweiter Band. Leipzig, 412. lpp., turpmāk Zweiter Band. Leipzig.

J. Janševska tulkojumā atrodami daži barbarismi, piemēram, «brūte».

... shall happily make thee there a joyful bride.
(Romeo and Juliet III, 5)[134]

Pie laulības kā brūti tevi vedīs.[135]

Visa šī konstrukcija ir neveikla: «Pie laulības tevi vedīs». Varētu varbūt teikt: pie altāra tevi vedīs.

Burtiski J. Janševskis tulkojis:

... hast thou not a word af joy?
Some comfort, nurse.
(Romeo and Juliet III, 5)[136]

Ko saki? Vai tev priecas vārda nav,
Kas sirdi remdina?[137]

No stila viedokļa būtu jāiebilst pret J. Janševska tulkojumu «who calls» — «kas bļauj», jo «to call» nozīmē «saukt». Arī pēc konteksta redzams, ka šeit «to call» domāts «kas tur tik skaļi sauc»:

Ap. Who calls so loud?
(Romeo and Juliet V, 1)[138]

Kas bļauj tur tā?[139]

Tomēr par visu J. Janševska tulkojumu pēc atsevišķo lomu izrakstiem grūti spriest. Šķiet, ka sava laika valodas normām tas bijis atbilstošs, bet jaunam tulkojumam un izdevumam par pamatu to nebūtu vēlams ņemt. J. Janševska tāpat kā J. Liekā, D. Švenķa un Prātkopja tulkojumos, kas visi veikti pagājušā gadsimteņa beigās, vietām manāma vācu valodas ietekme. Bieži vien pasīvā konstrukcija lietota aktīvās vietā, dažas prepozīcijas lietotas pēc vācu valodas parauga, sastopami dažādi ģermānismi, bet visas šīs pirmo tulkojumu kopīgās pazīmes vēl nenozīmē, ka tulkojumu avots būtu vācu tulkojumi. Ļoti iespējams, ka pirmie tulkotāji blakus angļu oriģinālam izmantojuši arī vācu tulkojumus kā palīglīdzekli. Tālaika inteliģence labāk bija apguvusi vācu valodu nekā tādu svešvalodu, ar kuru dzīvē gandrīz nemaz neiznāca saskarties. Taču vienīgi Prātkopja «Otello» tulkojums ir atveidots pēc vācu tulkojuma. Izstudējot Prātkopja (Jura Kalniņa) tulkojumu, viegli konstatēt, ka tulkojuma avots nav angļu oriģinālteksts, bet gan Fosa tulkojums vācu valodā,

---

[134] Vol. V, 172. lpp.
[135] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.
[136] Vol. V, 175. lpp.
[137] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.
[138] Vol. V, 191. lpp.
[139] Romeo un Jūlija, J. Janševska 1899. g. tulk. rokr.

jo dažas vietas burtiski sakrīt ar Fosa tulkojumu, bet nevis ar angļu oriģinālu.

Sevišķi raksturīgs piemērs ir pirmā cēliena pirmajā ainā — Jago pārmetums Desdemonas tēvam:

... You'll have coursers for cousins
and gennets for germans.

(Othello I, 1)[140]

Prātkopja tulkojums:

Jūs gribiet pasta kleperus par brālēniem un celtu jūgu lopiņus par māsīcām? [141]

Iepazīstoties ar Fosa tulkojumu, skaidri redzama Fosa ietekme:

Ihr wollt Postklepper zu Vettern und Zelter zu Basen und Nichten haben? [142]

«Coursers» Fosa tulkojumā: «Postklepper» un arī Prātkopja tulkojumā: «pasta kleperi».

Tikpat raksturīgs piemērs redzams otrā cēlienā — nepareizs «mistress» tulkojums. «Mistress» ir vārds ar vairākām nozīmēm, pēc konteksta saprotams, ka Jago, runādams par Desdemonu kā par savu kundzi, pavēlnieci, sauc viņu «my young mistress», bet nekādā ziņā Jago šai vietā nerunā par savu sievu.

As my young mistress' dog.

(Othello II, 3)[143]

Foss «mistress» tulkojis kā «sieva», un šo pašu kļūdu atkārtojis Prātkopis.

Wie meines Weibes Mops.[144]
Kā manas sievas mopsis.[145]

Pareizāks tulkojums būtu:

Kā manas jaunās kundzes suns.

Arī citās, varbūt ne tik raksturīgās kā abās minētajās vietās, jūtama vācu valodas ietekme Prātkopja tulkojumā.

Oth. Good Michael, look you to the guard tonight.

(Othello II, 3)[146]

---

[140] Vol. VI, 223. lpp.
[141] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 8. lpp.
[142] Zweiter Band, Leipzig, 277. lpp.
[143] Vol. VI, 251. lpp.
[144] Zweiter Band, Leipzig, 299. lpp.
[145] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 59. lpp.
[146] Vol. VI, 250. lpp.

Mein guter Michael, steh heut' Nacht zur Wache.[147]
Tu, labais draugs, šonakt stāv uz vakti.[148]

Pārliecinošs piemērs ir atrodams arī otrā cēliena otrajā ainā. Angļu teksts šai vietā ir skaidrs un nepārprotams — ja Prātkopis būtu kaut daļēji izmantojis angļu oriģināltekstu, viņš būtu pārtulkojis visu teikuma saturu, neatmetot precīzo laika apzīmējumu: «from this present hour of five».

And there is full liberty of feasting
from this present hour
Of five till the bell have told eleven.

(Othello II, 2)[149]

Fosa tulkojumā laika moments nav tik precīzi noteikts:

Und jedem steht es frei, von jetzt an bis um elf Uhr fröhlich und guter Dinge zu sein.[150]

Foss «pulksten piecos» ir atmetis un tā vietā lieto «von jetzt an». Pilnīgi burtiski šo vācu tekstu latviski tulko Prātkopis:

... Un ikkatram ir atļauts no šā brīža līdz pulksten 11 priecāties un līgsmoties.[151]

Samērā labs ir Jago dziedātās dziru dziesmiņas atveidojums:

And let me the canakin clink, clink,
And let me the canakin clink:
A soldier's a man;
A life's but a span:
Why, then, let a soldier drink.

(Othello II, 3)[152]

Tad dzirkstošo kausu lai tveram,
Lai uzdziedam jautri un dzeram,
Tik kareivim ir ciens,
Un dzīve sprīdis viens,
Tā, kareivji, dziedam un dzeram.[153]

Līdzīgi šī dziesmiņa skan Fosa tulkojumā, bet, tā kā tulkojums vācu valodā šai vietā ļoti tuvs angļu oriģināltekstam, tad šis piemērs nav tik spilgts, lai norādītu, ka Prātkopis tulkojis «Otello» no vācu valodas:

Drum laßt mir das Gläselein klingen,
Drum wollen wir trinken und singen.

---

[147] Zweiter Band, Leipzig, 298. lpp.
[148] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 56. lpp.
[149] Vol. VI, 250. lpp.
[150] Zweiter Band, Leipzig 298. lpp.
[151] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 56. lpp.
[152] Vol. VI, 252. lpp.
[153] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 60. lpp.

Der Soldat ist ein Mann,
Und das Leben eine Spann,
Der Soldat muß trinken und singen.[154]
Diezgan veikli Prātkopis tulkojis
O, thereby hangs a tail.

(Othello, III, 1)[155]

Ā, tur klāt karājas stāsts ar garu asti.[156]

Vārdu spēle «tale» — «stāsts» un «tail» — «aste» — labi atveidota, tikai tulkojums burtiski atbilst Fosa tulkojumam:

O daran hängt eine langschwänzige Geschichte.[157]

Angļu tekstā «O, thereby hangs a tail» nav minēts adjektīvs «garš», turpretim Foss šī teikuma tulkojumā ievedis savu papildinājumu, lai tuvāk apzīmētu «tail»: «eine langschwänzige Geschichte». Arī Prātkopis tulko: «stāsts par garu asti».

Šķiet, ka Prātkopim bijusi laba humora izpratne un izjūta, jo viens no vissekmīgāk pārtulkotajiem skatiem ir aina ar jokdari un viņa asprātīgajām sarunām. Vārdu rotaļas adekvāti atveidot Prātkopim nav vienmēr izdevies. Tā trešā cēliena ceturtajā ainā Desdemonas sarunu ar jokdari Prātkopis attēlo tikai aptuveni, un saturs šai vietā nav skaidri izprotams.

Des. Do you know, sirrah, where
Lieutenant Cassio lies?
Clo. I dare not say he lies any where.
Des. Why, man?
Clo. He is a soldier; and for one to say
a soldier lies, is stabbing...

(Othello III, 4)[158]

Vārdu spēli «to lie» — «gulēt», «atrasties» un «to lie» — «melot» — Prātkopis cenšas atveidot šādi:

Desdemona. Vai tu zini, labais draugs,
kur leitenants Kassio piemīt?
Jokotājs. Es neuzdrošinos teikt, ka viņš
gribētu mīt.
Desdemona. Kālab ne, cilvēks?
Jokotājs. Viņš ir kareivis, un teikt, ka kareivis
grib ādas mīt, par to es visu savu galvu
varētu pazaudēt.

---

[154] Zweiter Band, Leipzig, 300. lpp.
[155] Vol. VI, 261. lpp.
[156] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 77.a lpp.
[157] Zweiter Band, Leipzig, 307. lpp.
[158] Vol. VI, 278. lpp.

Desdemona. Ej, ej! Kur viņš dzīvo?
Jokotājs. Jums pateikt, kur viņš dzīvo, būtu tikpat daudz kā sacīt, kur es minu.
Desdemona. Vai gan tāds to var saprast?
Jokotājs. Es nezinu, kur viņš dzīvo, un dzīvokli no gaisa sagrābt un teikt, viņš mīt še vai tur, tas būtu manā kaklā melus iemīt.[159]

Kā redzams, Prātkopis mēģina «to lie» dažādās nozīmēs aizstāt latviešu valodā ar «mīt», bet vārdu spēles atdarināšanas dēļ cieš satura skaidrība.

Foss vācu tulkojumā «to lie» atveido «liegen» un «lügen», izsekojot šīs ainas vāciskajam tekstam, nav grūti konstatēt, ka Prātkopis savā tulkojumā izmantojis Fosa tulkojumu.

Desdemona. Weißt du, guter Freund,
wo Leutnant Cassio im Quartier liegt?
Rüpel. Ich getrau' mir nicht zu sagen,
daß er irgendwo lügt.
Desdemona. Warum nicht, Mensch?
Rüpel. Er ist ein Soldat, und zu sagen, daß ein Soldat lügt, könnte den Hals kosten.
Desdemona. Geh mir! wo wohnt er?
Rüpel. Euch sagen, wer wohnt, hieße Euch sagen, wo ich lüge.
Desdemona. Kann wohl Einer daraus klug werden?
Rüpel. Ich weiß nicht, wo er wohnt, und eine Wohnung aus der Luft greifen und sagen: er liege hier oder liege dort, das hieße in meinen Hals hinein lügen.[160]

Jokotāja pēdējā atbilde dod sevišķi skaidru liecību par Prātkopja tulkojuma avotu, jo Prātkopis burtiski turas pie vācu teksta:

Rüpel. Ich weiß nicht, wo er wohnt[161]
Jokotājs. Es nezinu, kur viņš dzīvo.[162]
... und eine Wohnung aus der Luft greifen und sagen: er liege hier oder liege dort, das hieße in meinen Hals hinein lügen.[163]

---

[159] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 108.a lpp.
[160] Zweiter Band, Leipzig, 321. lpp.
[161] Zweiter Band, Leipzig, 321. lpp.
[162] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 108.a lpp.
[163] Zweiter Band, Leipzig, 321. lpp.

...un dzīvokli no gaisa sagrābt un teikt: viņš mīt še vai tur, tas būtu manā kaklā melus iemīt.[164]

Lai saturs būtu saprotamāks, varbūt varētu mēģināt šai vietā «to lie» atveidot ar verbu «apmesties».

Desdemona. Vai nezināt, kur apmeties leitenants Kassio?
Klauns. Es nedrīkstu teikt, ka viņš vispār kaut kur apmeties.
Desdemona. Kāpēc?
Klauns. Viņš ir karavīrs, un tam, kas izpauž karavīru apmešanās vietu, draud nāve.

Interesanti ir izsekot Prātkopja mēģinājumam pārtulkot kā satura, tā stila ziņā sarežģīto Otello stāstu par apburto lakatiņu, kuru viņš dāvājis Desdemonai un kuru viņa pazaudējusi. K. Egles — J. Plauža tulkojumā šīs vārsmas izlaistas. Prātkopja tulkojuma stils ir samērā smags un neveikls, satura tulkojums burtisks.

Oth. Tis true: there's magic in the web of it:

A sibyl, that had number'd in the world
The sun to course two hundred compasses,
In her prophetic fury sew'd the work;
The worms were hallow'd that did breed the silk;
And it was dy'd in mummy which the skilful
Conserv'd of maiden's hearts.

(Othello III, 4)[165]

Foss šo vietu tulko:

Othello. Jawol. s'ist Zauberkraft in dem Gewebe
Eine Sibylle, die den Sonnenlauf
Zweihundertmal beginnen sah und enden,
Hat in prophetischem Wahnsinn es gewirkt.
Geweihte Würmer spannen dran die Seide,
Es ward mit Mumiensaft gefärbt, den sie
Mit Knust aus Jungfernherzen aufbewahrte.[166]

Prātkopja tulkojums:

Kā tad; ir burvja spēks tai audumā,
Šo audu pravietiskā ārprātā
Ir audusi tā sibilla, kas redzēj',
Kā saule divsimtreiz ap zemi griezās.

---

[164] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 108.a lpp.
[165] Vol. VI, 280. lpp.
[166] Zweiter Band, Leipzig, 323. lpp.

Priekš viņa svēti tārpi zīdu vērpa,
Tas krāsots sulā, kas no mūmijām
Un jaunavām no sirdīm izspiesta.[167]

No stila viedokļa raugoties, nebūtu piemērots tulkojums «auts», kas apzīmē lielāku drānas gabalu, bet nevis kabatas lakatiņu. Varētu iebilst arī pret verbu ar norauto galotni: «redzēj». Pēdējās divas rindiņas mazliet sagroza oriģināla saturu un nenoskaidro lasītājam, kāds sakars ir mūmijām ar jaunavām.

Šo interesanto stāstu, kas raksturo lakatiņa burvības spēku un lielo nozīmi, tulkojumā katrā ziņā vajadzētu atbilstoši atveidot. Varētu mēģināt tulkot:

Ir tiesa. Noslēpums šais tīklos ieausts:
Jo darinājusi to veca burve,
Kas redzējusi saules gājumu
Divsimtreiz sākoties un izbeidzoties,
Tā savā pravietiskā ārprātā
Šo darbu veikusi.
Bij' tārpi svētīti, kas deva zīdu;
Un krāsots tas bij' mūmijasinīs,
Tās, veikli balzamētas, uzglabāja
Sev sirdīs jaunavas, kas nomirušas
Ir dzīves ziedonī.

Runājot par Desdemonas ierašanos Kipras salā, Prātkopis sniedz skaidru un vienkāršu tulkojumu, kas pilnīgi atbilst vācu tekstam:

Whose footing here anticipates our thoughts
A se'nnight's speed.
(Othello II, 1)[168]

«se'nnight» — «seven nights» — a week (septiņas naktis — nedēļa) — Foss tulko: «eine Woche». Arī Prātkopis tulko «se'nnight» kā «nedēļa»:

Deß Anknuft unsrer Hoffnung vorgecilt
Um eine Woche.[169]

Prātkopja tulkojums:

Vismaz par nedēļu tas agrāk še kā gaidījām.[170]

Ļoti labi Prātkopja tulkojumā izdevusies vieta, kurā Otello runā par Desdemonas karsto roku.

---

[167] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 112.a lpp.
[168] Vol. VI, 243. lpp.
[169] Zweiter Band, Leipzig, 293. lpp.
[170] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 35.a lpp.

For here's a young and sweating devil here,
That, commonly rebels. 'Tis a good hand,
a frank one.

(Othello III, 4)[171]

Prātkopja tulkojums sniedz šīs ainas attēlojumu vieglā un rotaļīgā stilā, kas labi atveido kā saturu, tā oriģināla stilu:

Še velnēns jauns un karsts kā uguns mīt,
Kas drīz top pārgalvīgs.
Šī roka maiga,
Tā labprāt dāvā.[172]

Līdzīgs pēc satura un stila ir arī Fosa tulkojums:

Hier liegt ein junger, schwizendheißer Teufel,
Der leicht rebellisch wird. 'S ist eine gute Hand,
Eine freigebige Hand.[173]

Izpētot Prātkopja tulkojumu un salīdzinot to ar vēlāko K. Egles — J. Plauža tulkojumu, redzam, ka Prātkopja tulkojuma literārā vērtība visumā nav liela un daudz pārāks ir K. Egles — J. Plauža tulkojums. Pēdējā tulkojuma avots ir angļu oriģinālteksts, un tulkojuma valoda atbilst mūsdienu latviešu valodas un stila normām.

Salīdzinot pirmos Šekspīra traģēdiju tulkojumus, kas veikti vēl pagājušā gadsimteņa beigās, ar jaunākajiem tulkojumiem, kļūst skaidrs, ka pirmie tulkojumi savā laikā labi izpildījuši savu uzdevumu — iepazīstinājuši latviešu lasītājus ar lielā Šekspīra darbiem. Valodas attīstības gaitā vecāko tulkojumu stils ne vienmēr saglabājis savu svaigumu un dzejiskumu līdz mūsdienām, tāpat arī ne viss leksikas materiāls iegājis mūsdienu latviešu literārās valodas vārdu krājumā. Tajos ir sastopami ģermānismi («vakts», «apstellēt», «hūte», «ģifts» u. tml.), nepareizi lietotas prepozīcijas («iz Romas», «priekš Antonija», «domāt no viņa»), pasīvā konstrukcija aktīvās vietās, lietvārdi ar izskaņu «-šana» («patikšana», «apkaunēšanās»). Tomēr attiecīgajā laika posmā šie tulkojumi vērtējami pozitīvi. Daži no tiem (Prātkopja «Otello», J. Liekā «Hamlets», J. Janševska «Romeo un Jūlija») tagad izmantojami tikai kā vēsturiski piemineklī, kas palīdz orientēties valodas attīstības un tulkojumu vēsturē; D. Švenķa tulkotais «Makbets» varētu noderēt par pamatu jaunam šīs traģēdijas izdevumam. Lai cik nepilnīgi ir pirmie Šekspīra traģēdiju tulkojumi, autori ar tiem veikuši lielu

---

[171] Voll. VI, 279. lpp.
[172] Otello, Prātkopja tulk. rokr. 110.a lpp.
[173] Zweiter Band, Leipzig, 322. lpp.

un augsti vērtējamu darbu, iepazīstinādami lasītājus ar Šekspīra daiļradi. Pirmie tulkojumi ir bagātīgs materiālu krājums, kuru izpētīšana var sniegt daudz vērtīgu atziņu un ierosinājumu jauniem Šekspīra darbu tulkotājiem. Nav jāaizmirst, ka varam mācīties ne vien no pirmo tulkotāju sekmīgi atveidotajām rindām, bet arī no to kļūdām. Jaunajiem Šekspīra darbu tulkotājiem jāpanāk saturā ietvertās dailes atveidojums atbilstošā formā, lai lasītājs gūtu patiesi īstu un krāšņu ieskatu par Sekspīra traģēdijām, jo

... krāšņa aina tāda,
Kur slēpto daili ārējs skaistums rāda! [174]

В. БЕЙТАНЕ

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ТРАГЕДИЙ ШЕКСПИРА НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Первые переводы трагедий Шекспира на латышский язык появились в конце прошлого столетия. Из первых переводов был напечатан лишь переведенный в 1892 г. Ремпетером-Лиекайсом «Гамлет». Остальные три перевода трагедий так и остались в рукописи. Их использовали для театральных постановок, но в последующие годы они оказались в архиве. Из сообщений печати прошлого столетия удалось выяснить, что, кроме известных переводов трагедий «Макбет», «Отелло» и «Ромео и Джульетта», сделанных Фр. Адамовичем и К. Эгле — Я. Плаудисом, имеются более ранние переводы этих трагедий.

В Государственном музее литературы им. Я. Райниса Академии наук Латвийской ССР хранятся рукописи переводов:

1. «Макбет» — в 1896 г. перевел Давид Швенкис,
2. «Отелло» — около 1895 г. перевел Праткопис (Юрис Калнынь),
3. «Ромео и Юлия» — в 1899 г. перевел Е. Яншевский.

Исследуя первые переводы трагедий Шекспира на латышский язык и сравнивая их с оригиналами и более поздними переводами этих же трагедий, а также с переводами Шлегеля и Фоса на немецкий язык, следует отметить ряд особенностей, характерных для первых переводов трагедий великого английского драматурга на латышский язык. В первых переводах

[174] Romeo un Džuljeta. R. un K. Egles tulkojuma rokraksts, 18. lpp.

местами замечается влияние немецкого языка. Часто вместо действительной конструкции употребляется страдательная, предлоги употребляются по образцу немецкого языка, в особенности «iz», «priekš», «no», встречаются германизмы, например, «vakts», «hūte», «ģifts», «apstellēt», однако все эти общие для первых переводов особенности не означают, что источником служили немецкие переводы. Возможно, что в качестве вспомогательного материала наряду с оригиналом первые переводчики использовали и немецкие переводы, так как их образование находилось под влиянием немецкой школы и интеллигенция того времени владела немецким языком. Однако только Праткопис перевел «Отелло» с немецкого перевода. Исследуя перевод Праткописа (Юриса Калныня) легко установить, что источником перевода служил не оригинал, а именно перевод Фоса, так как некоторые места буквально совпадают с последним, а не с оригиналом. Примеров тому можно найти очень много. Особенно ярко на немецкий перевод как источник для перевода Праткописа указывают места в первой картине первого действия, во второй и третьей картинах второго действия, в первой и четвертой картинах третьего действия.

Об источнике перевода Е. Яншевского судить труднее, так как манускрипт упомянутого перевода не сохранился полностью, а лишь в списках отдельных ролей. Поскольку можно судить по доступным материалам, перевод трагедии «Ромео и Юлия» неплох, только в тексте перевода много пропусков. Кажется, что виновен в этом режиссер, который по каким-то соображениям решил показать трагедию Шекспира на латышской сцене в весьма сокращенном виде.

Источником перевода Е. Яншевского по-видимому является английский текст, хотя имеются места, в которых замечается влияние немецкого перевода (например, третья картина четвертого действия). Так как немецкий перевод Шлегеля очень близок к английскому тексту, то трудно установить, использовал ли Е. Яншевский для своего перевода оригинал или немецкий перевод.

Тщательнее всех работал переводчик трагедии «Макбет» Давид Швенкис. Создается впечатление, что он действительно переводил с оригинала, без посредничества немецкого перевода, так как местами сталкиваемся с буквальным переводом, слово в слово совпадающим с английским текстом, но отличающимся от немецкого перевода. Хотя в переводе Д. Швенкиса имеются некоторые погрешности против стиля и содержания, однако его перевод интересен и соответствует оригиналу. По

устранении этих погрешностей, перевод может послужить основой для нового издания этой трагедии.

В переведенной Лиекайсом трагедии «Гамлет» сталкиваемся и с весьма удачно переведенными стихами и с такими местами, которые с точки зрения современного латышского языка следует расценивать отрицательно. Однако в свое время этот перевод являлся ценным литературным произведением, дававшим любителям книжного чтения возможность познакомиться с творчеством великого Шекспира.

Рассматривая упомянутые переводы с точки зрения развития языка эпохи, их следует оценить положительно. В свое время первые переводы выполнили свою задачу — познакомили латышского читателя с произведениями Шекспира. С развитием языка стиль первых переводов не всегда сохраняет до наших дней свою свежесть и поэтичность, так же как и не весь лексический материал входит в состав современного литературного языка, поэтому некоторые из этих переводов в наши дни частично утратили свою привлекательность, так как в них слишком много мест, не отвечающих нормам латышского языка и стиля. Эти переводы («Отелло» Праткописа, «Гамлет» Лиекайса, «Ромео и Юлия» Е. Яншевского) могут служить только историческими памятниками, помогающими ориентироваться в истории развития языка и перевода. Первые переводы являются богатым материалом, исследование которого даст возможность новым переводчикам сделать интересные выводы. Можно многому научиться как на успешно переведенных строках, так и на ошибках первых переводчиков. Понимая причины возникновения ошибок, можно избежать их и создать на латышском языке перевод трагедий Шекспира, соответствующий по форме и содержанию английскому оригиналу.

PĒTERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ. ТОМ XXX. 1959.

A. GRĪNBLATS

POSTPOZĪTA KOPAS HOMONĪMIJA MŪSDIENU ANGĻU VALODĀ

Senangļu literatūrā sastopamas tikai dažas monosēmas postpozīta kopas, piem., *rīdan ūp* — atbraukt —, *stīvan ūp* — uzkāpt —, *ǯān ūt* — iziet — u. tml. Šīs kopas lietotas galvenokārt tiešā nozīmē, postpozīts vienīgi maina verba aspektu un precizē virzienu. Salīdzinot ar senangļu periodu, reģistrēto postpozīta kopu skaits turpmākajos periodos pastāvīgi palielinājies. Tagad postpozīta kopa sastopama ne vien sarunvalodā, bet arī dažādos stilos literatūrā.

Verbam ekvivalento postpozīta kopu skaita straujais pieaugums, īpaši mūsdienu angļu valodā, ir cieši saistīts ar dziļām izmaiņām kopas komponentu attiecībās un ar kopas sazaroto nozīmju sistēmas izveidošanos. Kopa kļuvusi par vienu no semantiskā ziņā elastīgākajiem elementiem valodā: dažādos kontekstos pirmā plānā var izvirzīties viena vai otra komponenta nozīme, kopa var tikt lietota dažādās pārnestās nozīmēs. Tā kopa iegūst dažādas kontekstuālas nozīmes, kas vislabāk skatāmas tulkojumos.

«Well, look here,» Tom *went on* [1], «I've got an idea ...
If we can *pull* it *off* and *bring* it *down,* I believe we can *put* it *over.*» — «Nu, paklau», turpināja Toms, «Man ienāca prātā doma. Ja vien mēs pratīsim to likt lietā un izmantot, esmu pārliecināts, ka pasākumu īstenosim». (S. Leacock, Tom Lachford Promoter).

Dotajā piemērā visu postpozīta kopu (izņemot *went on*) motivācija ir ne visai skaidra. Rodas jautājums, vai kopa *to pull off* nozīmē likt lietā ir tā pati kopa *to pull off,* kas citur sastopama nozīmēs novilkt, paveikt, iegūt; vai kopa *to bring down* nozīmē

[1] Kursīvs šeit un turpmākajos piemēros mans. — A. G.

izmantot nav citas kopas *to bring down* — nogādāt lejā, pazemot — homonīms utt.

Kopai *to run down* ir vairākas nozīmju grupas:

to run down a) to run away,
to leave for the province;
to run down b) to stop (for want of winding),
to become enfeebled from overwork;
to run down c) to install,
to run down d) to chase,
to overtake in pursuit,
to discover after search,
to knock down,
to run over, to kill;
to run down e) to disparage,
to speak slightingly of, etc.

a) He *ran down* through the fields... — Viņš aizskrēja pāri laukiem... (J. Galsworthy, To Let, p. I, ch. III).

b) ...the «New Colliery Company had lately *run down*...» — ...jaunā Ogļraktuvju sabiedrība... bija pēdējā laikā nogājusi no grauda... (J. Galsworthy, In Chancery, p. III, ch. V).

b') ...you're *run down* from overwork... — ...jūs esat noguris no pārpūlēšanās... (S. Leacock, Humor as I See It).

c) We had the bell *run down* into the cellar... — Mēs likām ievilkt pagrabā zvanu... (J. Galsworthy, To Let, p. I, ch. IV).

d) ...he was nearly *run down* three times. — Viņu trīs reizes gandrīz sabrauca. (J. Galsworthy, In Chancery, p. III, ch. I).

e) Did anybody else overhear you *running* her *down*? — Vai vēl kāds noklausījās, kā jūs viņu nopulgojāt? (J. Galsworthy, The Silver Spoon, p. I, ch. XIII).

To run down nozīmes ir tik dažādas, ka rodas jautājums, vai še mēs sastopamies ar vienas kopas dažādām nozīmēm vai piecām vai vairākām neatkarīgām kopām.

Tā mēs nonākam pie jautājuma par postpozīta kopas homonīmiju un polisēmiju.

Šīs problēmas noskaidrošanai var būt ne vien teorētiska, bet arī praktiska nozīme, īpaši leksikogrāfijā.

Kas ir homonīms?

Angļu leksikogrāfiskajos izdevumos, starp citām, sastopamas sekojošas homonīma definīcijas:

a) Homonymous words ... are pronounced alike, but spelled differently ... having different or similar meanings.[2]

b) **homonym.** One of several words differing in origin and meaning, but sounded alike, ...[3]

c) **ho:monym,** *n.* Word of same form as another, but different sense ...[4]

Sniegtās definīcijas nevar mums noderēt sekojošu iemeslu dēļ:

B. S. Berets nesniedz homonīma definīciju, bet runā par dažādiem vārdiem ar līdzīgu izrunu;

H. Uailds runā tikai par homofoniem;

H. Faulers izslēdz homofonus no homonīmu definīcijas.

Līdzīgā kārtā mēs nevaram pieņemt homonīmu definīciju, kas piemērota valodām, kur rakstība atbilst izrunai. Šajās definīcijās parasti minēti tikai homofoni:

a) Омонимы ... слова, одинаково звучащие, но совершенно различные по значению[5].

b) Par homonīmiem sauc vārdus, kas vienādi skan, bet kam ir dažādas nozīmes un, bieži vien, arī dažādas izcelšanās.[6]

Precīzāka attieksmē pret angļu valodu ir Kūņina definīcija:

Homonyms ... are words different in meaning and either identical both in sound and spelling or identical only in spelling or sound.[7]

Tomēr arī šī definīcija nav pilnīga, jo tajā nav norādījumu par homonīmu izcelšanos un gramatiskajiem homonīmiem. Turklāt, ja par leksiskiem homonīmiem uzskata vienādi izrunājamus un rakstāmus vārdus, kuru nozīmes atšķiras, tad principā netiek izslēgta vārdu nozīmju sašķelšanās homonīmos.

Vārdu, kā arī vārdu ekvivalentu izcelšanās ir svarīga, jo dažādas cilmes vienādi izrunājami un rakstāmi vārdi un to ekvivalenti ir neapšaubāmi leksiski homonīmi, turpretī vienas cilmes vienādi izrunājami un rakstāmi vārdi un to ekvivalenti var būt vienīgi gramatiski homonīmi.

Atzīt, ka vārdu un vārdu ekvivalentu nozīmes var sašķelties homonīmos, nozīmē nojaukt robežu starp polisēmiju un ho-

---

[2] Book of Homonyms by B. S. Barrett, London.

[3] **H. Wyld.** The Universal Dictionary of the English Language, 1936.

[4] The Concise Oxford Dictionary of Current English. Adapted by H. W. Fowler ... Oxford. 1934.

[5] **Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский.** Современный русский язык. М., 1958, стр. 20.

[6] **J. Loja.** Valodniecības pamatjautājumi, Rīgā, 1958, 185. lpp.

[7] **A. Koonin.** English Lexicology, M. 1940.

monīmiju. Šāda tendence pēdējā laikā ieviešas leksikogrāfijā. Homonīmijas problēma tiek uzlūkota par vārdu un vārdu ekvivalentu semantiskās robežas problēmu.[8] Šā viedokļa aizstāvji izvirza tezi, ka vārdu semantiskā robeža pastāvīgi pārvietojas: vārdā izveidojas semantiski centri, kas laika gaitā kļūst patstāvīgi, un tā rodas homonīmi.

Mums jāpievienojas, ka vārdu un to ekvivalentu nozīmju diapazons pastāvīgi mainās un nozīmes var cita no citas attālināties, līdz tās kļūst pilnīgi atšķirīgas, dažkārt pat pretējas. Šā iemesla dēļ nevarētu iebilst pret postpozīta kopas sašķelšanos homonīmos, ja vien būtu iespējams rast kritēriju, kas dotu iespēju nospraust robežu starp polisēmiju un homonīmiju. Tomēr šāda kritērija nav, un ikviens sprauž šo robežu pēc sava prāta.

Lai novērstu postpozīta kopas polisēmijas un homonīmijas subjektīvu izpratni, homonīmu definīcijā jāietver kopu un to komponentu cilme, rakstība, fonētiskais ietērps un gramatiskās funkcijas.

Par homonīmām postpozīta kopām angļu valodā sauksim tādas kopas, kas vienādi izrunājamas un rakstāmas, un arī tādas, kas tikai vienādi rakstāmas vai tikai vienādi izrunājamas, un kas

a) **atšķiras ar cilmi un ir svešas nozīmes ziņā,**
b) **ir dažādu vārdu šķiru ekvivalenti,**
c) **ir vienas vārdu šķiras ekvivalentu gramatiskās formas ar dažādām gramatiskām nozīmēm.**

Pievērsīsimies postpozīta kopai — verba ekvivalentam. Kā jau esam secinājuši [9], verbam ekvivalentā kopa pieskaitāma frazeoloģijai un tai var būt brīva un saistīta nozīme.

Rodas jautājums, vai kopas brīvā un tēlainā nozīme ir homonīmi. Apskatot homonīmu izlietošanu stilistiskos nolūkos, profesors J. Galperins raksta:

«В следующем примере стилистический прием основан на взаимодействии фразеологического сочетания *to stand on* и его омонимичной формы свободного сочетания . . .

. . . and May's mother always *stood on* her gentility; and Dot's mother never *stood on* anything but her active little feet. (Ch. Dickens).»

---

[8] **Л. Л. Кутина.** Омонимы в толковых словарях русского языка. АН СССР. Институт языкознания. Лексикографический сборник, выпуск II. М. 1954.

[9] **A. Grīnblats.** Postpozīta kopa mūsdienu angļu valodā. LVU zinātniskie raksti, XXV sējums, 1959.

Un tālāk:

«Иногда в качестве зевгмы употребляются два значения слова или словосочетания ...

The heaviest rain, and snow, and hail, and sleet, could boast... They *«came down»* handsomely, and Scrooge never *did.* (Ch. Dickens).» [10]

Kā varam secināt no sniegtajiem piemēriem, še nav novilkta noteikta robeža starp frazeoloģismu homonīmiju un to polisēmiju. *To come down* brīvajā nozīmē — krist un *to come down* tēlainā nozīmē — atvērt maku (sinonīms *to unbutton one's purse*) tiek pareizi uzskatīti par vienas postpozīta kopas dažādām nozīmēm. Postpozīta kopai tuvā frazeoloģisma *to stand on something* tēlainā nozīme — balstīties uz kaut kā, paļauties uz kaut ko un *to stand on something* brīvā nozīme — stāvēt uz kaut kā ir apzīmēti par homonīmiem. Pēc mūsu pārliecības šie ir polisēmijas gadījumi. *To stand on* brīvā un tēlainā nozīmē nav homonīmi tāpat, kā ikviena vārda brīvā un pārnestā nozīmē nav homonīmi, bet ir viena vārda dažādas nozīmes.

Vēl skaidrāk redzama postpozīta kopas polisēmija (ne homonīmija) sekojošos piemēros:

a) ... those three were *coming in!* — ... tie trīs nāca iekšā. (J. Galsworthy, To Let, p. I, ch. I).

b) «Won't you *come in* and have some tea?» — «Vai Jūs neienāktu un neizdzertu tasi tējas?» (J. Galsworthy, Swan Song, p. III, ch. XV).

c) Parrots were *coming in* again. — Papagaiļi atkal nāca modē. (J. Galsworthy, The White Monkey, p. III, ch. XIII).

d) «And where does Soames *come in?»* young Jolyon thought. — «Un kāda daļa tur ir Soumsam (ka Irēne mīl Bosiniju?» domāja jaunais Džoljons. (J. Galsworthy, The Man of Property, p. III, ch. II).

e) Suppose those Labour fellows *come in,* ... — Un ja nu leiboristi nāktu pie varas... (J. Galsworthy, To Let, p. III, ch. V).

f) ... all that incomprehensible running in and out of shops that women *went in for.* — ... visa tā neaptveramā skraidīšana no veikala uz veikalu, ar kuru sievietes aizrāvās. (J. Galsworthy, To Let, p. I, ch. II).

g) «Whatever do you want those (eyelets) for? «Oh», replied Joliot, «you never know when they'll *come in* useful.» —

---

[10] **И. Гальперин.** Очерки по стилистике английского языка. М. 1958, стр. 156.

«Kādēļ jums vajadzīgas tās cilpiņas?» «Ak,» atbildēja Džolio, «grūti pateikt, kad tās noderēs.» (Daily Worker, Jan. 29th, 1959, p. 2).

h) He must have *come in* for about thirty thousand, ... — Viņam varētu būt ap trīsdesmit tūkstoši mārciņu. (J. Galsworthy, In Chancery).

i) I began to see exactly where professors ... *come in,* in the book trade. — Es sāku īsti saprast, kāda vieta ir profesoriem ... grāmatu tirdzniecībā. (S. Leacock, The Reading Public).

j) That's where the opportunity *comes in* to gather who he is. — Lūk, še rodas izdevība noskaidrot, kas viņš ir. (S. Leacock, My Unknown Friend).

k) ... Irene couldn't get a divorce, and you had to *come in.* — Irēne nevarēja šķirties no vīra, un jums bija jāiejaucas. (J. Galsworthy, To Let, p. II, ch. II).

Piemēros a) un b) *to come in* lietots brīvajās nozīmēs; starpība ir vienīgi aspektā: piemērā b) *come in* lietots perfektīvā aspektā; piemēros (c—k) *come in* ir lietots dažādās tēlainās, pārnestās nozīmēs. Visas postpozīta kopas *to come in* pārnestās nozīmes izriet no brīvās nozīmes ienākt, kas ir it kā visu pārējo nozīmju saistošais centrs. Tēlainās nozīmes nav homonīmi ne attieksmē pret brīvo nozīmi, ne arī savā starpā.

Tas pats attiecināms uz postpozīta kopu *to run down* (sk. 2. lapp.). Šai kopai izveidojušās vairākas nozīmju grupas, un katra nozīme ietelp savā sinonīmu rindā. Visas šīs kopas nozīmes attīstījušās, kombinējoties verba *to run* tiešajām un pārnestajām nozīmēm un postpozita *down* tiešajām un pārnestajām nozīmēm un iedarbojoties verba *to run* iekšējam aspektam; postpozīts *down* piešķir verbam perfektīvu aspektu. Tikai tā varējusi izveidoties vesela nozīmju sistēma ar vairākiem semantiskiem blīvējumiem, bet šie blīvējumi nav izveidojuši patstāvīgas semantiskas vienības, jo visas nozīmes orgāniski saistās ar jēdzieniem *skriet* un *lejā.* Pieņemt, ka dažas nozīmes būtu atšķēlušās un kļuvušas pilnīgi patstāvīgas nevar, jo nav tāda kritērija, ar kuru būtu iespējams parādīt, kur beidzas polisēmija un kur sākas homonīmija.

No sacītā secinām, ka verbālā postpozīta kopa — frazeoloģisks saaugums vai frazeoloģiska vienība un tā pati kopa brīvā nozīmē nav leksiski homonīmi, bet gan vienas kopas dažādas nozīmes: brīvā un pārnestā.

Iespējami sekojoši postpozīta kopu h o m o n ī m i:

I.

Leksiski homonīmas postpozīta kopas, kam raksturīgs idents fonētisks un grafisks aspekts, tā pati gramatiskā nozīme visās formās un atšķirīga etimoloģija. Šai grupai pieskaitāmas arī kopas, kuru etimoloģiskie sakari līdz šim vēl nav izdibināti.

Šīs kopas var būt

1) reizē homofoni un homografi:
   a) *Chop away* that factious pate of his. — Cērt nost viņa dumpīgo galvu (Shakespeare, Henry VI, V. I. 135).
   b) Here one *chops away* the Truth, for fear or ambition. — Še iztirgo Patiesību baiļu un godkārības dzīti. (NED, 1623).

Še homonīmi ir to *chop away* nozīmē nocirst (sinonīms *to cut off*) un *to chop away* nozīmē atdot par lētu naudu (sinonīmi *to barter away, to bargain away*), apmainīt. Šo kopu etimoloģija nav pilnīgi droši zināma, bet ir iemesls domāt, ka tām ir atšķirīga cilme. Fonētisku pārvērtību rezultātā to izruna ir kļuvusi identa.

Šīs homonīmās kopas ir saglabājušās arī mūsdienu angļu valodā. Pirmās kopas verbs *to chop* saistās ar virziena un vietas postpozītiem (*about, away* u. c.) gluži tāpat, kā verbs *to cut*. Otrā kopa tiek lietota tiešā un pārnestā nozīmē pārdot, iztirgot, apmainīt:

He *chopped away* three old hens for 2 young ones. — Viņš apmainīja trīs vecas vistas pret 2 jaunām. (NED).

Sastopamas arī vairākas homonīmas kopas, kuru nozīmes atšķiras un kuru etimoloģijas acīm redzami arī ir atšķirīgas:

a) *to tip off* nozīme izliet (sinonīms *to pour out*); *to tip* nozīmē noliekt, nostādīt slīpi (vidusangļu *tippen*, salīdz. zviedru *tippa*);
b) *to tip off* — brīdināt; *to tip* nozīmē sniegt informāciju;
c) *to tipp off* — nocirst (sinonīms *to cut off*); še *to tip* ir konvertēts *tip*, kas nozīmē *gals, virsotne* (sinonīms *top*) (senangļu *tip*, salīdz. ar vācu *Zipfel*).

2) Kopas var būt leksiski homofoni, kuru verbālie komponenti ir homofoni. Leksiskie homofoni ir radušies, mainoties fonētiskās sistēmas elementiem — laika gaitā dažādi vārdi ieguvuši vienādu izrunu:

a) *to ring up* — piezvanīt;
a') *to wring up* — izspiest (sinonīms *to squeeze out*);
b) *to ring out* — atzvanīt, izvadīt;

b') *to wring out* — izgriezt, izspiest (sinonīmi *to cut out, to squeeze out*).

a) Such a return *Wrings out* the tears from my old wither'd heart. — Tas... plosa manu nogurušo sirdi. (NED).

b) *Ring out* the old, *ring in* the new,... — Atzvani veco, iezvani jauno,... (A. Tennyson, Ring out, Wild Bells).

c) Sometimes the lode becomes *'wrung up'* or impoverished. — Dažkārt rūda atradnē izsīkst. (NED).

Šo kopu verbālajiem komponentiem ir dažāda cilme:
to ring cēlies no senangļu *hringan;*
to wring cēlies no senangļu *wringan.*

Senangļu *hringan* un *wringan* nebija homofoni, jo *h* un *w* pirms *r* tika izrunāti.

Leksisko homofonu galvenās formas parasti pilnīgi nesakrīt ne rakstībā, ne izrunā.

3) Kopas var būt leksiski homogrāfi, kuru verbālo komponentu atsevišķās gramatiskās formas ir homogrāfi:

a) *to sew up* [tə 'soʊ' ʌp] — uzšūt;

a') *to sew up* [tə 'sju: 'ʌp] — nosusināt;

b) pagātnes divdabji
sewed up ['soʊd 'ʌp] — nomocīts, piesūcies;

b') *sewed up* ['sju:d 'ʌp] — uzskrējis sēklī.

Piemēros a) un b) *to sew* cēlies no senangļu *siwian* (sal. ar latīņu *suere*); piemēros a') un b') *to sew* ir radniecīgs ar senfranču — *seuwiere* — slūžas.

Leksisko homogrāfu galvenās formas var rakstībā sakrist.

II.

Vai iespējams runāt par postpozīta kopām — gramatiskiem homonīmiem?

Šeit vispirms jārunā par homoformu, t. i., par vienas postpozīta kopas kopēju gramatisku formu vairākām gramatiskām nozīmēm. Homoformas nesniedzas pāri viena vārda, vienas vārdu šķiras robežām. Tā, *put up* var būt

a) infinitivs,
b) nenoteiktā tagadne (izņemot vienskaitļa trešo personu),
c) nenoteiktā pagātne,
d) pagātnes divdabis,
e) imperatīvs,
f) I konjunktīvs.

Homoformu raksturīgās pazīmes ir
a) kopēja leksiska nozīme,
b) idents fonētiskais un grafiskais aspekts,
c) dažādas gramatiskas nozīmes.

Ja dažādu postpozīta kopu identām formām ir dažādas gramatiskas nozīmes, tad jārunā par leksiski gramatiskiem homonīmiem.

III.

Leksiski-gramatiski homonīmi.

Šajā kategorijā ietelp:

1) verbs ar postpozītu un tas pats verbs ar homonīmu prepozīciju;
2) dažādas postpozīta kopas, kuru formas sakrīt.

Bez minētajām kategorijām vēl jānoskaidro, vai homonīmiem pieskaitāmas postpozīta kopas un to konvertētās formas, tāpat arī jānoskaidro postpozīta kopas attieksmes pret prefiksētu konvertētu formu.

Verbu ar postpozītu un to pašu verbu ar homonīmu prepozīciju raksta vienādi.

a) Soames had *'done 'for* him... — Soumss bija nogalinājis Bosiniju... (J. Galsworthy, The Man of Property, p. III, ch. IX).
b) Yes, he might *'do for* 'one. I must have three. — Jā, viņš varētu būt viena vietā. Man vajaga trīs (aizbildņus). (J. Galsworthy, To Let, p. II, ch. V).
b') *to 'do for* onéself — to do single-handed,
c) ... he went *to 'call on* some friends of his... — viņš aizgāja apciemot dažus no saviem draugiem... (S. Leacock, The Awful Fate of Melpomenus Jones).
d) He *'called* her *'on.* — Viņš pasauca viņu.
e) They knew they would *'stand by* each other in scrapes,... — Viņš zināja, ka viņi turēsies kopā grūtos brīžos. (J. Galsworthy, In Chancery, p. I, ch. VI).
f) This is Maidenhead; *'stand' by,* John! — Šī ir stacija: uzmanies, Džon! (J. Galsworthy, To Let, p. I, ch. XI).

Leksiski gramatiski homonīmu pāri še ir *do for, call on, stand by.* Vārds *for* piemērā (a), vārds *on* piemērā (d) un vārds *by* piemērā (f) ir postpozīti. Pārējos piemēros *for, on* un *by* ir prepozīcijas.

Minētiem postpozītiem un atbilstošām homonīmām prepozīcijām ir vienāda rakstība, to fonētiskie aspekti tomēr atšķiras: postpozīti uzsvērti un veido atsevišķu ritmisku grupu: *'done 'for, 'called 'on, 'stand 'by,* kamēr prepozīcijas nav uzsvērtas un ietelp vienā ritmiskā grupā ar papildinātāju.

Dažādas postpozīta kopas, kuru formas sakrīt ir, piem., nepārejošās kopas *to lie by* vienkāršajā pagātnē un pārejošās kopas to lay by infinitīvs. Otrās kopas verbālais komponents ir kauzatīvs verbs, kas ieguvis citu formu un leksisku nozīmi. Dažas liecības par kauzatīvām attieksmēm ir vēl saglabājušās homonīmās formās:

it lay by — tas stāvēja dīkā u. tml.,
to lay by — nolikt pie malas (sinonīms *to put away*);
she lay off — kuģis stāvēja krasta tuvumā,
to lay off — atlaist uz laiku;
he lay out — viņš gulēja ārpus mājām;
to lay out — izlikt, izstādīt, tērēties, nogāzt no kājām, slengā nogalināt u. tml.;
it lay over — tas bija atlikts līdz turpmākajam;
to lay over — izplatīties, apsegt, atlikt (sēdi) apstāties, pārtraukt ceļojumu, slengā pārspēt, gūt priekšrocības u. tml.;
he lay up — viņš gulēja mājās (nespēka dēļ); atradās dokā;
to lay up — atlikt, krāt, celt, uz laiku izvest no ierindas u. t. j.

Šie minēto kopu pāri ir leksiski gramatiski homonīmi.

Vai postpozīta kopa un tās konvertās formas var uzskatīt par homonīmiem?

Konversiju kā jaunu vārdu darināšanas līdzekli jau izlietoja senangļu valodā. Tomēr starp konversiju senangļu un mūsdienu angļu valodā ir starpība.

«Для древнеанглийской омонимии было характерно *отсутствие* омонимии, тогда как для конверсии в новоанглийском как раз типично *наличие омонимических форм,* принадлежащих разным словам с общей основой . . .» [11]

Konvertēti vārdi un vārdi, no kuriem tie cēlušies, ir leksiski gramatiski homogrāfi un bieži arī homofoni. Postpozīta kopu konversijai ir līdzība ar vārdu konversiju, bet tai piemīt arī īpatnības.

[11] **А. И. Смирницкий.** Древнеанглийский язык, М., 1955, § 145.

1) Konvertētās formas var veidoties no postpozīta kopas infinitīva. Šī veidošanās var progresēt: verba ekvivalents dod lietvārdu ekvivalentu, un no tiem savukārt izveidojas adjektīvu ekvivalents:

'stand 'by v >'stand-by n >'stand-by a;
'sit 'down v >'sit down n>'sit-down a:
... *sit-down* strikes, it's such a long time since I had *a sit down.* (Daily Worker, Jan. 29 th, 1959, p. 3).

2) Konvertēti var tikt arī divdabji, piem.,
I'm a bit *fed-up* with the attitude... — Man sāk apnikt šī ... nostāja. (J. Galsworthy, The White Monkey, p. III, ch. III).

3) Konvertētiem lietvārdu un adjektīvu ekvivalentiem nav stabīlas formu sistēmas. Tā, piem., konvertējumu daudzskaitli var veidot, pievienojot galotni

a) pirmajam komponentam:
He could see that Soames wouldn't stand very much of her *goings on.* — Viņš varēja saprast, ka Soumss vairs nepacietīs viņas gaitas. (J. Galsworthy, The Man of Property, p. II, ch. XIII).

b) otrajam komponentam:
I have attempted to give you a few *close-ups.* — Esmu mēģinājis sniegt jums dažas skices. (Prose at Present. Edited by R. W. Moore. London, 1938. Diplomats).
He ... ran down ... past the «*chuckers-out*» ... — Viņš skrēja lejup ... garām ārā metējiem ... (J. Galsworthy, p. I, ch. II).

4) Konvertētām postpozīta kopām ir dažādas leksiskas nozīmes, un formu sistēmas: adjektīvu ekvivalentam *stand-by* un verbālai postpozīta kopai *stand by* ir dažādas leksiskas nozīmes, turklāt *stand-by* netiek locīts, kamēr *to stand by* lokāms.

5) Postpozīta kopu sintaktiskajam aspektam ir plašāks saturs nekā vārdu sintaktiskajam aspektam. No vienas puses, verbālai postpozīta kopai un konvertējumam kā dažādām vārdu šķirām ir dažādas sintaktiskas funkcijas, no otrās puses, verbālās postpozīta kopas elementiem ir spēja nodibināt sintaktiskas attieksmes arī ar citiem teikuma locekļiem. Šādu spēju nav konvertējumiem. Verbālās postpozīta kopas elementi saglabā zināmu patstāvību attieksmē uz vietu teikumā, uzsvaru, intonāciju.

6) Konvertējumu leksiskās nozīmes pakāpeniski attālinās no verbālās postpozīta kopas nozīmēm. Konvertējumam parasti ir šaurāks, vairāk ierobežots nozīmju loks:

a) *to give away* nozīmē atdot, dāvāt, izprecināt, nodot, apsmiet, izdalīt u. t. j.;
a′) *a give-away* var nozīmēt tikai nodevību u. tml.;
b) *to stand by* nozīmē stāvēt klāt, būt modram, būt liecinieka u. tml.;
b′) *a stand-by* var nozīmēt balstu;
b″) adjektīva ekvivalents *stand-by* parasti nozīmē rezerves-. Kad konvertējums uzsāk patstāvīgu eksistenci, tas tikai pa daļai saglabā verbālās postpozīta kopas formu un saturu. Tā, *a make-up* ir zināmā mērā attālinājies no postpozīta kopas, tajā izveidojušies jauni semantiski blīvējumi, tā polisēmija iet savus ceļus. *A make-up* nozīmē grims, smiņķis, raksturs, daba, izdomājums, sastāvs u. tml.

7) Konvertējuma un verbālās postpozīta kopas grafiskais un fonētiskais aspekts arī atšķiras: tie nav homogrāfi vārda īstā nozīmē: lietvārda ekvivalentus raksta ar savienojuma zīmi starp komponentiem, kas norāda, ka konvertējums izrunājams ar lejup slīdošu intonāciju. Verbālām postpozīta kopām šādu savienojuma zīmju nav.

8) Konvertējums un postpozīta kopa nav arī homofoni šī vārda precīzā nozīmē.

Galvenā starpība meklējama komponentu uzsvarā, intonācijā un ritmikā.

Par uzsvara pavājināšanos konvertējumos liecina sekojošie piemēri:

a) *to take in* [tə ˈteɪk ˈɪn] un *a take-in* [ə ˈteɪk‿ˈɪn];
b) *to give away* [tə ˈgɪv‿əˈweɪ] un *a give-away* [əˈgɪv‿əˌweɪ];
c) *to make up* [tə ˈmeɪkˈʌp] un *a make-up* [ə ˈmeɪkˌʌp].

Varam secināt, ka angļu valodā ir tendence uzsvērt abus verbālās postpozīta kopas komponentus, bet lietvārda ekvivalentā — pārvietot galveno uzsvaru uz pirmo zilbi, pie kam postpozīts var arī pavisam zaudēt uzsvaru.

Izolētā stāvoklī postpozīta kopas verbālo komponentu izrunā ar kāpjošu intonāciju, kam seko intonatīvs kāpiens uz postpozīta [tə ˈteɪk ˈɪn]. Ar konversiju dabūtā lietvārda ekvivalenta intonatīvs kāpiens skar verbālo komponentu, un visu kopu izrunā ar krītošo intonāciju [ə ˈteɪkˌˈɪn] Kad postpozīts ir divzilbīgs, verbāla postpozīta kopa izveido divas ritmiskas grupas [tə ˈgɪvˌəˈweɪ], turpretī lietvārda ekvivalenta otrais komponents saglabā pusuzsvaru, un abi komponenti veido tikai vienu ritmisku grupu [ə ˈgɪv‿əˌweɪ].

No sacītā izriet, ka dinamiskais un tonālais uzsvars verbālā

postpozīta kopā un konvertējumos ir *fonoloģizēti,* t. i., tie norāda uz piederību noteiktai vārdu šķirai. Ātrā runā pamatā ņem verbālās postpozīta kopas dinamisko un tonālo uzsvaru, bet atkarā no fonētiskās vides un konteksta, komponenti var saglabāt uzsvaru, zaudēt to vai iegūt papilduzsvaru. Otrais komponents parasti ir uzsvērts vai arī neuzsvērts, pie kam pēdējā gadījumā tas nav pakļauts redukcijai.

Postpozītam var būt arī homonīms prefikss postpozīta kopai atbilstošā prefiksētā verbā vai lietvārdā.

a) ... Gradsman was getting very old; he must *look out* for somebody who could take his place. — Gredsmens kļuva vecs; viņam bija jāaplūkojas pēc kāda, kas varētu stāties viņa vietā. (J. Galsworthy, Swan Song, p. II ch. XIII).

b) ... it seemed to his father a bad *lookout.* — Džoļjonam tās šķita esam sliktas izredzes. (J. Galsworthy, To Let, p. I, ch. III).

c) *Outlook* means *to look out.* — Izredzes nozīmē būt vērīgam. (S. Leacock, Alfred of the Advertisements).

Postpozīta kopa *to look out* un lietvārds *outlook* nav uzskatāmi par homonīmiem — ja vien mēs nepaplašinām homonīmu definīciju — jo to komponentu kārtība, fonētiskie un grafiskie aspekti atšķiras. Tas pats sakāms par postpozīta kopu un atbilstošo prefiksēto verbu, piem.,

to turn up un *to upturn,*
to set up un *to upset,*
to cry out un *to outcry.*

SECINĀJUMI

1. Verbālās postpozīta kopas polisēmiju un homonīmiju bieži interpretē subjektīvi.

2. Robežas nojaukšana starp postpozīta kopas polisēmiju un homonīmiju nav attaisnojama un rada jucekli.

3. Lai atšķirtu postpozīta kopas polisēmiju no homonīmijas, jāapsver kopu un to komponentu cilme, to grafiskie un fonētiskie aspekti un gramatiskās funkcijas.

4. Postpozīta kopas tēlainās nozīmes attieksmē pret brīvo, kā arī tēlainās nozīmes savā starpā nav homonīmi, jo kopas brīvā nozīme ir pārnesto nozīmju saistošais centrs.

5. Semantiskie blīvējumi postpozīta kopā savā starpā etimoloģiski un semantiski saistīti un nekļūst par homonīmiem.

6. Mūsdienu angļu valodā sastopami sekojoši postpozīta kopu homonīmi:

a) leksiski homonīmas postpozīta kopas:
   1) homofoni un homogrāfi,
   2) homofoni,
   3) homogrāfi;
b) homoformas postpozīta kopas,
c) leksiski gramatiski homonīmi:
   1) verbs ar postpozītu un tas kats verbs ar homonīmu prepozīciju,
   2) dažādas postpozīta kopas, kuru formas sakrīt.

7. Verbālā postpozīta kopa un tās konvertējums nav pilnīgi leksiski un morfoloģiski sintaktiski homonīmi. Konvertējums ne vien iegūst jaunu leksisku, morfoloģisku un sintaktisku raksturojumu, bet arī īpatnēju rakstību un izrunu, turklāt otrais komponents nostājas fiksētā postpozicionālā stāvoklī vai kļūst par prefiksu. Sakarā ar to verbālās postpozīta kopas un konvertējuma fonētiskais un grafiskais aspekts nesakrīt, un konvertējumam ir tendence izveidoties par atšķirīgu vārda ekvivalentu.

А. Ф. ГРИНБЛАТ

ОМОНИМИЯ ПОСТПОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Полисемия и омонимия постпозитивных сочетаний часто толкуется субъективно. Стирание границ между полисемией и омонимией постпозитивных сочетаний не может быть оправдано, т. к. порождает путаницу.

В целях различения омонимии и полисемии постпозитивных сочетаний следует рассмотреть этимологию этих сочетаний и их компонентов, их графический и фонетический аспекты и грамматические функции.

Образные значения постпозитивного сочетания не являются омонимами в отношении к их свободному значению: различные образные значения одного сочетания не могут рассматриваться как омонимы, т. к. свободное значение является связующим звеном всех переносных значений.

Семантические уплотнения одного постпозитивного сочетания являются результатом развития многозначности сочетания. Будучи этимологически и семантически связаны между собой, эти уплотнения не являются омонимами.

В современном английском языке встречаются следующие группы омонимов постпозитивных сочетаний:

1. Лексические омонимы:

а) омофоны и омографы,
б) омофоны,
в) омографы.

2. Омоформы.

3. Лексико-грамматические омонимы:

а) глагол с постпозитом и тот же глагол с омонимичным предлогом,

б) неродственные постпозитивные сочетания, совпадающие по форме.

Постпозитивное сочетание и его конвертированное образование не являются подлинными лексико-морфологическими и синтаксическими омонимами.

Полученное в результате конверсии образование приобретает новые лексические, морфологические и синтаксические характеристики, особенности написания и произношения. Второй компонент занимает фиксированное постпозитивное положение или становится префиксом.

Ввиду этого фонетический и графический аспекты постпозитивного сочетания и его конвертированной формы не совпадают, и образование, полученное в результате конверсии, имеет тенденцию развиваться в новый эквивалент слова.

PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

З. А. ТОЛМАЧЕВА

ОБ ОБРАЗОВАНИИ И РАСПАДЕ ГРУПП СЛОВ СО СВЯЗАННЫМИ ОСНОВАМИ

(на материале префиксальных глагольных основ).

Исследованию вопросов словообразования уделяется большое внимание в настоящее время, так как в законах словообразования проявляются характерные черты структуры определенного языка. Изучение законов, способов и средств словообразования, описание различных типов производящих основ, фактов перехода производных основ в непроизводные имеет большое значение для «всестороннего и глубокого понимания структурных различий между частями речи».[1]

Одним из интересных и важных, но мало изученных вопросов словообразования является вопрос о так называемых связанных основах.

Понятие связанной основы было сформулировано проф. Г. О. Винокуром: «Основы, которые всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы назвать основами связанными (разрядка Г.О.В.). Ср. напр., отношение слов **привыкнуть и отвыкнуть,** где выделяется первичная основа **-вык-**, неизвестная в свободном от аффиксов виде».[2]

Со времени опубликования работы Г. О. Винокура прошло тринадцать лет, и понятие связанной основы прочно укрепилось в советской лингвистике. Интерес к вопросу о связанной основе отмечается в работах по словообразованию и как к

[1] **В. В. Виноградов.** Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. Рус. яз. в шк., 1951, № 2, стр. 5.

[2] **Г. О. Винокур.** Заметки по русскому словообразованию. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., вып. 4, 1946, стр. 327.

частной проблеме общих вопросов словообразования[3], и как к специальному предмету наблюдения.[4]

В предлагаемой статье публикуются наблюдения над образованием некоторых связанных глагольных основ и над разрушением семантического и морфологического единства в группах слов с общей связанной основой как в самих глаголах, так и в производных от них именах действия.

*

Связанные основы — продукт исторического развития языка, результат непрерывных сдвигов в словарном составе, в сфере значений слов, сдвигов, приводящих в итоге к существенным изменениям морфологического состава замкнутой группы слов.

Характерной особенностью слов со связанными основами является не только их производный характер при «мертвом» корне, но и то, что каждое из таких слов не может быть расчленено на отдельные морфемы вне сопоставления со словами, в которых однозначный корень встречается также в соединении с приставками или суффиксами. Если в обычных производных словах отдельные морфемы выделяются прежде всего по соотношению с носителем основного значения слова — производящим корневым словом, то производный характер слов со связанными основами преимущественно зависит, как справедливо отмечает Е. А. Земская, от того, насколько «является значимой в составе слова словообразовательная морфема (в приставочных глаголах — приставка)».[5]

Количество слов со связанными основами среди префиксальных глаголов довольно значительно. Кроме отмеченных уже в литературе **привыкнуть, отвыкнуть; ввергнуть, свергнуть, отвергнуть, извергнуть; отнять, снять, разнять, поднять, обнять; обуть, разуть; одеть, раздеть; убавить, прибавить, отбавить, добавить, подбавить** и некоторых других мы могли бы указать еще ряд случаев образования связанных основ.

---

[3] **Н. М. Шанский.** Основы словообразовательного анализа. Учпедгиз, 1953, стр. 20.

[4] **Е. А. Земская.** О глаголах со связанной основой. Рус. яз. в шк. 1953, № 1.

[5] **Е. А. Земская.** Указ. ст., стр. 12.

Типичным путем образования связанных основ является полная утрата или архаизация производящей основы. В этом случае выпадение из употребления первичного (производящего) глагола является объективным доказательством создания связанной основы, стержня группы родственных слов. Так образовался не только ряд названных выше глаголов, но и группа производных от мертвого в настоящее время глагола **торгать-** «дергать, рвать» (Сл. 1867, 4—605) [6]: **расторгнуть, отторгнуть, исторгнуть** (соответственно — **отторжение, расторжение**), в которых на основе семантической общности всех этих слов и ясно выраженного значения приставок (**рас-** «движение в разных направлениях», **от-** «удаление», **из-** «движение изнутри наружу») выделяется однозначная непроизводная основа **-торг-**.

Архаизация глагола **нудить-** «неволить, принуждать» [7] превращает производные **принудить и вынудить** (как, в свою очередь, и **принуждение**) в слова с общей связанной основой **-нуд-** (вариант **-нужд-**). Приставки сопоставимы: **вы-** имеет значение «достижение цели действия» (сравн. **вымолить, выпросить**) и **при-** — «исчерпанность действия» (сравн. **приневолить**).

Утрата языком глагола **стигнуть** (Сл. Д., 4—523) [8] привела к тому, что слова **достигнуть** и **достижение, застигнуть, постигнуть, настигнуть** стали словами со связанными основами. Непроизводная основа, сейчас не встречающаяся в свободном виде (сравн. отмеченное В. И. Далем областное имя существительное **стижь** — «постижение, погоня», Сл. Д., 4—523), выделяется путем сопоставления родственных слов, различие в семантике которых обеспечивается различиями в словообразующих морфемах: приставки расчленяются на основе их лексического значения (**до-** — «достижение пространственного предела», **за-** результативное значение, **на-** «направление на предмет и сближение с ним», сравн. **наплыть, наскочить**; **по-** результативное значение, сравн. **построить**).

От старого глагола **претить-** «возбранять, воспрещать» (Сл.

---

[6] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный 2-м отделением императорской Академии наук. т. 1—4 Изд. 2, СПб. 1867—68 г. Принято сокращение: Сл. 1867.

[7] В Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. 1—4 М. 1935 г. (принято сокращение: Сл. Уш.) глагол **нудить** помещен с отм. «устар.» (Сл. Уш., 2—602).

[8] **В. И. Даль**, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, изд. 3, СПб. 1903—04. Принято сокращение: Сл. Д.

1867, 3—955) возникли **запретить-** «не позволить» и **воспретить** с тем же значением. Оба эти глагола дали производные имена **запрещение и воспрещение.** Глаголы в силу их синонимичности сопоставимы, что допускает выделение в них непроизводной основы **-прет- (-прещ-)** и приставок, которые различаются лишь стилистически.

К числу образующихся связанных основ следует отнести и такие, которые зафиксированы в словах, созданных от производящей основы, существующей в настоящее время в литературном языке или просторечии, но в измененном, переосмысленном значении. В отдельных случаях образование связанных основ при живом корневом глаголе обеспечивается не изменением значения корневого глагола, а семантическими сдвигами в некоторых его производных. Особенностью таких групп является то, что в них исследуемый процесс наблюдается чаще всего в незавершенном виде, так как производящий глагол в отдельных переносных или специальных значениях обнаруживает связи с изолирующейся группой.

Примером может служить группа производных от глагола **будить** — «заставлять проснуться», от которого были образованы не только **разбудить** — «заставить проснуться» и **побудить** — «пытаться разбудить, разбудить всех, многих», но и **побудить** — «вызвать желание сделать что-нибудь» и **возбудить** — «вызвать, породить в ком-нибудь определенное состояние; привести в состояние нервного подъема; предложить для решения» (Сл. Преобр., 1—21) [9]. Изменение значения глаголов **возбудить** и **побудить** привело к обособлению их от других родственных слов при сохранении в то же время смысловых связей между названными глаголами. Связь с **будить** обнаруживается только в переносном значении корневого глагола (сравн. **будить** ненависть). В прошлом связи с корневым глаголом были более отчетливыми, сравн. старое значение глагола **возбудить** — «пробудить ото сна»: Лазарь другъ нашь успе нъ иду и **возбужду** и. Остром. еванг. (Цит. по Срезн., 1—338)[10]. **Возбудить** и **побудить** (соответствующим образом

---

[9] **Н. Г. Преображенский.** Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14 (тт. 1—2). М. 1910—14 г. Принято сокращение: Сл. Преобр.

[10] **И. И. Срезневский,** Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3 СПб. 1893. Принято сокращение: Срезн.

По сравнению с текстом источников приняты некоторые упрощения орфографии: устранены надстрочные знаки; буквы «юс большой», «юс ма-лый», «ять» заменены через У, Я, Е; сохранены лишь Ь и Ъ в конце слова.

производные от них **возбуждение** и **побуждение**) можно рассматривать как слова с формирующейся новой связанной основой, тогда как все другие — **разбудить, перебудить** и омоним **побудить** — «пытаться разбудить» — обычные производные слова от глагола **будить** — «заставлять проснуться».

В современном языке употребителен глагол **точить** в основных значениях: а) заострять, б) выделывать из дерева или металла, придавая нужную форму, вытачивать, в) просверливать, проедать, прогрызать (Сл. Уш., 4—760). Этот глагол в прошлом имел значение «течь, струиться, источать»:

> Чудотворные мощи (Петра митрополита) и до ныне в Москве целы лежатъ точащи исцеления... Полн. собр. рус. лет. 2—349 (Сл. 1867, 4—610).

От глагола **точить** — «течь, струиться» были созданы префиксальные **расточить, расточать** — «разгонять по разным местам, рассеивать»:

> Мышцею силы твоея **расточилъ** еси враги твоя. Псалт. XXXVII, 1 (Сл. 1867, 4—113) и

заточить, заточать — «носить по волнам»:

> Се и корабли велицы суще и от жестокихъ ветровъ **заточаеши.** Иак. 3—4 (Сл. 1867, 2—136).

Переосмысление глагола **точить** и семантические сдвиги в производных (**заточить** — соврем. «подвергать заточению», откуда **заточение** — действие по глаголу **заточить** и место, куда заточают, **расточить** — «безрассудно истратить, проявить излишнюю щедрость в чем-нибудь») привели к тому, что глаголы **заточить** и **расточить** воспринимаются как слова с общей связанной основой (сравн. омоним **заточить** — «сделать острым», производный от **точить** — «заострять»). Их сопоставимость обеспечивается известной смысловой общностью, заключающейся в сохранении основного содержания корня — понятия движения. Семантика приставок: **за-** — «движение за пределы чего-либо» (сравн. **заслать**), **раз-** — «движение в разных направлениях».

От старого глагола **вершить** — «кончать, заканчивать» (в частности — заканчивать дом, делать кровлю. Сл. Д.,) были образованы **завершить, совершить, довершить, повершить, перевершить** (Сл. Д.). В настоящее время употребительны лишь **завершить** — «окончить большое дело», **совершить** (и **свершить**) — «сделать, осуществить», **довершить** — «довести до конца» и глагол **вершить** — «распоряжаться, управлять». В связи с переосмыслением корневого глагола производные от него должны рассматриваться как слова со связанными

основами. Так в действительности обстоит дело со словами **завершить, довершить** и **совершить**, объединенными близким значением «окончание действия». Приставки сопоставимы: **до** — «доведение действия до определенного предела или результата» (сравн. **досмотреть, дочитать**), **за** — «исчерпанность действия» (сравн. **зарубить**). Сравн. также старое значение **завершить** — «делать обвершку, ставить крышу» (Сл. 1867, 1—237). Аналогично сопоставляются производные имена действия **завершение, довершение.**

В глаголе **совершить** прежнее значение приставки несколько затемнено; раньше она должна была быть видовой (грамматической) или иметь лексическое значение «соединение, соближение», сравн., **свершить** — «свести верх, заключить вершину кровли, крыши, свода» (Сл. Д., 4—59); **совершить, совершать** — а) «приводить к концу, оканчивать»:

Начный дело благо в васъ **совершитъ** е. Фил. 1—6,

б) «приходить в совершенство»:

Той да **совершитъ** вы. Петр. V—10,

в) «поставлять в какую-нибудь степень иерархии»:

И **совершилъ** есмь (архиепископ) его (Василия) в попы. Акты юр. 404. (Цит. по Сл. 1867, 4—354).

В то же время все глаголы — **завершить, довершить, совершить** — и производные имена **завершение, довершение, свершение** связаны общим значением и противопоставлены глаголу **вершить** — «распоряжаться». В пределах отмеченной группы образовалась новая связанная основа — **верш.**

Таким образом, связанные основы образуются не только при устрате из языка каких-либо слов, но и при смысловых сдвигах в производящем слове или в группе производных от него.

*

В силу их специфичности (отсутствия в языке соответствующей первичной непроизводной основы в свободном виде) группы слов со связанными основами более чем другие подвержены разрушению, распаду: с течением времени в одном (или нескольких) производных словах значение словообразующих морфем под влиянием изменений в общем значении слова стирается, слова расходятся настолько, что рассматривать их как родственные уже не представляется возможным. Непременным условием членимости слова со связанной основой

является наличие хотя бы одного еще слова с той же связанной основой, а последнее возможно при смысловых связях, обеспечивающих взаимную мотивировку называния. Разрушение связей приводит к тому, что в отколовшихся глаголах (а вслед за ними — в производных суффиксальных именах) осуществляется опрощение глагольной основы.

Распад групп слов со связанными основами можно наблюдать, прежде всего, в тех группах с общей связанной основой, которые образовались в результате выпадения из языка производящего первичного глагола.

От глагола **хитить — хытить — гареге — «хватать»** (Сл. Вост., 2—274) [11], **хитить** (сов. **ухитить**) — «ограждать, защищать, укрывать» (Сл. 1867, 4—841) был создан ряд производных, из которых в современном языке сохранились **восхитить, похитить, хищение, хищный, хищник.** Старое значение глагола **восхитить** указывает на прямую связь с глаголом **хитить: восхитить** — церк. «похищать, уносить»:

> Отверзоша на мя уста свои яко левъ **восхищаяй.** Псалт. XXI, 14.

Семантике префиксального глагола соответствовало значение производного имени существительного **восхищение** — «действие восхищающего, т. е. похищающего»:

> Аще начальникъ подъ своимъ началомъ о людяхъ божиихъ нерадети начнетъ, любо презрениемъ или имению **восхищения** ... и о томъ отъ насъ ко архимандритомъ или ко игуменомъ слогу быть. Акты ист., IV, 174 (Сл. 1867, 4—841).

Сравн. у Лескова: Я хотел бы сказать, что он (Павлин) был **восхищен** [12] из самого себя и поставлен на какую-то особую степень созерцания, открывающего ему взгляд во что-то сокровенное («Павлин»).

Современное значение **восхитить** — «привести в восхищение» появилось как переносное старого основного «похищать, уносить» (с отметкой «перен.» приведено в Сл. 1867 г.). Утверждение нового значения глагола **восхитить** привело к тому, что слова со связанными основами **восхитить, восхищение,** с одной стороны, и **похитить** — «тайно унести, украсть» и **хищение** — «воровство», с другой, утратили общность и стали изолированными друг от друга. Значение приставки в

---

[11] **А. Х. Востоков.** Словарь церковнославянского языка. СПб. 1857—61 г. Принято сокращение: Сл. Вост.

[12] Возможно ударение ВОСХИЩЕН.

слове **восхитить** (в прошлом — «движение вверх») погашено, приставка не выделяется. Как следствие — опрощение между приставкой и корнем в **восхищение, восхитительный.** Что касается другого глагола, то по соотношению с **хищение** он может быть расчленен.

Путь от обычных производных основ к связанным и к непроизводным прошли слова **потребить** и **истребить.** Глаголы **потребить** — «использовать, израсходовать; съесть» и **истребить** — «совершенно уничтожить, погубить» образованы от неупотребительного в настоящее время корневого глагола **требити-** — «расчищать, очищать»; истреблять, уничтожать, терзать» (Срезн., 3-1020). В старом глаголе **потребить** приставка вносила добавочное значение действия, распространяющегося на многие предметы, доведенного до конца (сравн. **поломать** все игрушки, **побить** посуду); **потребить — потреблять** — «церк. — истреблять, губить»:

> Тщатся всегда до конца **потребити** святую церковь божию нечестивии и злии арапляне (Сл. 1867, 3—855).

В соответствии с префиксальным глаголом основа имени существительного **потребление** имела ту же семантику:

> Христова ради исповедания и идолского **потребления** (истребления) от иудей и эллин побиена быста. Прол. Окт., 31 (Сл. 1867, 3—855).

С выходом из употребления глагола **требити** приставочные **потребить** и **истребить** должны были рассматриваться как глаголы со связанными основами (при старом значении глагола потребить). В настоящее время благодаря погашению значения приставки **по-** слова **потребить** и **истребить** нельзя считать связанными. В глаголе **потребить** опрощение произошло вследствие поглощения значения приставки общим значением основы, в глаголе **истребить** образование новой непроизводной основы **истреб-** (сравн. **истребление, истребительный, истребитель**) осуществилось потому, что отпал сопоставимый глагол **потребить,** образовавший новую непроизводную основу **потреб- — потребл-** (сравн. **потребление, потребитель, потребительский**).

От глагола **лучить** — «улучать, снискивать, приобретать»: А сподобльшася векъ он **лучити.** Ник. лет., XI, 185 (Сл. 1867, 2—562) были образованы **получить** — «взять, приобрести», **улучить** — «найти подходящее для чего-нибудь время», **залу-**

чить (разг.) — «заманить»[13]. С утратой глагола **лучить** производные от него слова должны были восприниматься до известного времени как слова со связанными основами, тем более, что основное значение, заложенное в корне — «находить, отыскивать, брать» — в той или иной мере отразилось во всех словах. Снижение продуктивности некоторых слов, ограничение их употребления определенными стилями (**залучить** — разг. Сл. Уш., 1—973) или употребление только в составе некоторых фразеологических единиц (улучить время, улучить минутку) являются причиной того, что широко употребляется в современном языке лишь глагол **получить** — «взять». Значение приставки определить нельзя, она погашена, как и в глаголе **улучить.** Выделение приставки **за-** в основе **залуч-ить** также представляет известную трудность: в связи с погашением приставок в **получить** и **улучить** утрачивается возможность сопоставления основ **залуч-, получ-** и **улуч-.** Таким образом, приставка **за-** тоже становится непроизводительным, мертвым элементом, несмотря на то, что в общем значении основы ее смысловая нагрузка в некоторой степени отразилась (сравн. например, **залучить** и **заманить**). Правда, сравнительно с такой, например, группой, как **восхитить** и **похитить,** в словах **залучить, получить, улучить** процесс распада группы нельзя считать полностью завершенным, так как отдаленные смысловые связи между элементами последней группы еще сохранились.

Группа слов в прошлом со связанными основами **изнурить** — «довести до крайнего утомления» и **понурить** — «наклонить» в современном языке уже распалась. Оба слова произведены от **нурить** (Сл. Преобр., 1—618) — «опускать, наклонять» (Сл. Д., 2—1454)[14]. Соотношение глаголов **изнурить** и **понурить** в прошлом должно было быть таким, как, например, отношение современных глаголов **избить** и **побить,** т. е. чрезмерного, доведенного до предела действия и действия результативного. В настоящее время глаголы **изнурить** и **пону-**

---

[13] Глагол **излучить** — **излучать** — «испускать лучи» в старых словарях (напр., у Срезневского) не отмечен. Видимо, это сравнительно позднее образование от **луч.** Сравн. старое значение **излучать** — «улучать, подстерегать, ловить»: Излучиша себе время окаянии и прободоша блаженнаго страстотерпца Христова мечемъ. Новг., 3 л., 6523 г. (Срезн., 1—1062). К основе **луч,** по-видимому, восходит и устар. **отлучить** — отделить, отвлечь.

[14] **А. Х. Востоков** приводит еще один сходный корневой глагол **ноурети** — «открываться» (у Востокова значение под вопросом): Слова дѣлма ноуреетъ сердце наше (Сл. Вост., 1—253).

рить изолированы. Если говорить о производных суффиксальных словах, то они закрепляют опрощение, сложившееся в основах глаголов: **изнурение, изнуренный** семантически и словообразовательно связаны с **изнурить** и ничего общего не имеют с **понурить.**

Точно так же распалась группа слов с производными в прошлом основами, восходящими к **здати, зижду** — «церк. — сооружать, строить»: Начаша **здати** домъ . . . 1 Эздр. V, 2 (Сл. 1867, 2—166)[15]. Это слова **создать, созидать** — «сделать существующим; устроить, подготовить» (производные: **создание, созидание, создатель** и др.) и **назидание** — «наставление, поучение» (производные — **назидательный, назидательность**). В прошлом эти слова были тесно связаны между собой, имели соотносительные приставки: **с-** — результативное (или грамматическое) значение, **на-** — значение полноты, достаточности действия: **создать — созидать** — а) строить:

> **Созидаяй** домъ свой имениемъ чуждымъ, якоже собираяй камение на гроб себе. Сир. XI. 9,

б) творить, доделывать:

> Сердце чисто **созижди** во мне. Псалт. 12 (Цит. по сл. 1867, 4—371).

Назидание < **назидать** — «строить, сооружать»:

> Кийждо да блюдетъ, како **назидаетъ.** 1. Кор. 3—10 (Сл. 1867, 2—773).

Обособлены друг от друга в современном языке глаголы, имеющие генетическое родство и восходящие к глаголу **зрети** — «видеть, смотреть», **прѐзирать** — «пренебрегать как недостойным» и **подозревать** — «предполагать виновность» (от древнерус. **подозреть** — «примечать, подглядеть, стараться увидеть тайком». Сл. 1867, 3—563). Вслед за глаголами изолируются производные имена: **презрение, презренный,** с одной стороны, и **подозрение, подозрительный,** с другой.

Распадение групп слов со связанными основами, изоляция отдельных основ и последующее их опрощение возможны в пределах таких связанных основ, которые образовались не вследствие утраты корневого глагола, а в результате изменения его значения.

В группе слов **раздеть, надеть, одеть** первичные основы — связанные, хотя глагол **девать — деть** разг. — «поместить, положить» в современном языке еще употребляется (Сл. Уш.,

---

[15] Сравн. соврем. **зодчий,** старослав. **здачий.**

1—700). Сравн. древнерус. **деть** — «делать» (Срезн., 1—794). Обособлены в настоящее время от названной группы этимологически родственные[16] **задевать** простореч. — «деть», **задевать, задеть** — «коснуться», **вздевать — вздеть** простореч. — «просунуть внутрь» и **продевать — продеть** — «пропустить сквозь узкое отверстие, продернуть». Подвергся опрощению изолированный глагол **задевать — задеть** — «коснуться», так как все другие либо сопоставляются между собой (как **одеть, раздеть, надеть** или **вздеть, продеть**), либо с корневым глаголом в современном его значении (**задевать** — девать неизвестно куда, сравн. **деть**). Имеющиеся производные слова **одевание, раздевание, одетый, раздетый, надетый** повторяют отношения морфем в глагольных основах.

Итак, группы слов со связанными основами, образующиеся как результат снижения продуктивности и выпадения из языка производящего глагола или его переосмысления, а также как результат семантических сдвигов в самих производных словах, подвержены процессу распада, процессу образования в них новых непроизводных основ, т. е. опрощению.

Е. А. Земская видит основную причину опрощения в отдельных компонентах групп слов с общей связанной основой в развитии отвлеченных значений: «В словах отвлеченного значения со связанными основами значение основы о б ы ч н о (разрядка наша — З. Т.) неясно, и морфологическая делимость слова выступает нечетко или совсем утрачивается... Глаголы отвлеченного значения о б ы ч н о (разрядка наша — З. Т.) подвергаются процессу опрощения и становятся непроизводными»[17].

Перестройка, модификация групп, их разрушение начинается с того, что одно или несколько слов меняют свое значение. В основе же изменения значений лежит способность слов к наименованию не только одного явления, но и другого, имеющего некий общий признак с первым или определенную, например, причинно-следственную связь. Эти общие признаки, связи могут быть обнаружены как между явлениями конкретного содержания (у нас — глаголы конкретного физического действия), так и между явлениями конкретного и отвлеченного характера. Отсюда одинаково вероятно расщепление значений как в области конкретных, так и в области абстрактных слов. Поэтому установить определенную зависимость процесса опро-

---

[16] См. Сл. Преобр., 1—209.

[17] **Е. А. Земская.** Указ. ст., стр. 12 и 15.

щения в отдельных компонентах групп слов со связанными основами от развития только абстрактных значений в словах, по нашему мнению, невозможно. Анализируемый материал свидетельствует, что опрощение может осуществляться как в словах конкретного физического действия (в наших примерах это **похитить, потребить, истребить, получить, понурить, задеть, создать**), так и в глаголах с отвлеченным значением, например, в **восхитить**. В свою очередь остаются словами со связанными, следовательно, производными основами как слова конкретного содержания (**извергнуть, отвергнуть, ввергнуть; обуть, разуть; одеть, раздеть**), так и отвлеченного, абстрактного (**возбудить, побудить; принудить, вынудить** и др.).

*

Особо следует остановиться на некоторых типах имен существительных, произведенных от глаголов со связанными основами. Так как «глагол по объему лексических форм более емок, чем имя существительное» [18], то следует ожидать, что имена существительные, производные от глаголов со связанными основами, будут отражать лишь некоторые стороны семантического объема производящих глаголов, в связи с чем в них могут возникнуть отклонения от сложившихся в глаголах отношений морфем.

При анализе глаголов со связанной основой уже упоминался ряд производных имен существительных с суффиксом **-ни*j*(е)**, таких, как **отторжение, расторжение; принуждение; воспрещение, запрещение; заточение; возбуждение** и **побуждение** и т. д. Эти имена существительные, являющиеся именами действия, как правило, полностью отражают состояние производящей глагольной основы, осложняя ее лишь суффиксом действия. Как мы видели, при соотносительном глаголе со связанной, т. е. членимой, основой имя существительное на **-ние** имеет отделяемую приставку. Если глагол подвергается опрощению и приставка в нем перестает выделяться, в имени существительном наблюдается то же самое. Например, в соответствии с расчленяемыми глаголами **извергнуть** и **свергнуть; отторгнуть, исторгнуть, расторгнуть** выделяются приставки в основах слов **извержение, свержение, отторжение, расторжение**; с глаголами **принудить, вынудить — принуждение**, с **зато-**

[18] **В. В. Виноградов.** Современный русский язык, вып. 1, М. 1938, стр. 120.

чить, расточить — заточение и т. д. Подвергшиеся опрощению глагольные основы целиком отразились в именах существительных **восхищение** и **похищение, потребление** и **истребление, создание** и **назидание, получение, изнурение,** (сравн. **восхитить, похитить, потребить, истребить** и др.)

Несколько иначе обстоит с другой моделью имен действия — именами существительными, образованными безаффиксным путем (типа **вывих, проказа**[19]) от префиксальных глаголов. Этот структурный тип, в противоположность отмеченным именам действия на **-ние,** является непродуктивной моделью в современном языке. В связи со снижением активности сравнительно с древнерусским языком[20] данные имена существительные сохранились не от всех глаголов со связанными основами, а те, которые употребляются, в большинстве случаев утратили специфически отглагольный характер, получив предметные значения, напр., **подлог** от **подложить, объем** от **обнимать** и др. Сказанное отнюдь не означает, что среди имен существительных этого типа, произведенных от связанных основ, нет совершенно nomina actionis. В таких, как **подъем, прием** (прием студентов), **наем, найм** (наем рабочей силы) отчетливо выражен их глагольный характер. Но слова с таким содержанием среди имен, образованных от глаголов со связанными основами, единичны в современном языке. Утратой глагольности основами таких имен, изоляцией их от производящего глагола, по-видимому, и объясняется погашение лексического значения приставок в некоторых из них. При этом в процессе «опредмечивания» имен действия возможны различные степени удаления их значений от семантики глагола. До определенного времени отдельные значения, близкие к глаголу (места, результата, орудия действия) могут сохранять связь со значением глагола, что и обеспечивает известное сходство их морфологического состава. Так, глаголы **причалить** и **отчалить** имеют связанную основу (сравн. древнерус. **чалить** — «прикреплять». Сл. 1867, 4—893), потому что модификаторы основы — приставки со значением приближения и удаления легко сопоставляются. Производное **причал** — дей-

---

[19] Как имена существительные мужского рода, так и женского образовались исторически от глагольных основ с помощью родовых суффиксов -Ъ и -А.

[20] См. **П. А. Лавровский.** «Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке». ИОРЯС, т. 2, 1853 г., стр. 279 **и Г. И. Колеватова.** «Префиксальные имена существительные, соотносящиеся с глаголами» (Канд. дисс.). Л. 1954 г.

ствие, место действия и орудие действия (веревка, которой причаливают) также расчленяется. Производную основу имеет слово **вывих** — «смещение кости в суставе». Сравн. соврем. **вывихнуть** и **свихнуть** и древнерус. **вихать** — «сдвигать со своего места» (Сл. 1867, 1—267, Сл. Преобр., 1—85). Такое же явление наблюдается в **заслон** — «прикрытие, преграда» от **заслонить** < **слонить** (Сл. Преобр., 2—323). Расчленяемость **заслон** и **заслонить** обеспечивается наличием глагола **прислонить** — «поставить наклонно, оперев обо что-нибудь», и живыми приставками (**за** — «достижение результата», **при-** «приближение»).

В других группах слов со связанными основами наблюдается иная картина морфологического состава производных имен.

В современном языке сохранились имена существительные с древней основой **-ьм-, -им-** (**яти, иму** — «иметь»), соответствующие очень большой в прошлом группе глаголов со связанными основами: **обнять, разнять, поднять, принять, нанять, отнять, снять, занять** и др. В этих глаголах приставки имеют либо пространственное значение **(обнять, разнять, поднять, принять, отнять, снять),** либо переносные от пространственных значений, как в **нанять** и **занять.** Характерной чертой этих глаголов является то, что вследствие процесса переразложения в их основах появился «чужеродный» звук **-н-,** что затрудняет в отдельных случаях соотнесение глагола с генетически связанным именем. Переразложение в глаголах, вероятно, явление сравнительно позднее (имена существительные, образованные безаффиксным способом, в большинстве случаев этого звука не имеют). По своему лексическому значению имена существительные с этой основой могут быть разделены на две группы: в одну войдут имена существительные, главным значением которых является действие, процесс **(подъем, прием, заем, наем).** В этих именах приставки имеют то же самое лексическое значение, что и соответствующие глаголы — **поднять, принять, занять, нанять.** Другую группу составят имена существительные, утратившие значение действия, процесса, такие, как **объем, проем, пройма, уйма, пойма, сонм. Объем** — «величина чего-нибудь, измеряемая в кубических единицах, размер, величина вообще»; **проем** — «отверстие для двери», **пройма** — «прорез для рукава» < **проимать** — «прокалывать, делать отверстие» (Сл. Д., 3—1261); **уйма** разгов. — «множество» от **уяти** — «схватить, овладеть» (Сл. 1867, 4—804); **пойма** — «место, заливаемое во время половодья» от **поимать — пони-**

мать (о воде) — «покрывать» (Сл. 1867, 3—637, 717); **сонм** шутл. — «собрание» от **соимать** — **сън-имать** — «собирать». Сравн. древнерус. **сонм** — «собрание» (Сл. 1867, 4—383)[21]. Одни из этих слов сохранили в своем общем значении оттенки, вносимые приставками **(объем, проем, пройма)**, но значения приставок не воспринимаются изолированно от корня, что свидетельствует о совершающемся опрощении в этих словах. Что касается таких слов как **уйма, пойма, сонм,** то в них приставки совершенно срослись с корнями. Этому способствовали не только предметный характер данных имен существительных, но и неупотребительность производящих глаголов в современном языке.

Из всех глаголов с корнем **-верг-** (**свергнуть, отвергнуть, извергнуть** и т. д.) лишь от глагола **извергнуть** сохранилось генетически связанное с ним префиксальное существительное **изверг** — «жестокий человек, мучитель». Образованное от **извергать** — «выбрасывать» слово **изверг** в прошлом имело значение «выброшенный, выкидыш» (Сл. 1867, 2—520). В настоящее время имя существительное **изверг** изолировано от производящего глагола и других однокоренных в прошлом слов, в связи с чем приставка уже не имеет значения «движение изнутри» и не выделяется. При расчленяемом глаголе имя существительное подверглось опрощению.

Почти все глаголы со связанной основой **-лог- (-лож-)** — **заложить, сложить, наложить, подложить, выложить, возложить, положить,** а также **ложиться,** где **-ся** — словообразующий аффикс, — имеют значение конкретного физического действия, при котором ясна внутренняя форма слова, а следовательно — границы между приставками и «морфологическим комплексом — **ложить**»[22]. Благодаря тому, что приставки здесь обладают пространственными значениями и широко употребляются при образовании других глаголов, они легко могут быть выделены. Особняком стоит глагол **предложить,** в котором приставка утратила первоначальное значение.

Обратимся к именам существительным, производным от названных глаголов.

Залог, производное от **заложить,** в современном языке су-

---

[21] *Относительно происхождения и образования слова* **сонм** см. А. Мейе. «Общеславянский язык». М. 1951, стр. 274 и А. М. Селищев. «Славянское языкознание», 1, М. 1941, стр. 12.

[22] **В. В. Виноградов.** Современный русский язык, вып. 1. М. 1938, стр. 115.

ществует в двух значениях: «заклад» (отдавать в залог) и «символ, доказательство чего-либо» (залог любви). В обоих значениях имени пространственное значение приставки не ощущается, следовательно, она не может быть выделена (сравн. **залог** в значении действия по гл. **заложить** — положить за что-нибудь. Сл. Д., 1—1461, где приставка еще вносит значение «направление действия за что-либо, за пределы чего-либо»). Глагол **заложить** — «отдать в залог» понимается теперь как **отыменный** [23].

Утрачивает производность и основа слова **слог** — «стиль» сравнительно со старым значением действия по глаголу **сложить** — «положить вместе, соединить»:

«Слогом букв складываются слова» (Сл. Д., 4—257), сравн. СЛОГ — грамм. термин. Слово **полог** — «занавеска, закрывающая кровать сверху и с боков» — произведено от **положить** (Сл. Гор., 526, Сл. Д., 3—817) [24] — «класть». В связи с утратой значения действия (Сл. Д., 3—817) в слове **полог** произошло погашение результативного значения приставки.

Что касается обособленного от группы **сложить, заложить, наложить** и др. глагола **предложить,** который в прошлом имел значение «класть перед чем-нибудь» (Сл. 1867, 3—910, Сл. Д., 3—1007), то в нем пространственное значение приставки забыто; в новом значении глагола «потребовать, представить на обсуждение» оно не чувствуется. В свою очередь, производное от этого глагола имя **предлог** (Сл. Преобр., 1—449) изменило значение от старого «то, что лежит перед чем-нибудь» к новому — «внешний повод к чему-нибудь» (сравн. омоним **пред-**

---

[23] Там же.

[24] **Н. В. Горяев** Сравнительный этимологический словарь русского языка, изд. 2-е, Тифлис. 1896 г.

Преображенский сомневался в правильности такого толкования Горяевым производства слова **полог.** По мнению Прображенского, производству от **-лог-** «противоречит ударение. Не относится ли к **пола,** мн. **полы** в контаминации с **лог?»** (Сл. Преобр., 2—95). Преображенский едва ли прав. Сравн.: **полог** церк. — вещи, отданные на сохранение, поклажа: Некогда же (евреин) предавъ ему (христианину) ковчегъ *с тысящами златницъ и отыде... христианинъ* же умысли на сердцы своемъ отрещися **полога** евреину. Прол. Ноябр., 11 (Сл. 1867, 3—668).

Об ударении, которое, по мнению Преображенского, является свидетельством производства не от **-лог-,** можно сказать следующее: в данном типе имен существительных при предметном содержании их основы наблюдается иногда перемещение ударения с корня на приставку, напр., **до́вод** — аргумент и **дово́д** — действие по глаголу **доводить,** как и **развод, привод; по́вод** — обстоятельство: от **поводить, во́зраст** от **возрастать** и др.

лог — грамматический термин, где приставка несет основную смысловую нагрузку в слове).

Из многих префиксальных глаголов, производных от старого **ректи** — «говорить», в современном языке употребляются **обрекать, нарекать, зарекать(ся), отрекать(ся), перекать(ся)**. Все они в той или иной мере связаны общим стержневым значением, сопоставляемостью приставок и должны быть отнесены к словам с одной связанной основой. Производные безаффиксным способом имена сохранились как от некоторых названных глаголов с корнем **-рек-**, так и от вышедших из употребления.

Оброк истор. — «плата за службу». Произошло от **обрекать** — «предназначать, осуждать» (Сл. 1867, 3—63). В настоящее время связь разорвана. **Отрок** — устар. «мальчик-подросток». Генетическую связь с **отрекать** — «отказывать, не допускать к чему-нибудь» (Сл. 1867, 3—260) вскрыл А. Мейе: «**отрок** имеет в качестве первого члена **от-**, тождественный приставке **от-** в **отыти, отходити**, выражающей отделение, и второго — тематическое имя типа *φόρος*; ср. **реку** — «я говорю»; образовано как **пророк**».[25] Слово **отрок** относится к древнейшим славянским. Первоначальное его значение — «не имеющий права участвовать в прениях на родовой сходке или на племенном совете». Так как древнейшей группой отроков были несовершеннолетние юноши, подростки, то с течением времени это имя и стало для них нарицательным.[26]

Пророк — предсказатель будущего. Старое значение приставки **про-** аналогично современному значению приставки **пред-**. Сравн. **прорекать** церк. — «предсказывать» (Сл. 1867, 3—1164), **прозирать** церк. — «предвидеть» (Сл. 1867, 3—1121). В современном языке в этом значении приставка **про-** не употребляется. Опрощение в слове **пророк**, таким образом, обеспечивается предметным содержанием и непродуктивностью значения приставки.

Порок — «недостаток, позорящее свойство». Восходит к глаголу **порекать** — «осуждать». Сравн. **пороковать** «обвинять, порекать»:

Аще кто законный бракъ порокуетъ, а будетъ проклятъ.

---

[25] **А. Мейе**, Общеславянский язык. М. 1953, стр. 301.

[26] См. Сл. **Преобр.**, 2—200 и **Л. П. Якубинский**, История древнерусского языка. М. 1953, стр. 57.

Кормч. (Цит. по Сл. 1867, 3—793). Значение приставки в настоящее время неясно.[27]

Урок. Старое значение — «оклад, определенный доход»:

А ее **уроци** судебные: от виры 9 кунъ (Рус. Правда) и «срочное, уговоренное для чего-нибудь время»:

А отсидятъ те люди **урокъ** свой, и они потянутъ (будут принадлежать) в мою дань. Акты ист., 1—136 (Сл. 1867, 4—752). Таким образом, при наличии в современном языке расчленяемых глаголов со связанными основами, восходящих к **ректи,** и корневого имени **рок** — «судьба», буквально «назначенное время», откуда этимологическая связь с другими образованиями от того же корня,[28] в префиксальных **порок, пророк, урок** и др. корень и приставки не выделяются, так как связи между всеми этими именами, с одной стороны, и между именами и членимыми глаголами **отрекаться, перекаться** и пр., с другой, в современном языке нет.

Следовательно, имена существительные, произведенные от глаголов со связанными основами безаффиксным способом, нередко подвергаются опрощению независимо от тех отношений, которые складываются в группах глаголов со связанными основами, и независимо от особенностей структуры основы производящего глагола.

Из приведенных наблюдений можно сделать следующие выводы:

1. Группы префиксальных глаголов со связанными основами образуются не только при архаизации или утрате из языка производящих (корневых) глаголов, но и при изменении семантики производящего слова или группы производных от него.

2. Глаголы со связанными основами сохраняют производность, т. е. отделяемость приставки и корня до тех пор, пока вся группа объединена известной смысловой общностью, заложенной в первичной основе, пока в модификаторах основы — приставках сохраняется лексическое (или грамматическое) значение, благодаря чему представляется возможность их сопоставить. Как только глагол изменяет значение, порывает лексические связи с группой, исчезает возможность сопостав-

---

[27] Глаголы **пророчить** и **порочить** исторически не могли быть производящими для **пророк и порок,** о чем свидетельствует изменение согласного основы к > ч.

[28] **Б. А. Серебренников.** К проблеме типов лексической и грамматической абстракции. Вопросы грамматического строя. АН СССР. 1955, стр. 60.

ления, в глаголе начинает осуществляться опрощение, образуется новая непроизводная основа.

3. Опрощение может произойти как в глаголах конкретного физического действия, так и в глаголах с отвлеченными значением.

4. Производные от глаголов со связанными основами имена действия в отношении опрощения обнаруживают различные возможности: суффиксальные образования с суффиксом **-ниј(е)** обычно находятся в тесном семантическом единстве с глаголами, поэтому полностью отражают отношения морфем, складывающихся в основе производящего глагола. В именах существительных, образованных безаффиксным способом, опрощение может осуществляться независимо от производящих глаголов и проявляться с большей интенсивностью.

PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

В. А. ЮРИК

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В советском языкознании за последние годы много внимания уделялось разработке ряда проблем, связанных с глагольными грамматическими категориями. Однако морфология и синтаксис глагольного слова представляются настолько ёмкой областью исследования, что далеко не все относящиеся сюда вопросы разрешены достаточно ясно и полно. К ним можно отнести и вопрос о составе и сущности формы сослагательного наклонения глагола.

Эта форма, состоящая, как известно, из частицы **бы** и глагольной формы прошедшего времени,[1] бесспорно представляется аналитическим образованием, напр.: **Читал бы, сидел бы** и под., причём, следуя терминологии ак. Л. В. Щербы,[2] компонент **бы** здесь можно считать «непременным» (ибо его наличие совершенно необходимо для выражения значения наклонения), а форму прошедшего времени — «основным» компонентом (ибо здесь выражено лексическое значение самого глагольного слова).

Следует, однако, отметить, что сочетание частицы **бы** и формы прошедшего времени имеет некоторые особенности, отличающие это сочетание от ряда других аналитических форм русского языка.

Если в целях удобства анализа рассмотреть отдельно ком-

[1] Распространённое определение формы сослагательного наклонения как состоящей из частицы **бы** и глагольной формы на **—л** представляется неточным, ибо ***погиб бы, промок бы*** и под. не имеют форм на **—л**. В то же время термин «форма прошедшего времени» удобен тем, что здесь говорится лишь о форме, а не о значении прошедшего времени.

[2] **В. В. Виноградов,** Русский язык. М. 1947 г., стр. 35.

поненты, например, аналитической формы сравнительной степени прилагательного **более красивый**, то можно заметить, что основной её компонент **красивый** имеет ряд грамматических значений, присущих этому компоненту и вне состава аналитической формы. Само по себе прилагательное **красивый** имеет значения мужского рода, единственного числа, именительного-винительного падежа и положительной степени сравнения, которую в составе аналитической формы оно меняет на сравнительную с помощью непременного компонента **более**. Таким образом, будучи в составе аналитической формы, слово **красивый** приобретает новое грамматическое значение, но, как можно видеть, не теряет при этом ни одного из значений, присущих ему и вне аналитической формы. В случае же сочетания **бы** и формы прошедшего времени последняя не только изменяет значение наклонения (изъявительное на сослагательное), но вместе с тем теряет своё временное значение прошедшего, присущее ей вне состава аналитической формы, ср.: **писал** и **писал бы, читал** и **читал бы** и т. п. На эту особенность и обратил в своё время внимание проф. А. М. Пешковский, который, характеризуя грамматическую природу сослагательного наклонения, писал:

«Относительно морфологической стороны сослагательного наклонения мы считаем не лишним отметить здесь, что это не составные формы, а простые с передвижным аффиксом: в составной форме обе части сохраняют своё значение (сравни «буду любить», «сказал было», «идёт себе»), в данных же формах (ходил бы, ходила бы и т. д.) первая часть теряет начисто своё значение прошедшего времени, и благодаря этому, она *сцепляется по смыслу с частицей «бы» так же прочно, как аффикс с основой в отдельном слове*».[3]

На тяготение некоторых частиц к морфемам указывает и ак. В. В. Виноградов:

«В грамматическом строе частиц обнаруживается множество переходных типов от слов к морфемам... тут встречаются агглютинативные частицы, уже теряющие свою иллюзорную самостоятельность «частичного» слова и почти превратившиеся в прилепы, в агглютинируемые префиксы или суффиксы».[4]

Действительно, в истории русского языка процесс превращения частиц в глагольные морфемы имел место. Так, своеобразными частицами-аффиксами сейчас являются возвратные частицы **-ся (-сь)** в глагольных формах. Однако утверждение А. М. Пешковского относительно морфемного характера час-

---

[3] **А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении, М. 1935 г., стр. 187.

[4] **В. В. Виноградов.** Русский язык. М. 1947 г., стр. 675.

тицы **бы** при глаголах представляется несколько поспешным и нуждается в анализе.

Академик В. В. Виноградов выдвигает несколько положений, относящихся к процессу перехода частиц в аффиксы, одно из которых он формулирует следующим образом:

«Прикрепление частицы ... к определённой категории слов является преддверием её перехода в «прилепу», в агглютинируемую морфему».[5]

Что касается частицы **бы**, то некоторые учёные, действительно, считают, что она прикреплена к «определённой категории слов», а именно — к глагольным формам. Так, например, проф. П. С. Кузнецов в курсе лекций по морфологии современного руского языка пишет следующее:

«Эта частица, какое бы место она ни занимала в предложении, всегда связана с глагольной формой (за исключением неполных предложений, где глагольная форма явно подразумевается)».[6]

Однако В. В. Виноградов указывает и на иные свойства частицы **бы**:

«Частица **бы**, сверх того, служит средством выражения разнообразных оттенков гипотетической модальности в безглагольных предложениях; например: **хорошо бы, если бы это так; недурно бы; лихо бы; пора бы»**;[7]

В самом деле, в русском языке случаи, когда частица **бы** функционирует в предложении, не будучи связана с глаголом, весьма многочисленны.

Вот некоторые примеры: «Надо **бы** по пути купить чего-нибудь» (Первенцев), «После моей смерти правительство должно **бы** опубликовать мою книгу» (Горький), «Да и тебе **бы** можно не попомнить этого матери» (Салтыков-Щедрин), «... а вам, действительно, пора **бы** насчёт души соображать» (Мамин-Сибиряк) и под.

Во всех этих предложениях частица **бы** связывается со словами категории состояния, а не с инфинитивами, и это подтверждается тем, что модальность предположительного долженствования, возможности, свойственная этим предложениям, выражена именно сочетанием **бы** и слов категории состояния. При связи **бы** с инфинитивом модальность была бы желательной:«купить **бы**», «опубликовать **бы**» и т. д. Кроме того, встречаются и такие предложения, в которых при наличии **бы** вообще нет глагольных форм: «Все **бы** ничего... одна» (Первенцев), «Да, да, да... раненько **бы**, раненько.» (Салтыков-Щедрин),

---

[5] Там же, стр. 676.
[6] Современный русский язык. М. 1952 г., стр. 284.
[7] **В. В. Виноградов.** Русский язык. М. 1947 г., стр. 673.

«И рад **бы** в рай, да грехи не пускают» (посл.) и под. Вряд ли здесь можно подразумевать какие-либо глагольные формы. Это скорее уже отстоявшиеся, утвердившиеся в языке модели безглагольных предложений с частицей **бы**.

В. В. Виноградов выдвигает ещё одно условие, способствующее, по его мнению, переходу частиц в аффиксы:

«Превращение частиц в агглютинативные морфемы связано с ограничением свободы их передвижения по предложению». [8]

С этой точки зрения частицу **бы** также нельзя признать глагольной морфемой. В предложении она весьма подвижна и, по выражению А. М. Пешковского, «. . . может быть в каком угодно (в пределах фразы) отдалении от своего глагольного компонента. . .» [9]

В русской лингвистической литературе делались неоднократные попытки более или менее точно определить местоположение частицы **бы** в предложении. Одно из распространённых мнений по этому вопросу высказывает, например, П. С. Кузнецов:

«Эта частица может занимать различное место в предложении, причём, если она стоит после глагольной формы, то обычно следует непосредственно за ней». [10]

Такое положение частицы **бы** представляется нейтральным, т. е. в этом случае она не несёт никакой иной нагрузки, кроме показателя гипотетичности действия или состояния, выражающегося в глагольной форме, например:
«Я приказал **бы** им боксировать вот здесь» (Горький), «Попал **бы** ты. . . в окружение, азотную кислоту стал **бы** глотать» (Первенцев), «. . . он один сумел **бы** прокормить целый уезд» (Мамин-Сибиряк) и под.

Некоторые учёные отмечают, что **бы** стремится следовать непосредственно за первым словом фразы. Так, например, считает ак. Л. А. Булаховский:

«**бы** — частица условной формы, возможная и при инфинитиве, легко передвигающаяся к другим членам предложения, особенно к первому. . .» [11]

---

[8] **В. В. Виноградов.** Русский язык. М. 1947 г., стр. 676.
[9] **А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. М. 1935 г. стр. 187.
[10] Современный русский язык. М. 1952 г., стр. 290.
[11] **Л. А. Булаховский.** Курс русского литературного языка. К. 1952 г., стр. 389.

Более точно определяет место частицы **бы** в предложении В. И. Чернышёв:

«В соответствии с интонационным центром частица «бы» переносится от глагола к словам, на которых стоит фразовое ударение». [12]

Последнее высказывание представляется весьма примечательным. Вполне вероятно, что в ряде случаев эта частица, кроме своей основной формообразующей функции, может приобретать и дополнительное, усилительно-выделительное значение. При этом она в предложении может следовать именно за тем членом, который говорящим известным образом акцентируется как условие, необходимое для реализации какого-либо предполагаемого действия или состояния. Так, если сопоставить следующие предложения: **Брат бы** дал вам книгу (а я не могу дать), **Книгу бы** брат вам дал (а рукопись не даст), **Вам бы** брат дал книгу (а другим нет), то можно заметить, что частица **бы** в них последовательно располагается после тех членов, которые, выделяясь, приобретают довольно заметный оттенок условия. Эти члены относятся говорящим в начало предложения именно с целью их усиления, выделения. Нужно сказать, что выделение и усиление какого-либо члена предложения всегда выражается интонационно. Как кажется, отмеченное выше положение частицы **бы** является лишь дополнительным к интонации экспрессивным средством акцентирования того или иного члена, который автором высказывания нагружается дополнительным условным оттенком. Вопрос о местоположении частицы **бы** в предложении вообще мог бы послужить темой специального исследования, и в этом плане соображение В. И. Чернышёва представляется не лишённым интереса.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что частица **бы** в предложении весьма подвижна и не удовлетворяет второму условию превращения частиц в аффиксы самостоятельных слов, выдвинутому ак. В. В. Виноградовым, с положениями которого можно целиком согласиться.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что частица **бы** не является глагольной морфемой: она не прикреплена к глагольным формам и в предложении обладает высокой степенью подвижности, выполняя функцию обобщён-

---

[12] **В. И. Чернышёв,** Описательные формы наклонений и времён в русском языке. «Труды ин-та русского языка АН СССР», т. I. М. 1949 г., стр. 234.

ного показателя ирреальной гипотетической модальности того или иного члена.

Однако говорить о неморфемном характере этой частицы вообще — будет, как кажется, неверным. Дело в том, что, следуя за первым словом высказывания (или придаточной части сложного синтаксического целого), она может вступать в тесную связь с другими частицами и союзами. В ряде случаев при этом образуются настолько тесные сочетания, что становится возможным говорить об особых видах союзов и частиц. Академик В. В. Виноградов выделяет такие союзы в отдельную группу и пишет следующее:

«Некоторые из союзов этого разряда (с модальной окраской гипотетичности — В. Ю.) представляют собою сращение частицы **бы** с относительными союзами или с фразеологическими единствами, образованными из предлога, указательного местоимения и относительного союза. Таковы: **чтобы, так чтобы, вместо того чтобы,** просторечное **кабы, как бы, когда бы, как будто бы...»** [13]

Здесь прежде всего заслуживает внимания самое наименование этих союзов [13] «сращениями». Это, действительно, сращения, неразложимые сочетания, в которых частица **бы** и может быть названа м о р ф е м о й (в союзах **чтобы** и **кабы** это закреплено и орфографически).

Но не во всех значениях и не все указанные В. В. Виноградовым союзы являются сращениями. Безоговорочно это можно принять, как кажется, лишь для союзов **кабы, вместо того чтобы, как бы, как будто бы, когда бы.** Что же касается союза **чтобы,** то степень спаянности его элементов **что-** и **-бы** представляется различной в зависимости от того значения, которое союз имеет в конструкциях разных типов.

Очень тесно связаны **что-** и **-бы** союза **чтобы** в тех случаях, когда он функционирует в целевых придаточных частях сложного предложения, например:

«Чтобы он не убежал, доктор запер все двери в комнате» (Мамин-Сибиряк), «Чертопханов... пихнул её ногой, **чтобы** она не пищала» (Тургенев), **«Чтобы** никто из нас не изменил друг другу, мы можем дать клятву на свечке» (Первенцев) и под. Здесь **-бы** нельзя отделить от **что-** каким-либо словом, не рискуя в корне изменить смысл всего предложения. Точно так же неразложим союз **чтобы** и в таких конструкциях, где он соединяет придаточную часть сложного предложения с глав-

---

[13] **В. В. Виноградов.** Русский язык. М. 1947 г., стр. 720.

ной, содержащей член с семантикой желания, долженствования, императива, например:

«Я сейчас скажу, **чтобы** дали чаю» (Чехов), «Вы хотите, **чтобы** я сошёл с ума?» (Эренбург), «Нужно, **чтобы** они скорее заняли город» (Эренбург) и под., или с семантикой опасения, боязни, например:

«Харитон Артемьевич страшно боялся, **чтобы** Полуянов не передумал за ночь» (Мамин-Сибиряк), «Аня... боится, **чтобы** кто-нибудь не выиграл» (Чехов), «...он не выходит из-за стола ни на минуту, боясь, **чтобы** без него не похитили стёклышек и копеек» (Чехов) и под. Во всех этих примерах союз **чтобы** имеет изъяснительное значение.

Однако в ряде конструкций этот союз ещё не представляет собой сращения, и частица **бы** здесь может быть отделена от союза **что** без особого ущерба для смысла всего предложения. Это, в частности, имеет место в таких конструкциях, где главная часть сложноподчинённого предложения содержит член с отрицательной семантикой, а союз **чтобы** имеет изъяснительное значение, например:

«Но незаметно, **чтобы** мастера буржуазной культуры возмущались сожжением книг, неугодных фашизму» (Горький), «Не думаю, **чтобы** деньги водились в вашем воздушном банке» (Лермонтов), «Впрочем, не должно думать, **чтобы** это он делал из любви и справедливости» (Тургенев), «Я сомневаюсь, **чтобы** это было вашим правом» (Горький) и под. В этих предложениях союз **чтобы** не представляет собой ещё такого тесного образования, как в двух предыдущих типах конструкций. Например, предложение: «Не думаю, **чтобы** это было так» — можно заменить синонимичным предложением: «Не думаю, **что** это было **бы** так», где частица **бы** отделена от **что**, а смысл предложения почти не изменился. Правда, в современном русском языке неразложимость союза **чтобы** настолько сильна в сознании говорящих, что конструкции, подобные последнему предложению, представляются в какой-то мере нелитературными, хотя иногда и встречаются у писателей, например, у Горького: «Не думаю, **что** Б. Шоу имел **бы** право ответить на приглашение в какую-либо страну так саркастически».

В пределах данной статьи невозможно, конечно, полно и всесторонне проанализировать все типы конструкций с союзом **чтобы** для показа различной степени спаянности его элементов, но и из приведенного материала уже становится достаточно ясным, что не во всех значениях этот союз представляется одинаково неразложимым.

В. В. Виноградов указывает и на другую группу союзов с гипотетической модальностью, он пишет:

«Сюда же (к первой группе) примыкают и фразеологические единства и сращения, представляющие собой сочетание частицы **бы** с союзами условными или уступительными, например: **если бы, добро бы, ежели бы, хотя бы** и т. п.»[14]

Как следует из цитаты, В. В. Виноградов включает в эту группу, кроме «сращений», ещё и «единства». Действительно, среди этих союзов имеют место такие, как **добро бы, хотя бы,** представляющие собой сращения, так как частица **бы** в них нормально не отделяется, и такие, как **если бы, ежели бы,** которые могут быть названы единствами.

Союз **если бы** является самым распространённым средством связи частей сложноподчинённого предложения с придаточной частью условия. Что же касается степени слияния его частей, то здесь можно сказать примерно то же, что уже было сказано о союзе **чтобы** в последней группе конструкций. Обычно союз **если бы** употребляется, не разделяясь на компоненты, однако у некоторых писателей встречаются также случаи его раздельного употребления, например, у Горького:

«**Если** Ленин не имел **бы** учения Маркса, то вместо того, чтобы строить по марксистскому плану, он потерял бы время на его разработку». О возможности раздельного употребления компонентов этого союза пишет и А. Б. Шапиро:

«...при союзах (если, ежели, коли) передвижка частицы **бы** более свойственна разговорной речи, но редко встречается в речи книжной».[15]

Следовательно, по степени слияния частицы бы и других компонентов союзов с гипотетической модальностью можно выделить следующие группы таких союзов: 1) абсолютно неразложимые союзы: **как бы, кабы** (разг.), **дабы** (уст.), **чтобы** (в целевом и некоторых других значениях), **хотя бы, добро бы** (разг.), **вместо того чтобы** и нек. другие; 2) союзы, разложимость которых, хотя и связана с известными стилистическими ограничениями, возможна: **чтобы** (в некоторых значениях), **если бы, ежели бы** (разг.) и некоторые другие.

Если в предложениях встречаются союзы второй группы (разложимые), то в этих случаях можно считать, что форма сослагательного наклонения образована обычным способом:

---

[14] **В. В. Виноградов.** Русский язык. М. 1947 г., стр. 720.
[15] Грамматика русского языка, т. II, часть 2. М. 1954 г., стр. 329.

частица **бы** и форма прошедшего времени глагола, хотя и в этих случаях частица в известной мере тяготеет к союзной морфеме. Если же в предложении встречаются неразложимые союзы, то вопрос о грамматической природе глагольной формы прошедшего времени, встречающейся в присоединяемых этими союзами придаточных частях сложноподчинённых предложений, представляется довольно сложным.

Некоторые учёные склонны видеть здесь так называемую «мнимую» форму прошедшего времени. На такой точке зрения стоит, например, проф. П. С. Кузнецов, который пишет:

«...в качестве сказуемого при **чтобы** стоит мнимая форма прошедшего времени (т. е. часть формы сослагательного наклонения)».[16]

И то, что автор здесь, действительно, отделяет форму сослагательного наклонения от сочетаний типа **чтобы**.... -л, видно из следующего его положения:

«Впрочем, в сочетании с **чтобы** может выступать в разговорной речи и не прошедшее время, а сослагательное наклонение, в свою очередь имеющее в своём составе **бы**».[17]

В качестве иллюстрации П. С. Кузнецов приводит здесь следующий пример: «Известно, наш брат старается сразу затуманить девке очи, чтоб они не зажгли его сердца, а сами подёрнулись бы по тебе грустью», не замечая, однако, некоторой несообразности. Здесь **зажгли и подёрнулись** можно рассматривать как однородные сказуемые (за что говорит, кстати, и союз **а**), т. е здесь обе глагольные формы имеют желательную модальность (цель). Однако при опущении частицы **бы** при глаголе **подёрнулись** (что для литературного стиля является даже нормой) модальность последнего остается без изменений: «Известно, наш брат старается сразу затуманить девке очи, чтоб они не зажгли его сердца, а сами подёрнулись по тебе грустью». Таким образом, частица **бы** при **подёрнулись** представляется излишней. Модальная окраска придаточной целевой части от подобного эксперимента ничуть не страдает, и форма **подёрнулись** выступает здесь как форма сослагательного наклонения и без частицы **бы** (в сочетании с **чтобы**).

Примерно такого же взгляда придерживается и А. Б. Шапиро, считая, что при **чтобы** в придаточной части имеет место форма прошедшего времени, лишённая конкретного временного значения, однако он замечает:

---

[16] Современный русский язык. М. 1952 г., стр. 291.
[17] Там же, стр. 292.

«Упрощая сущность описанного явления, можно рассматривать форму сказуемого придаточного предложения как сослагательное наклонение, частица **бы** которого примыкает к союзу **что**. Однако это неизбежно приводит к тому, что и в придаточных предложениях данного типа употребляется союз **что**, и фактически — к отрицанию наличия в русском языке союза **чтобы**...»[18]

Однако этот путь решения указанной проблемы не является единственным. Некоторые учёные форму прошедшего времени в сочетании с **чтобы** рассматривали как особое наклонение. Первым лингвистом, наметившим этот путь, был А. А. Потебня. В результате обстоятельного научного исследования большого языкового материала он пришёл к выводу о существовании в русском языке четырёх наклонений глагола: изъявительного, повелительного, условно-желательного и сослагательного. Последнее наклонение, по мнению А. А. Потебни, возникало в тех случаях, когда при сказуемом главной части сложноподчинённого предложения было отрицание, а придаточная часть присоединялась союзом **чтобы**, т. е. нечто подобное конъюнктиву некоторых западноевропейских языков в одной из его функций.[19] Вслед за А. А. Потебней шёл и проф. А. М. Пешковский, который о сочетании союза **чтобы** и формы прошедшего времени писал следующее:

«... происхождением этого союза объясняется и то, что он сочетается с прошедшим временем, тогда как по его значению к нему пристало бы скорее будущее время (ведь цель — впереди) ... В настоящее время оно сливается с союзом в одну составную форму подчинительного наклонения... (разрядка В. Ю.)»[20]

Но точка зрения А. А. Потебни и А. М. Пешковского в данном случае расходится с общепризнанной в настоящее время трактовкой наклонения глагола как категории прежде всего модальной. Устанавливая новое наклонение, необходимо устанавливать и новое модальное значение для этого наклонения, а «сослагательное» (у А. А. Потебни) и «подчинительное» (у А. М. Пешковского) наклонения выделяются их авторами не на основании модальности, но по функции (показатель придаточности), и поэтому не могут считаться приемлемыми. Кроме того, приняв эту точку зрения, в русском языке пришлось бы устанавливать для глагольной формы прошедшего

---

[18] Современный русский язык. М. 1958 г., стр. 367.

[19] **А. А. Потебня.** Из записок по русской грамматике. т. 2. 1874 г., стр. 207.

[20] **А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. М. 1935 г., стр. 427.

времени еще ряд наклонений. Дело в том, что эта форма может выступать в сочетании не только с союзами, но и с частицами, включающими в свой состав частицу **бы(б)**, в пределах простого предложения. Так, например, обычные русские «заклинательные» фразы «**Чтоб** ты пропал!», «**Чтоб** ты лопнул!» отнюдь не представляются придаточной частью сложных предложений. Это простые предложения с частицей **чтоб** (не **чтобы**). Кроме того, предложения с оптативной модальностью, например: «**Только бы** в силу платёж был!» (Л. Толстой), «**Лишь бы** уцелел карман!» (Эренбург), «**Лишь бы** ко мне на глаза не показывался!» (Салтыков-Щедрин) содержат частицы **лишь бы, только бы**, которые нельзя разложить без заметного изменения модальности и смысла предложений, так что и для этих случаев необходимо было бы наметить особое наклонение.

Думается, что такой путь навряд ли окажется практически удобным и приемлемым. Представляется более целесообразным считать, что в русском языке существует одна основная форма сослагательного наклонения в виде **бы** + глагольная форма прошедшего времени и её вторичные варианты, в которых это **бы** как морфема входит в состав союзов и частиц, представляющих собой непременные компоненты формы сослагательного наклонения в её вариантах.

Весьма убедительными в этой связи кажутся соображения Д. Н. Овсянико-Куликовского, который ещё в начале этого столетия писал:

«В современном русском языке частица **бы (б)** сливается с союзами: **если, что** в одно слово — **еслибы, еслиб, чтобы, чтоб**, так что в этих случаях форма сослагательного наклонения в живой речи ощущается — как если б она состояла из этих последних и прошедшего на -л или инфинитива. Форма сослагательного наклонения здесь будет «**еслибы знал**», а не «если знал бы» или «чтобы знал (знать)», а не «что знал (знать) бы». [21]

При таком подходе к трактовке форм сослагательного наклонения отпадёт необходимость как в установлении новых наклонений для русского языка, так и в установлении необычного функционирования формы прошедшего времени в качестве «мнимой».

Наконец, следует отметить, что опасения А. Б. Шапиро относительно того, что подобная трактовка якобы исключает существование в русском языке подчинительного союза **чтобы**,

---

[21] **Д. Н. Овсянико-Куликовский.** Синтаксис русского языка. М. 1912 г., стр. 125.

представляются лишёнными оснований. Наоборот, союз **чтобы** (как и другие союзы и частицы, включающие **бы** в качестве морфемы) в этом случае рассматривается как непременный компонент варианта формы сослагательного наклонения, сочетающий здесь эту функцию с функцией средства связи главной и придаточной части сложного предложения. Кстати, и сам А. Б. Шапиро в своих более ранних трудах придерживался подобной точки зрения.[22]

Из всего сказанного выше представляется возможным сделать и некоторые выводы:

1) Частица **бы** в составе аналитической формы сослагательного наклонения не является глагольной морфемой: она относительно подвижна в предложении и может функционировать и в безглагольных предложениях.

2) Частицы **бы** является морфемой некоторых неразложимых союзов и частиц, которые в сочетании с формой прошедшего времени образуют варианты аналитической формы сослагательного наклонения глагола, являясь их непременным компонентами.[23]

3) Представляется практически нецелесообразным устанавливать в русском языке дополнительные глагольные наклонения, связанные с различными образованиями, включающими частицу бы в качестве морфемы, ввиду многочисленности подобных образований и разнообразия оттенков их значений.

Таков один из путей решения этой проблемы.

---

[22] См. Грамматика русского языка, т. II, ч. 2. М. 1954 г., стр. 285, 334.

[23] Здесь следует оговориться, что некоторые союзы, включающие частицу **бы**, не относятся к рассматриваемой в данной статье проблеме, ибо они сочетаются с формами изъявительного наклонения глагола во всех трех временах. К таким союзам относятся: **как бы, будто бы, как будто бы** в сравнительно-уподобительных значениях, например: «Дерево **как бы спит**», «Он сделал такое лицо, **как будто бы** сейчас **заплачет**» и под.

PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ. ТОМ XXX. 1959.

Н. П. РАЗДОРОВА

ВЗГЛЯДЫ К. Г. ПАУСТОВСКОГО НА ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Советские писатели творят дело огромной исторической важности. Они — страстные пропагандисты идей Коммунистической партии. Их голос слышит многомиллионная аудитория, к которой они обращаются посредством художественных образов, посредством художественного слова. Мастерство писателя является необходимым условием доходчивости его произведений до народа. Живой, гибкий, безгранично емкий, способный передавать тончайшие оттенки мысли и чувства, несущий в себе все богатства народной речи язык писателя — один из важнейших и основных элементов этого мастерства. Как известно, язык — не только средство общения, но также зобразительное средство художника. Язык назван А. М. Горьким первоэлементом литературы, основным его орудием.

Советские писатели должны уметь использовать великие богатства русского языка, уметь «живописать словами», знать огромные возможности слова, уметь вскрывать нетронутые языковые богатства.

Работа Константина Георгиевича Паустовского над языком своих произведений органически связана с его общетеоретическими взглядами на язык и литературу, поэтому интересно рассмотреть их, так как это поможет лучше понять художественные произведения писателя.

Мысли о языке, его природе, о требованиях к языку художественной литературы разбросаны во многих произведениях и статьях К. Паустовского. Проблемам работы писателя над языком, вопросу словесного мастерства посвящена и книга «Золотая роза».

Вопросы сущности и характера русского языка, его роли в жизни нашего общества рассматриваются К. Паустовским с материалистических позиций. По справедливому утвержде-

нию писателя, всё, что нас окружает, находит свое выражение в слове; в мире нет ничего, что не было бы названо. Он пишет: «С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжкое громыхание грозы, детский шопот и шорох морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей — сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке то́чного выражения» [1]. И еще: «Мы часто говорим о богатстве и силе русского языка. И это верно. Нет более свободного, образного, точного и поистине волшебного языка, чем русский язык» [2].

К. Г. Паустовский прекрасно понимает, что подлинно художественное произведение не может существовать без совершенной словесной формы, которую может придать произведению только точный, ясный и экономный язык. Отношение писателя к слову, к работе над словом всегда осознавалось им как ответственная, трудная, добросовестная работа. Это — стремление наиболее точно выразить то, что выкристаллизовалось в сознании художника. Перед писателем огромное количество слов для выражения какой-либо определенной мысли, образа, напрашиваются десятки вариантов. Нужно воспитывать в себе умение тщательно отыскивать такое сочетание, которое вызвало бы у читателя нужные эмоции, нужное настроение.

Простое и точное слово правильно выражает мысль, оно свидетельствует о высокой языковой культуре писателя, о подлинном его мастерстве. «Самая действенная, самая потрясающая проза — это проза сжатая, из нее исключено всё лишнее, всё, что можно не сказать, и оставлено лишь то, что сказать совершенно необходимо». [3]

К. Паустовский — писатель, обладающий высокой культурой слова. Он знает силу слова и старается писать по известной формуле, «чтобы словам было тесно, мыслям просторно», он «чувствует» язык и умеет им художественно,

---

[1] **К. Г. Паустовский.** «Беспокойная юность». Собр. соч., т. 3. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 303.

[2] **К. Г. Паустовский.** «Счастливое время». Знамя. 1952 г. № 10, стр. 145.

[3] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М., 1955 г., стр. 163.

точно и ясно выражать свои мысли, умеет сжимать фразу, экономить слова. Несомненно, автор не имеет в виду какую-нибудь «поэзию намеков» и словечки-символы. Речь идет об отборе, о скупости в словах, о воздержании от ненужного расписывания каждого явления во всех подробностях, от «разгильдяйской манеры писать о необязательных и пустых вещах». [4]

К. Паустовский утверждает, что качество произведения в основном зависит от простоты и ясности художественной формы. Он пишет: «Простота говорит сердцу сильнее, чем блеск, множество красок, бенгальский огонь закатов, кипение звездного неба и лакированная растительность тропиков, напоминающая мощные водопады, целые Ниагары листьев и цветов» [5].

Русский язык богат и образен. С этим богатством надо уметь обращаться бережно, вдумчиво отбирать каждое слово по его назначению. Требования, предъявляемые К. Паустовским к языку художественного произведения, основываются на известном замечании А. М. Горького: «Всякий материал, — а язык особенно, — требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть» [6].

Нашим мастерам слова нелегко давалось совершенство их произведений. К нему они шли путем долгой, очень вдумчивой и кропотливой работы над каждой фразой, каждым словом. Искали же они слова ясного, народного, выразительного и фразы сжатой, скупой, лаконичной. Эти поиски продолжались до тех пор, пока не были найдены те слова, которые наикратчайшим путем раскрывали лицо героя, передавали все краски природы, давали оценку действительности.

О том, «как сложна эта работа, как труден подъем к простоте, знают все крупные писатели. Почти каждый из них прошел путь от обилия слов и приподнятости до суровости и сдержанности истинно прекрасного» [7].

В высказываниях о своей творческой работе К. Паустовский неоднократно подчеркивает то исключительное значение, которое он придает языку, лишний раз упоминая о трудности

---

[4] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2, ГИХЛ, М., 1957 г., стр. 614.

[5] **К. Г. Паустовский,** там же, стр. 666.

[6] **А. М. Горький.** О литературе. М. 1937 г., стр. 133.

[7] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М. 1955 г., стр. 171.

искусства писать просто: «Язык нашей социалистической эпохи должен быть богатым, простым и точным» [8]. Эта простота, утверждает К. Паустовский, не должна пониматься как бедность, гладкопись, как упрощенность. «Есть писатели, — говорит он, — которые «работают» двумя-тремя тысячами слов и таким образом сводят наш неисчерпаемо богатый язык до уровня языка самого примитивного» [9].

Эта скудность языка зачастую и выражается в отсутствии тех изобразительных средств, которые дают право называть язык художественных произведений образным, сочным.

Создать чудесную поэтическую прозу из самого простого неизысканного словесного материала — таково стремление К. Паустовского в его творческой работе над произведением. Языком героя повести «Беспокойная юность», старого наборщика типографии, мечтающего стать писателем, К. Паустовский говорит о своей мечте «довести слово до того, чтобы оно действовало на человека зрительным образом, подобно краске на полотне художника» [10] И он стремится «создать вещи зримые», стремится «не описывать, а показывать действительность, поступки и состояния людей» [11], руководствуясь горьковским принципом: писать так, «чтоб читатель видел изображенное словами как доступное осязанию» [12].

В большинстве произведений писателя прежде всего бросается в глаза простота языка, отсутствие сложных, необычных конструкций. К. Паустовский старается избегать многословия, стремится к стройности, к предельной ясности и точности речи.

Вот несколько строк:

«Посетители духана бросились к окнам. Мокрая толпа валила по мостовой. Впереди бежали мальчишки. За ними шел высокий и мрачный человек с ружьем, закинутым за плечо. Глаза его дико сверкали. Он гордо нес за хвост черного мохнатого зверя. С морды зверя падали капли дождя и крови.

---

[8] **К. Г. Паустовский.** «Как я работаю над своими книгами». Профиздат. М. 1934 г., стр. 21.

[9] **К. Г. Паустовский.** «Большие надежды». Новый мир. 1954 г., № 11, стр. 198.

[10] **К. Г. Паустовский.** «Беспокойная юность». Собр. соч., т. 3. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 329.

[11] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М. 1955 г., стр. 160.

[12] **А. М. Горький.** «Цели нашего журнала». Соч., т. 25, ГИХЛ. М. 1953 г., стр. 102.

Из соседней парикмахерской выскочил маленький старик с намыленным лицом. Мыло стекало на его серую черкеску. Он пощупал зверя и отшатнулся» [13].

Здесь писатель даже несколько скуп на слова. И именно эта скупость помогает читателю четко и ясно видеть, а значит, и чувствовать изображаемое автором событие.

Однако для того, чтобы писать сжато, нужно точное и полное знание того, о чем пишешь, чтобы можно было без труда отобрать самое интересное, самое значительное, не растворяя свое повествование излишними подробностями. А эта «сжатость дается исчерпывающим знанием», — говорит К. Паустовский [14].

Это высказывание писателя перекликается с известными горьковскими словами: «Для того, чтобы изображать эти явления (внутренней и внешней жизни — Н. Р.) ясно, выпукло и убедительно — требуется всестороннее и глубокое знание жизни в прошлом, знание текущей, творимой людьми действительности и знание языка — обширный запас слов, которыми оформляются наблюдения, впечатления, чувства, мысли» [15].

Особенно это важно, считает писатель, в характеристике героя произведения. Важно из его черт выбрать самую меткую, такую, которая сразу бы оживила человека, сделала его портрет осязаемым, как, например, мы наблюдаем у Чехова. «Порой от человека оставалась одна фамилия только — какой-нибудь телеграфист Ять. Но одной фамилии было довольно, чтобы читатель ясно увидел этого телеграфиста с его «извините за выражение» [16].

У К. Паустовского есть маленький рассказ «Музыка Верди». Там говорится о том, что раздраженный администратор швырнул на палубу окурок. «Командир мельком взглянул на окурок, и Вася Чухов тотчас же незаметно смахнул его за борт» [17].

В рассказе нет ни единой строчки, ни единого слова о блеске натертых и начищенных медных частей на корабле, о не-

---

[13] **К. Г. Паустовский.** «Колхида». Собр. соч., т. 1. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 531.

[14] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М. 1955 г., стр. 163.

[15] **А. М. Горький.** «Цели нашего журнала». Соч., т. 25, ГИХЛ. М. 1953 г., стр. 102.

[16] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде». М. 1955 г., стр. 163.

[17] **К. Г. Паустовский.** «Музыка Верди». Собр. соч. т. 4. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 507.

сравненной и традиционной чистоте на судне. Всё это сказано в одной фразе об окурке, который матрос незаметно и поспешно смахнул за борт.

Однако далеко не сразу пришел писатель к ясности и сжатости языка своих художественных произведений.

На раннем этапе творчества язык К. Паустовского отличался нарочитой цветистостью, условными красотами. Его увлекало подчас само звучание слов (вроде «печаль блещет опалами»). Если это было море, то это было «море вообще», а не определенное море. Оно соединяло в себе все краски, всю безудержную романтику, лишенную героев, реального географического положения и времени. Всё это было, сознает впоследствии писатель, «мишура, цветы из хорошо раскрашенных стружек, сусальная позолота» [18].

Уже в повести «Кара-Бугаз», названной Горьким в числе лучших произведений о нашей Родине, Паустовский проявил себя зрелым мастером. Правда, и здесь еще кое-что осталось от привычки к излишней изысканности изобразительных средств. Едва ли, например, можно назвать удачными такие выражения: «Жара низвергалась сверху белыми, как соль, широкими реками», «сухой, как проклятье, Мангышлак». Но такие изысканные выражения встречаются всё реже и реже.

К. Паустовский всю свою творческую жизнь терпеливо и настойчиво борется с этой своей склонностью к литературным реминисценциям и условным красотам. Все его книги становятся как бы полем этой неустанной борьбы, борьбы между жизненным опытом и воображением, борьбы за красоту против красивости.

Во многих своих высказываниях К. Паустовский выступает против мертвой пышности, сусальной красивости, цветистости фразы, при которых слово утрачивает свою четкость, ясность, перестает быть изобразительным средством в произведении. «Человеческая мысль превращалась в поблескивание стекляруса, шуршание надушенного шелка, в страусовые перья вееров и пену шампанского» [19], — писал К. Паустовский о поэзии Игоря Северянина.

Труд художника слова только тогда дает плоды подлинного искусства, говорит К. Паустовский, когда он крепко связан

---

[18] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 510.

[19] **К. Г. Паустовский.** «Беспокойная юность». Собр. соч., т. 3. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 322.

с жизнью, во всех её проявлениях. Он, подобно герою одной из новелл «Золотой розы», парижанину Шамету, собирает золотые песчинки — драгоценные слова, — чтобы создать из них золотую розу — законченное художественное произведение.

«Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутливая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца так же, как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, — всё это крупинки золотой пыли.

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму» [20].

В таком вот постоянном соприкосновении с жизнью, народом и создается богатство писательского словаря. Только тогда, замечает К. Паустовский, писатель сможет отдавать «драгоценные запасы образов и слов» [21] народу.

Живое ощущение слова, утверждает К. Паустовский, дается глубоким знанием жизни, знанием языка. Поэтому, говорит он, в начале своего творческого пути было трудно создать что-либо талантливое, художественно полноценное. Знания жизни были бедны, богатства языка — скудны.

Юношей писатель «ушел в люди, в ту житейскую школу, которую не заменят никакие книги и отвлеченные размышления» [22]. С этого времени все перемены в жизни писателя стали для него как бы подготовительной школой для будущего литературного труда.

В постоянном соприкосновении с жизнью, с народом создается богатство писательского словаря. Народ — создатель и носитель языка. Народом-языкотворцем справедливо назвал русский народ В. В. Маяковский. По мысли К. Г. Паустовского, «народ — не только собеседник и оценщик, но и соавтор» [23].

---

[20] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 498.

[21] там же, стр. 526.

[22] **К. Г. Паустовский.** «Далекие годы». Собр. соч., т. 3. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 298.

[23] **К. Г. Паустовский.** «Большие надежды». Новый мир. 1954 г., № 11, стр. 200.

Писатель убежден, что язык народа — сила величайшая, что только совершенное владение неисчерпаемыми богатствами народной речи приносит большие победы художнику.

К. Паустовский много ездил по России и в своих странствиях, дорожных встречах, соприкосновениях с различными людьми жадно прислушивался к языку народа. Он запоминал, вносил в записные книжки всё, что казалось ему особенно заметным, выразительным, новым. А потом из этой «кладовой» брал «пригоршнями мысли, сюжеты, образы и слова» [24].

Для того, чтобы полностью овладеть русским языком и «не потерять чувство этого языка, нужно постоянное общение с простыми русскими людьми», нужно тщательно изучать язык народа («главный и неиссякаемый источник языка»), язык колхозников, паромщиков, пастухов, пасечников, охотников, рыбаков, лесных объездчиков, бакенщиков, кустарей, сельских живописцев и всех тех бывалых людей, у которых что ни слово — то золото» [25].

Подчеркивая эту живую образность, богатство и точность речи, характерную для народного языка, К. Паустовский показывает, насколько природа слова близка к природе явлений, обозначенных этим словом. Такое объяснение родственной связи между словами «родник», «родина», «народ» К. Паустовский дает в «Золотой розе».

Простой лесник, большой любитель разбирать слова, говорит: «Да вот этот самый родник. Я это слово давно приметил. Всё его обхаживаю. Надо думать, что получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется — течет через всю нашу матушку землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как это складно выходит, — родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой» [26].

Кстати сказать, этот случай взят писателем из самой жизни. Накануне второго съезда советских писателей К. Паустовский рассказал о нем на страницах журнала «Новый мир» в статье «Большие надежды»: «Слова «родник», «родина», «народ» возникали и ложились в один поэтический ряд. ... Мне кажется, что вот такое осязаемое знакомство с языком, с первоначальной чистотой слова ценно и само по себе как

---

[24] **К. Г. Паустовский.** «Беспокойная юность». Собр. соч., т. 3. М. 1957 г., стр. 313.

[25] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 563.

[26] Там же, стр. 565.

обогащение нашего писательского словаря. Оно вызывает у нас страстную жажду познания русского языка во всей его сложности и красоте» [27].

Такое же внимание писателя привлекло и старое народное выражение «дремучие леса». Раскрывая богатое поэтическое содержание его, автор пишет в рассказе «Клад»: «Мы восхищались точностью русского языка. Действительно, лесные дебри как бы цепенели в дремоте. Дремали не только леса, но и лесные озера и ленивые лесные реки с красноватой водой. По берегам этих рек росли цветы «кукушкины слезы». В народе их зовут «дрёмой». Это растение было под стать дремучим лесам. Венчики «кукушкиных слёз» сонно висели, согнувшись до самой земли» [28].

Образно рассказано К. Паустовским о смысловых оттенках таких слов как «заря», «зарница», «истома», о разгадке есенинского слова «свей» (свеваемой ветрами песчаной ряби). Здесь писателем раскрывается и оживает корневая основа слов. И все эти слова не выдуманы, а взяты из живой народной русской речи.

Таким образом, в процессе творчества К. Паустовский приходит к интересным словесным открытиям, которые обостряют наше отношение к истории и значению слова.

Выразительность, точность и яркость многих произведений К. Г. Паустовского во многом обусловлена правильным, продуманным соотношением элементов литературного языка и народно-бытовой речи. Охотно пользуется писатель просторечиями, потому что они оживляют литературную речь, придают ей, по выражению В. Г. Белинского, русский народный колорит.

В «Рождении моря» в авторской речи К. Паустовский употребляет просторечие «продирался» вместо литературного «с трудом проходил»:

> «Пока Клава разглядывала сидевшего с Земляным рыжеватого молодого человека в сером костюме и гадала, кто он такой, по комнате проносился веселый гул: к столу **продирался** толстый и красный от негодования производитель работ на плотине товарищ Гармаш.» [29]

---

[27] **К. Г. Паустовский.** «Большие надежды». Новый мир. 1954 г., № 11, стр. 199—200.

[28] **К. Г. Паустовский.** «Клад». Собр. соч., т. 4. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 365.

[29] **К. Г. Паустовский.** «Рождение моря». Константин Паустовский. Избранное. Советский писатель. М. 1953 г., стр. 519.

Автор сознательно пишет «продирался» вместо «с трудом проходил», потому что это просторечное слово в данном контексте более подходит, чем его литературный синоним.

К. Г. Паустовский использует в своих художественных произведениях и диалектную лексику. Он считает, что в диалектах можно найти «непочатый пласт сильных эмоционально-экспрессивных средств. И юмор, и пафос доверия, нежности, дружбы, и пафос негодования, ненависти, и злая ирония в формах диалектной речи вырываются к читателю с потрясающей доходчивостью» [30].

Наши писатели-классики шли от общелитературного языка к местным говорам, из стихийного народного языка строго отбирали наиболее точные, меткие, наиболее веские, ясные и живучие слова. В произведениях лучших советских писателей (Л. Соболева, М. Шолохова, А. С. Новикова-Прибоя и др.) диалектные слова и выражения также не являются «инородными вкраплениями», а «заполняют пустоты, пробелы литературного языка, сообщая ему органическую пластичность, колоритность» [31].

Интересны высказывания писателя относительно употребления диалектных слов в художественном произведении. Эти высказывания целиком продолжают мысли классиков русской и советской литературы в этом направлении.

Местный язык «надо знать, надо изучать», — советует К. Г. Паустовский, — потому что диалекты содержат звучные и выразительные слова, которые могут обогатить язык. Но обогащение русского литературного языка за счёт местных слов, говорит К. Паустовский, требует «очень строгого отбора и большого вкуса, потому что есть немало мест в нашей стране, где в языке и произношении, наряду со словами — подлинными перлами, есть много слов корявых и фонетически неприятных» [32]. Поэтому диалектизмы писатель обязан отбирать осторожно, пользоваться ими умело, в меру необходимости, ибо «одно непонятное слово может разрушить для читателя самое образцовое построение фразы» [33].

Нельзя воспроизводить частное и случайное в языке, нельзя спускаться до языка натурализма, говорит К. Г. Паустовский.

---

[30] **Б. А. Ларин.** «Диалектизмы в языке советских писателей». Литературный критик. 1935 г., № 11, стр. 150.

[31] Там же, стр. 152.

[32] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 585.

[33] Там же, стр. 586.

Писатель решительно против того, чтобы «затапливать книги местными словами. Какое-нибудь зырянское слово, понятное в области Коми, мы не понимаем. В Рязанском районе есть много слов, совсем непонятных в Москве»[34].

Из своей писательской практики писатель приводит такой пример. Во Владимирской и Рязанской областях ему приходилось слышать много местных слов, некоторая часть их была малопонятной. Но его заинтересовало и привлекло своей выразительностью старое в этих местах слово «окоём» — горизонт. Ведь горизонт — это всё то, что «емлет око» — «окоём». Таким образом, это слово может вполне быть употребимым в произведении писателя, так как оно не лишено образности и понятно.

Для того, чтобы слово стало более понятным, совсем не обязательно делать авторские ремарки, сноски. Просто нужно это слово поставить в такое соседство с другими словами, чтобы его значение было понятно читателю сразу.

Нередко молодые писатели злоупотребляют местными речениями, засоряют свое письмо непонятными словами.

«Злоупотребление местными словами, — указывает П. Паустовский, — обычно говорит о незрелости и недостаточной грамотности писателя». Берутся эти слова «больше из щегольства, чем из желания придать живописную силу своей вещи»[35].

Известно, как решительно боролся М. Горький с этим недостатком. Предостерегая молодых писателей от неумеренного применения местных речений, он писал:

«Само собой ясно, что речевой язык остается в речах изображаемых литератором людей, но остается в количестве незначительном, потребном только для более пластической выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его»[36].

Размышляя о проблемах языка литературы, К. Паустовский отмечает, что наряду с обогащением языка за счет использования народно-разговорной речи, идет процесс словарного обеднения, процесс иссякания образных качеств языка.

---

[34] **К. Г. Паустовский.** «Как я работаю над своими книгами». Профиздат. М. 1934 г., стр. 21.

[35] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 586.

[36] **А. М. Горький.** «Беседа с молодыми». Собр. соч., т. 27. ГИХЛ. М. 1953 г., стр. 213.

Таким образом, «наш прекрасный, звучный, гибкий язык лишают красок, образности, выразительности, приближают его к языку бюрократических канцелярий» [37].

К. Паустовский с законной тревогой замечает просачивание в нашу литературу языка, «характерного для обывателя, бюрократа — языка плоского, стандартного» [38]. Писатель, отмечает он, вместо простых и хороших русских слов пользуется языком протоколов. И как пример такого «творчества» приводит слова, которые предпочитают писатели такого рода. Так, вместо «подарил» они пишут «преподнёс», вместо «пошел» — «направился», вместо «живет» — «проживает» и т. д.

Здесь же, кроме пристрастия к совершенно ненужным иностранным словам и нелепым сокращениям, бросаются в глаза тяжеловесные выражения, совершенно не свойственные самому духу русского языка. В качестве примера К. Паустовский приводит выражение «зажимщик критики».

Бережно относясь к слову, писатель должен считать себя обязанным бороться против того, что Горький называл «паразитивным» хламом. К. Паустовский как бы призывает продолжать начатую Горьким борьбу с небрежным отношением к слову, показывая, чему и как нужно учиться у классиков.

Одной из главных задач наших писателей К. Паустовский считает борьбу за «полноценный, бесконечно разнообразный и выразительный язык, достойный своего времени» [39].

К. Паустовский настоятельно советует не забывать призыва В. И. Ленина беречь русский язык, хранить драгоценное наследие наших классиков, могучие народные истоки русского языка.

«Никому не дозволено, — пишет К. Паустовский, — низводить язык нашего времени до косноязычной мешанины, особенно нам, получившим в наследство блистательный, отточенный, истинно народный и могущественный язык Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Горького, Чехова, Маяковского» [40]. Писатель справедливо утверждает, что будет величайшим преступлением перед культурой, перед своей родиной, перед чело-

---

[37] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М. 1955 г., стр. 170.

[38] **К. Г. Паустовский.** «Большие надежды». Новый мир. 1954 г., № 11, стр. 198.

[39] Там же, стр. 199.

[40] **К. Г. Паустовский.** «Большие надежды». Новый мир, 1954 г., № 11, стр. 199.

вечеством, если мы не будем беречь наш язык и позволим невеждам исковеркать его и свести до убогого косноязычия.

К. Г. Паустовский выступает в одинаковой мере как против неоправданного внесения в язык художественной литературы слов местных говоров и наречий, так и против излишнего заимствования из иностранных языков. «Засилие иностранщины» писатель считает одним из основных признаков обеднения языка. Он пишет: «Надо, наконец, решительно убрать из русского языка все эти «дезавуирования», «нормативы», «ассортименты» и всё прочее в этом роде... Не для того жили и писали на изумительном русском языке Пушкин и Лев Толстой, Горький и Чехов, чтобы их потомки утратили чувство языка и позволяли себе говорить на этой тошнотворной мещанине из плохо переваренной иностранщины и языка протоколистов» [41].

Нет смысла, утверждает К. Паустовский, употреблять такое тяжеловесное иностранное слово «ассортимент», когда есть у нас простые русские слова «подбор» или «выбор».

В жизни, говорит писатель, постоянно сталкиваемся с «вывихнутой» речью не только в учреждениях и на вывесках. Много искаженных слов проникает в газеты и, что всего обиднее, в литературу. И задача писателей наших — «быть в первых рядах борьбы за естественное развитие языка и за очистку его от всяческого сора». [42]

У К. Паустовского возникает даже мысль составить словарь и собрать в нем все «мусорные и мертвые слова, всю канцелярщину, иностранщину и пошлость, засоряющие русский язык». [43]

Писатель тонко чувствует красоту, силу и выразительность общенародного языка и поэтому борется против засорения русского языка иностранными словами, против коверканья русского языка.

Но следует отметить, что К. Г. Паустовский борется лишь против злоупотребления их вместо соответствующих не менее веских и значимых, но более понятных русских слов. Иллюстрацией теоретических взглядов художника слова на иноязычные

---

[41] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М. 1955 г., стр. 170.

[42] **К. Г. Паустовский.** «Поэзия прозы». Сб. О писательском труде. М. 1955 г., стр. 171.

[43] **К. Г. Паустовский.** «Золотая роза». Собр. соч., т. 2. ГИХЛ. М. 1957 г., стр. 576.

слова, доказательством того, что он сам не злоупотребляет ими, являются его произведения, написанные простым, чистым русским языком.

Вопрос об использовании диалектизмов и иноязычной лексики в языке художественной литературы стоит в каком-то смысле рядом с вопросом об употреблении писателями терминологической лексики. Это один из разделов общей проблемы о культуре писательской работы над словом.

Язык многих профессий, по мнению К. Паустовского, заслуживает пристального изучения как источник обогащения писательского словаря: «... в языке людей профессиональных — геологов, моряков, летчиков — можно найти большие словесные богатства».[44] С этой точки зрения техническая и научная литература может оказать писателю неоценимую услугу в его работе над произведением.

Задумав «Черное море», К. Паустовский изучал море, морское дело и язык моряков не только в общении с людьми этой профессии, но пользовался также справочными книгами для капитанов, штурманов — лоциями морей. Писатель был поражен великолепием языка моряков, его точностью и своеобразием. Лоции создавались через равные промежутки лет с начала XIX века, причем каждое поколение моряков вносило в них свои поправки. Поэтому здесь в какой-то степени была отражена картина изменения языка больше чем за век. Рядом с современным языком в лоциях существовал «язык наших дедов и прадедов», иногда в ином семантическом плане представали многие слова. К. Г. Паустовский приводит такой пример. В лоции «Черного моря» можно было встретить такое предложение: «Во время норд-оста берега покрываются густой мрачностью». Для наших прадедов «мрачность» означала черный туман, для нас она — наше душевное состояние.

Употребление терминов в специальной литературе, а также в разговоре людей, имеющих одинаковую профессию, оправдано. В художественном же произведении специальная терминология должна использоваться со строгим отбором; каждое узкоспециальное слово писатель обязан расшифровать.

Нередко начинающий автор, а подчас даже и опытный писатель пишет так, что понять его может только специалист в той или иной области человеческого труда.

В практике работы с молодыми авторами К. Паустовский

---

[44] **К. Г. Паустовский.** *«Как я работаю над своими книгами».* Профиздат. М. 1934 г., стр. 4.

неоднократно сталкивается с примерами подобного отношения к специальной лексике. Еще в 1935 году, выступая на литдекаднике «Молодой гвардии», К. Паустовский советовал молодому тогда очеркисту Яр. Мухину поработать над использованием языка летчиков, планеристов, о которых он писал. В его книге «Потомки Лилиенталя», — отмечал К. Паустовский, — содержались выражения, которые были непонятны человеку, далекому от планеризма.

Константин Паустовский считает, что из специальной лексики можно брать слова-термины, но только те, без которых писатель не может обойтись (описывая людей и обстановку, их окружающую, в связи с темой произведения). Сбязанность художника слова — разъяснить подобную лексику, подать ее так, чтобы она легко и незаметно усваивалась читателем-неспециалистом.

В области языка мастерство К. Г. Паустовского сказывается прежде всего в том, что средства выражения — лексику, обороты речи и пр. — он черпает из общенародного языка, постоянно заботясь об общепонятности художественного слова, о его выразительности, точности, простоте.

Выступая против засорения русского литературного языка иноязычной, диалектной и терминологической лексикой, К. Г. Паустовский не отвергает вовсе её, а использует в своих художественных произведениях умело, с тщательным отбором и вводит только там, где это отвечает задачам его художественного замысла.

Таким образом, умело синтезируя народно-бытовой язык и литературный, писатель достигает совершенного владения словом.

*

Высказывания К. Г. Паустовского о языке основываются на глубоком знании законов развития языка, тесно связанного с развитием народа, творца и носителя языка. Проблемы, поднятые писателем, имеют огромное значение в борьбе за качество языка советской литературы, в борьбе за смысловую точность, соответствие фразы и мысли, слова и действительности, за образное и смысловое богатство речи, за дальнейшее совершенствование русского литературного языка. Эти взгляды К. Паустовского на язык художественных произведений являются для нас своеобразным руководством в подходе к языку его собственных произведений.

PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ. ТОМ XXX. 1959.

Т. И. ПАБАУСКАЯ

РАБОТА А. П. ЧЕХОВА НАД ЯЗЫКОМ

(Три варианта рассказа «В море»)[1]

«В море» принадлежит к числу тех рассказов А. П. Чехова, к которым писатель вновь обратился в последние годы своего творчества. Известно, что большая часть произведений, отбиравшихся им из ранее созданных для напечатания в 90-ые — 900-ые годы, подвергалась, как правило, тщательному редактированию. Особенно внимательно подошел Чехов к подготовке текстов для собрания своих сочинений, которое начало выходить в издании А. Ф. Маркса в 1899 году. Благодаря такой часто неоднократной переделке, создалось несколько печатных вариантов одного и того же произведения, представляющих тем большую ценность для изучения языка Чехова, что рукописное наследство писателя очень невелико.

В статье сопоставляются три печатных редакции рассказа «В море»: самая ранняя, 1883 года,[2] и две последних — 1901 г.[3] и 1903 г.[4]

Тексты поздних редакций во многом совпадают, но сильно отличаются от журнального варианта. При переработке рассказа содержание его осталось прежним, все исправления касаются речевых средств и продиктованы, очевидно, новым отношением Чехова к содержанию.[5]

Рассказ «В море» в его первой редакции с точки зрения

---

[1] Статья представляет собою часть исследования о работе А. П. Чехова над языком его произведений в 90-ых — начале 900-ых годов.

[2] Журнал «Мирской толк», 1883 г., № 40.

[3] Альманах «Северные цветы». Изд. «Скорпион». М. 1901 г.

[4] Собрание сочинений А. П. Чехова, изд. А. Ф. Маркса, 1903 г., т. 12.

[5] «...состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны автора». (**В. В. Виноградов.** Язык художественного произведения. Вопросы языкознания. 1954, № 5, стр. 14).

построения и языка не выделялся из массы других небольших произведений раннего Чехова. Антоша Чехонте, совсем еще молодой писатель, в совершенстве владел трудным искусством пародирования. Элементы пародии на популярные в то время произведения нередко присутствуют в его рассказах, в целом не являющихся пародией. Этот прием Чехов в какой-то степени применил и в рассказе «В море», пародируя здесь некоторые черты, характерные для переводной приключенческой литературы, популярной среди мещанского читателя. Журнальный текст не имел подзаголовка «Рассказ матроса», но по речи главного действующего лица можно было безошибочно судить о его профессии. «Труженики моря», «черная бездна», «высокие волны», «в море добродетель — скучней штиля», «тьма, в которой мерещатся водяные» — подобных словосочетаний и предложений в рассказе было немало. В текст были включены не только «морские» выражения, но и ложнокрасивые, претенциозные определения и сравнения, излишние подробности, пространные рассуждения о матросской судьбе.

Но насколько удачно соответствовала такая форма воплощению художественного замысла? Ведь произведение явно отличалось от многих других рассказов Антоши Чехонте. Оно не могло быть названо юмористическим. Пороки буржуазного мира, его противоречия раскрываются не в форме их осмеяния, веселого иронизирования, как это нередко делалось молодым Чеховым. Чеховский прием неожиданной развязки никак не являлся здесь средством комизма, как в ряде других рассказов. И многие приемы, уместные в комических рассказах, не соответствовали содержанию, серьезности темы, и это создавало некоторую двухплановость произведения. Образы рассказчика и его отца были недостаточно индивидуализированы, несмотря на их «образную» речь. В них было много от шаблонных образов бывалых моряков. И поведение молодого матроса и его отца в конце рассказа до некоторой степени противоречило тому впечатлению, которое складывалось у читателя вначале.

Трудно с уверенностью сказать, где кончался пародийный момент. Некоторые элементы из названных выше появились в рассказе, вероятно, не преднамеренно. До какой-то степени они вообще были свойственны стилю раннего Чехова и имели параллели в комических рассказах того периода. Отдельные невыразительные сравнения, малоудачные определения, ненужные подробности могли оказаться в рассказе и в результате авторского недосмотра, спешки в работе. Судя по тому,

что редакция 1883 года не отличается особой тщательностью отделки, можно предполагать, что рассказ был создан за короткий срок. Разумеется, у Чехова в ту пору не было той высокой требовательности к себе, что в 90-ые годы.

Видимо, все это и послужило причиной переработки произведения в начале 900-ых годов, когда Чехов дал согласие на включение рассказа в альманах, а затем поместил и в собрание сочинений. Вторая и третья печатные редакции созданы опытным мастером. Пародийный план был значительно ослаблен, весь текст выправлен автором с той тщательностью, которая отличала Чехова-редактора в эти годы. Авторская правка коснулась почти каждого абзаца. Чехов переработал предложения, написанные не просто, в развязно-фамильярном или претенциозном тоне. Текст рассказа очистился от всего, что мешало «архитектурной стройности произведения», от ненужных подробностей и преувеличений, от стилистически неудачных оборотов.

Неизбежным следствием переработки произведения, написанного от первого лица, явилось изменение речевой характеристики рассказчика.

Речь молодого матроса существенно изменилась. Прежде ей был свойствен безапелляционный тон, его суждения о матросской натуре претендовали на обобщение, в рассказе о злополучной судьбе «тружеников моря» явно чувствовался оттенок бравады.

«Для человека, который привык к воде, как рыба, не существует холода и сырости. Если ему покажется холодно, он может выпить спирту».

«Водку мы пьем, как воду, — и странное дело: природа смеётся над нами. От водки наши мускулы делаются твёрже и крепче, а несдерживаемые страсти не ослабляют нас. Напротив, они делают нас тиграми».

«Слова, одно другого отвратительнее, вылетали из наших уст и уносились ветром в чёрную бездну. Ветру нравились эти слова: он не выкидывал нас в море, а, напротив, хохотал вместе с нами».

Герой выглядел бывалым рассказчиком. Он с первых же строк стремился заинтересовать слушателей, привлечь их внимание.

«Дрожали мы не от холода ... Дрожали и не от страха ... Мы дрожали от других причин».

Общий тон речи матроса в поздних редакциях иной. Теперь она окрашена в более мягкие, даже грустные тона.

Рассказчик повествует только о том, что испытывает сам, а о том, что выходит за пределы его опыта, говорит предположительно. Исчезли самоуверенность и развязность манеры речи. Цитированные выше предложения были вовсе сняты, а другие подобные им Чехов переработал.

«Человек, вообще, страшно развратен. Матрос же развратнее человека. Мало того, матрос развратнее животного, которое подвластно инстинкту» (1 р.[6]) > «Человек вообще гадок, а матрос, признаться, *бывает* гаже человека, гаже самого скверного животного, которое все-таки имеет оправдание, так как подвластно инстинкту» (2 р.) > «Человек по моему мнению, вообще гадок, а матрос, признаться, бывает иногда гаже всего на свете, гаже самого скверного животного, которое всё-таки имеет оправдание, так как подчиняется инстинкту» (3 р.).

Нетрудно заметить, что второй вариант во многом лишился категоричности суждения первой редакции благодаря добавлению глагола «бывает». Здесь, правда, остается без существенного изменения первая часть предложения.

В третьей редакции Чехов пошел дальше: в первую часть предложения вводятся вводные слова «по моему мнению», а также обстоятельственное слово «иногда», что превращает высказанную мысль в частное мнение одного человека.

Это подчеркивается и введением еще во вторую редакцию нового предложения, следующего за цитированными: «Может быть, я и преувеличиваю, но, мне кажется, у матроса больше поводов ненавидеть и бранить себя, чем у животного»; в третьей редакции оно дорабатывается: «*Может быть, я и ошибаюсь,* так как жизни не знаю, но *мне кажется,* все-таки у матроса больше поводов ненавидеть и бранить себя, чем у кого-либо другого».

Разница между первой и последней редакциями этого отрывка, как видим, очень значительная: от самоуверенного тона рассказчика в последнем варианте ничего по существу не остается.

Матрос ведет весь рассказ гораздо более просто, и это стремление писателя выправить слог повествования чувствуется почти в каждом предложении. Фразы, написанные «изысканно», непросто, или вообще устраняются или заменяются

---

[6] В работе приняты следующие условные обозначения: 1 р. — означает первую печатную редакцию 1883 г., 2 р. — текст 1901 г., 3 р. — текст 1903 г.

точными и простыми, лишенными всяких украшательств. Это касается как описаний обстановки, так и характеристики персонажей, их поведения.

«Дул холодный, сырой ветер. Он хлестал по нашим лицам, как плетью, и насквозь пронизывал наши верблюжьи куртки» (1 р.).

Во второй редакции текст становится короче и проще: устраняется сравнение «хлестал, **как плетью**», самый глагол «хлестал» заменяется более распространенным «бил», опущено и определение «верблюжьи» — все это были элементы того претенциозного, не простого языка, против которого боролся Чехов. Предложения приняли следующий вид: «Дул холодный, сырой ветер. Он бил по лицам и насквозь пронизывал наши куртки».

Однако и такой вариант не удовлетворил писателя, и в третьей редакции он снимает все второе предложение, оставив только первые четыре слова из первоначальных семнадцати: «Дул холодный, сырой ветер».

То же самое видим в следующих примерах:

«Мы бросали жребий и **дрожали от сладкого, томительного ожидания**» (1 р.).	«Мы бросали жребий» (2, 3 р.).
«Сотня толстых, мозолистых пальцев указала на меня» (1 р.).	«Указали на меня» (2, 3 р.).

В последнем предложении снимается стандартный эпитет «мозолистый» и явное преувеличение «сотня пальцев»; выше говорилось, что жребий бросали 22 человека.

«... сказал он мне, **кривя улыбкой свой мускулистый беззубый рот**» (1 р.).	«... сказал он мне» (3 р.).
«Я увидел **массу** бархата, **пуха** и кружев. Все это было залито **наркотическим** розовым светом, **исходившим от дорогой бронзовой лампы**» (1 р.).	«Я увидел бронзу, бархат, кружева. И все было залито розовым светом» (3 р.).
«Сын Альбиона вынул из кармана пачку банковых билетов» (1 р.).	«*Англичанин-банкир* вынул из кармана пачку банковых билетов» (2 р.).

На примере работы Чехова над рассказом «В море» хорошо видно, что означало известное его положение о необходимости убирать из произведения все лишнее.

Из поздних редакций устраняются такие подробности, как сведения о дальнейшей судьбе одного из матросов:

«Одно отверстие выпилил я собственноручно тонкой, как шелк, пилой, пробуравив предварительно стену матросским штопором, другое же вырезал ножом один мой товарищ, **убитый впоследствии молнией»** (1 р.).

Такое развернутое определение, содержавшее сообщение о дальнейшей судьбе матроса, совсем в рассказе не участвовавшего, было до какой-то степени уместно в первом, журнальном, варианте рассказа (подобными подробностями злоупотребляли авторы приключенческих романов), в поздних же воспринималось как совершенно лишняя, ненужная деталь.

С отказом от пародийных моментов связано и устранение такого характерного для приключенческой литературы приёма, как указание на точное количество времени, потребовавшееся для какого-либо действия.

«Я выпиливал **ровно десять дней,** товарищ — **пятнадцать»** (1 р.).	«. . . и оба мы работали *больше недели»* (2 р. и 3 р.).
«Десять минут мы стояли лицом к лицу» (1 р.).	«*Минут пять* мы простояли так лицом к лицу. . .» (2 р.).

Было снято и название судна «Принц Гамлет» как ненужная деталь, выпадающая из общего стиля рассказа. Предложения, в которых упоминалось это название, претенциозное с точки зрения Чехова начала 900-ых годов, были совсем опущены, как, например, то, которым начиналась журнальная редакция: «Пароход «Принц Гамлет» мчался на всех парах», или изменены.

«Под вой ветра и грохот «Принца Гамлета» раздавался громкий, пьяный смех. . .» (1 р.).	«Под вой ветра и грохот машины раздавался громкий, пьяный смех . . .» (2р.). «Раздавался громкий, пьяный смех. . .» (3 р.).

«Вой ветра и шум «Принца Гамлета» мешал мне слышать его слова» (1 р.).

«Вой ветра и шум парохода мешали мне слышать» (2 р.). «Шум парохода мешал мне слышать» (3 р.).

В текстах второй и третьей редакций меньше сравнений, чем в журнальном. Были сняты часто употребляемые, невыразительные сравнения:

«Голова моя горела, **как в огне**»> «Голова моя горела».

«Одно отверстие выпилил я собственноручно тонкой, **как шелк**, пилкой...»> «Одно отверстие выпилил я сам тонкой пилкой...»

Подобные же сравнения были устранены также вместе со всем предложением, в состав которого они входили.

«Принца Гамлета» качало в стороны, **как мелкую шлюпку**».

«Водку мы пьем, **как воду**...»

Чехов снял и ложнокрасивые сравнения первой редакции, ничего не добавлявшие в характеристике образа.

«Новобрачная... стройная, **как мечта**...»

В первой редакции было еще предложение, содержавшее подобное же сравнение:

«Я читал на её лице, если только способен грубый, каменный матрос читать на лицах с кожей тонкой, **как паутина**».

Во второй редакции сравнение было опущено: «Я читал на её лице, если только способен грубый, каменный человек читать на лицах, таких прекрасных лицах». Из последнего, третьего, печатного варианта Чехов вовсе устранил этот кусок текста.

В последнем тексте прибавилось сравнение лица старого матроса с печеным яблоком: «Мой отец, старый, горбатый матрос, с лицом, *похожим на печёное яблоко*...» Это очень выразительное сравнение заменило собой развернутое определение — «с лицом, **вымоченным в спирту**», в духе первой редакции, изобиловавшей подобными деталями, которые оказались совершенно чужды простому стилю последнего варианта.

Правка этого небольшого рассказа показывает, как углубилось изображение Чеховым человеческих чувств. Достигается это иной раз совсем небольшими изменениями в предложении. Например:

«Та, **багровая** от стыда, утвердительно кивнула головой» (1 р.)> «Та, *бледная* от стыда, утвердительно кивнула голо-

вой» (2 р.)> «Та, *бледная, не глядя на него,* утвердительно кивнула головой» (3 р.).

Во второй редакции Чехов заменил определение «багровая» другим: «бледная», но сохранил обстоятельство «от стыда» при определении. В третьей редакции это обстоятельство причины снято совсем без замены его каким-либо другим. Таким образом, о том, какие именно чувства должна была испытывать в описываемый момент молодая женщина, читатель теперь мог только догадываться. Но, лишившись, на первый взгляд, определенности первого варианта, предложение в его последней редакции приобрело более глубокое содержание.

Думается, что этому способствовала уже замена «багровая» — «бледная», произведённая во второй редакции.

Эти прилагательные вообще являются антонимами. Однако здесь, в данном контексте, разница между ними осознаётся скорее как разница в степени признака. И «бледная от стыда» выражало, пожалуй, более сильную степень чувства, нежели «багровая от стыда».

Последний же вариант — «бледная, не глядя на него» — говорит о более сложных чувствах, испытываемых молодой женой пастора, нежели только стыд.

Редакция этого предложения может, как нам кажется, служить примером реализации Чеховым его положения о том, что читатель должен сам домысливать многое в произведении.

Возможно, что чеховская сдержанность в изображении человеческих чувств, нелюбовь к громким словам сказалась и в переделке следующего предложения:

«Она ломала руки...» (1 р.)> «Она в отчаянии ломала руки...» (2 р.) > «Она стояла неподвижно и думала...» (3 р.).

Здесь опять замена одних речевых средств другими, как будто противоположными по смыслу. И в результате такой замены изображение становится глубже.

В данном контексте выражение «ломать руки» было не вполне уместным ещё и потому, что в предыдущих строчках говорилось: «Новобрачная п о д н я л а с ь, м е д л е н н о п о ш л а к нашей стене...»

В журнальном тексте 1883 г. было и такое предложение: «Пасторы имеют привычку беседовать по целым часам! — подумал я, **в отчаянии хватая себя за волосы**». Ранний Чехов нередко прибегал к подобного рода оборотам речи, когда описывались мнимо глубокие переживания «героев».

В юмористических рассказах это являлось одним из средств комизма. В анализируемом произведении такое предложение нарушало стиль второй редакции, и деепричастный оборот был опущен.

По тем же причинам сокращен (за счет подчеркнутых в примере слов) и отрывок:

«По телу отца пробежала судорога. Он нетерпеливо **топнул ногой** и спросил, который час».

Вовсе устранено было «многозначительное», но по существу малопонятное предложение: **«За его горбом рвалось на клочья старое сердце»**.

Некоторые исправления не связаны так непосредственно с речевой характеристикой рассказчика, как рассмотренные выше, а типичны вообще для чеховской работы над языком в поздний период.

Были доработаны не вполне точные предложения первого варианта. Например: «Новобрачная поднялась, медленно пошла к нашей стене и остановилась у самого моего отверстия». Во второй редакции определение «нашей» заменяется определительным придаточным предложением «где я стоял».

Более завершенным выглядит и следующее предложение:

«Мне показалось, что ветер разорвал «Принца Гамлета» на сто частей» (1 р.).	«Мне показалось, что ветер разорвал наш пароход на части, что мы идем ко дну» (2 р., 3 р.).

В первой редакции предложению была свойственна некоторая несерьезность тона, и это противоречило содержанию. Ведь предложение должно было передать состояние матроса, потрясенного циничной сценой купли-продажи человека, только что так неожиданно для него разыгравшейся в каюте. Устранив, как указывалось выше, название судна, Чехов заменил фамильярно-разговорный оборот «на сто частей» нейтральным «на части» и ввел еще одно придаточное: «что мы идем ко дну».

В работе над корректурой рассказа «В море» для его переиздания отразилась и тенденция к замене некоторых слов, бытующих, главным образом, в книжном языке, более распространенными, проявившаяся в редактировании целого ряда произведений в последние годы творчества.

«Мало того, матрос развратнее животного, которое **подвластно** инстинкту» (1 р.) > «... матрос, признаться, бывает

иногда гаже всего на свете, гаже самого скверного животного, которое все-таки имеет оправдание, так как **подчиняется** инстинкту» (3 р.). «Одно отверстие выпилил я **собственноручно** тонкой, как шелк, пилкой...» (1 р.) > «Одно отверстие выпилил я **сам** тонкой пилкой...» (3 р.). «Может быть, я и **преувеличиваю**...» (2 р.) > «Может быть, я и **ошибаюсь**...» (3 р.).

Чехов стремился избежать близкого соседства одинаковых слов, одних и тех же выражений. Если такие случаи были в первой редакции, они устранялись при переработке. Одновременно вносились исправления с целью добиться большей точности.

Так, в рассказе дважды и почти рядом встречалось выражение «кивнула головой»: «Она отошла и кивнула своему пастору головой» и «Та, багровая от стыда, утвердительно кивнула головой». Во второй редакции предложения были переработаны и одним из результатов этой переделки явилось устранение такого повторения. Фразеологический оборот «кивнула головой» был оставлен только во втором случае; в первом же оказалось: «... она отошла и, остановившись среди каюты, *кивнула* своему пастору *в знак согласия*». Предложение стало точнее по смыслу, так как выражение «кивнуть головой» не обладает однозначностью («кивнуть головой — делать легкие наклонные движения головой в знак приветствия, согласия, утверждения» [7]) Благодаря добавлению сочетания «в знак согласия», стало ясным, в каком именно смысле понимать это выражение.

Словосочетание «отскочил от отверстия» меняется на «отскочил от стены». От первого варианта Чехов отказался, вероятно, из-за его неблагозвучия: здесь трижды повторялся слог «от», причем во втором и третьем случае эти «от» находились рядом, не будучи разъединенными другими слогами.

Как уже говорилось выше, поздние редакции очень близки между собой. Основные изменения были внесены в текст при подготовке рассказа к переизданию в 1901 году. Однако, решив включить рассказ в собрание сочинений, Чехов вновь внимательно его исправляет, несмотря на то, что со времени правки произведения для альманаха прошло всего полтора года.

Некоторые примеры исправлений, внесенных в корректуру текста для собрания сочинений, приведены выше. Одним из

---

[7] Словарь русского литературного языка АН СССР, том 5, М.—Л. 1956, стр. 931.

отличий последней редакции являются также вводные слова, вставленные при чтении корректуры и отсутствовавшие в журнальном варианте.

«Минут пять мы простояли так лицом к лицу...» (2 р.).	«*Вероятно*, минут пять мы простяли так лицом к лицу...» (3 р.).
«Она отошла и, остановившись среди каюты, кивнула своему пастору в знак согласия» (2 р.).	«... она отошла и, остановившись среди каюты, кивнула своему пастору в знак согласия, *должно быть*» (3 р.).
«Англичанин-банкир вынул из кармана пачку банковых билетов и подал их пастору» (2 р.).	«Англичанин-банкир вынул из кармана *какую-то* пачку, *быть может,* пачку банковых билетов и подал пастору» (3 р.).

Несмотря на добавление вводных слов, выражающих предположение, а в последнем примере и неопределенного местоимения, окончательные варианты предложения более точны: матрос, наблюдавший за происходящим в каюте через небольшое отверстие в стене, мог только предположительно судить о том, что видел.

В процессе работы над корректурой рассказа для собрания сочинений Чехов исправил все не вполне удачные, неточные обороты, которые все же остались в редакции 1901 года. Так, в журнальном тексте имелось невыразительное и не совсем собственно понятное предложение: «... матрос... развратнее человека», перешедшее в несколько измененном виде и во второй печатный вариант: «... матрос, признаться, бывает гаже человека». Для третьей редакции оно переделано: «... матрос, признаться, бывает иногда гаже всего на свете».

В тексте, напечатанном в альманахе, имелось и еще одно подобное место: «... у матроса больше поводов ненавидеть и бранить себя, чем у животного». В редакции 1903 года предложение исправлено: «... у матроса больше поводов ненавидеть и бранить себя, чем у кого-либо другого».

Таковы исправления, внесённые Чеховым в текст рассказа «В море» при его переиздании, в результате которых весь стиль произведения стал единым, строго выдержанным, чеховским. Последняя правка позволила устранить те «маленькие шероховатости», которые оставались в варианте 1901 года.

Такая тщательная работа над языком говорит об очень большом чувстве ответственности перед читателями, с которым подходил Чехов к каждому новому изданию своих произведений.

PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITATES ZINĀTNISKIE RAKSTI
XXX SĒJUMS, 1959.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ, ТОМ XXX, 1959.

Т. А. ЯКУБАЙТЕ

О ЯЗЫКЕ ОДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА «НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ» 1747 г.

При изучении языка литературного произведения наибольшую трудность представляют произведения допушкинского периода.

Литературный язык допушкинской эпохи, естественно, во многих случаях не соответствует современным литературным нормам. При анализе языка произведения этой эпохи приходится особо отмечать и объяснять подобные отклонения от современной литературной речи. Это необходимо, во-первых, потому, что лексические и грамматические архаизмы иногда затрудняют правильное понимание текста. Во-вторых, отступления от современных грамматических норм и особенно от современной системы ударения могут создать впечатление, что писатель имел право произвольно обращаться с языком, игнорируя его нормы ради сохранения ритма, рифмы.

Глубокий анализ языка художественного произведения не только показывает, как писатель использовал многообразные богатства общенародной речи для глубокого и образного раскрытия содержания, но и указывает на то, что «писатель в своем творчестве не может вступать в конфликт с законами развития языка; не может безнаказанно, без глубоких на то оснований, нарушать нормы общенациональной речи» [1].

Настоящая работа не ставит своей целью дать полный анализ языка и стиля оды Ломоносова «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1747 года. Мы остановимся

[1] **Виноградов В. В.** О языке советских художественных произведений. Сб. Вопросы культуры речи. I. М. 1955 г., стр. 64.

только на тех языковых фактах, которые характеризуют оду как произведение высокого стиля, получают свое объяснение, лишь исходя из особенностей самого жанра произведения и особенностей литературного языка XVIII века.

Поэтическое творчество Ломоносова богато и разнообразно. Среди его литературных произведений мы найдем оды, трагедии, поэмы, лирические стихотворения, эпиграммы.

Одно из важных мест в творчестве Ломоносова занимает жанр оды. Всего вместе с переводами Ломоносов написал тридцать шесть од. Классическая поэтика делила все оды в зависимости от содержания на несколько разновидностей: оды торжественные, или похвальные, эпиталамические (т. е. посвященные чьему-либо бракосочетанию), духовные, погребальные и т. д. Ломоносов писал преимущественно торжественные и духовные оды. Особенно важное значение имеют его торжественные оды. Ломоносов сумел превратить торжественную оду из произведения чисто придворного характера, восхваляющего чьи-либо деяния, в подлинно художественное произведение, глубокое и многотемное по своему содержанию. Похвальные оды Ломоносова тоже связаны с определенными торжественными датами. Но их подлинное содержание далеко выходит за рамки восхваления определенного лица или события. Оды Ломоносова — это гимн науке и просвещению, гимн России, ее народу, ее неисчерпаемым богатствам.

Наибольшей глубины содержания, а потому и наибольшей простоты и конкретности в средствах поэтического выражения Ломоносов достиг в своей оде «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1747 года. Здесь Ломоносов прославляет мир и мирный труд, Россию, ее исключительные возможности и перспективы, ее талантливый народ и огромные природные богатства, прославляет Петра I, великого просветителя и преобразователя, который для Ломоносова воплощал в себе идеал просвещенного монарха.

С глубиной содержания сочетается простота и ясность языка. В оде отсутствует та образная и синтаксическая усложненность, та перегруженность различными тропами и инверсиями, которая характерна для некоторых других од Ломоносова и в особенности для произведений других поэтов, современников Ломоносова. Приведем для сравнения отрывок из драмы неизвестного автора, написанный в то же время, что и ода Ломоносова (примерно, в 1742 г.):

«Десницу мою врази, десницу всесильну
Познавше и державу в милости обильну,
Все уже под моими падоша ногами,
Что довольно можете видети вы сами». [2]

По сравнению с этими стихами ода Ломоносова воспринимается легко и просто:

«Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!»

Ода «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1747 г. представляет собой один из лучших образцов высокого стиля. Принадлежностью к высокому стилю и объясняются многие особенности языка этой оды.

* *
*

Высокий слог характеризовался прежде всего особыми **орфоэпическими нормами**, отличными и в известной мере противопоставленными нормам низкого слога.

Так, например, в высоком и низком слоге различно произносилось **подударное е** перед твердым согласным.

Как известно, еще в древнерусском языке исконное **е** или **е** < **ь** в сильном положении, находившееся перед твердым согласным под ударением, стало переходить в **о** с предшествующей мягкостью, например, **лёд, вёл, ёлка.** Между тем для старославянского языка этот процесс не был свойственным, поэтому в словах церковнославянского происхождения перехода **е** в **о** мы не обнаруживаем, например, **небо, перст, крест.** Сохранение подударного **е** перед твердым согласным было характерной приметой церковнославянского языка.

Именно церковнославянское произношение подударного **е** перед твердым согласным явилось одним из отличительных признаков высокого слога. Русская огласовка такого **е** признавалась приметой низкого слога. В «Российской грамматике» Ломоносова (наставление второе) различия в произношении **е** также связываются с различиями в стиле, причем переход **е** в **о** ограничивается лишь областью просторечия.

---

[2] **Соболевский А. И.** Ломоносов в истории русского языка (речь). СПб. 1911, стр. 3.

Это теоретическое положение не всегда последовательно выдерживалось в поэтической практике, но тем не менее церковнославянское произношение **е** гораздо чаще встречается в жанрах высоких, нежели низких, являясь одной из типичных черт поэтического языка XVIII века. Впрочем, такое **е** мы найдем еще у Пушкина и Лермонтова.

В оде Ломоносова 1747 года этот орфоэпический принцип высокого слога выдерживается довольно последовательно:

«В безмолвии внимай вселенна:
Се хощет лира **восхищенна**
Гласить велики имена».
«Сквозь все препятства он **вознес**
Главу, победами венчанну,
Россию, варварством попранну,
С собой возвысил до небес».
«Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век **живет**».
«Богатство, в оных **потаенно,**
Наукой будет откровенно».
«О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне **ободренны** . . .»
«О, ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью свой **дерзнет** . . .»

В приведенных примерах церковнославянское чтение **е** несомненно, т. к. оно подкрепляется соответствующей рифмой. Такое же чтение можно предполагать и в следующих случаях:

«И се Минерва ударяет
В верхи рифейски **копием,**
Сребро и злато вытекает
Во всем наследии **твоем**».

Копие — слово церковнославянское. Когда Пушкин в «Руслане и Людмиле» употребил рифму **копиём — кругом,** реакционный критик Каченовский назвал ее «мужицкой». В эпоху Ломоносова произношение **копием** с **ё** явилось бы еще более очевидным нарушением норм высокого слога.

«Плутон в расселинах **мятется,**
Что россам в руки **предается**
Драгой его металл из гор . . .»

Мятется — тоже церковнославянское слово. Это делает более очевидным произношение его с **е**, а не с **ё**.

Более сомнительна рифма:

«Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь **течет**;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей **цветет**».

В формах настоящего времени встречается **е** и в более позднее время, причем даже в низких жанрах, например, у Крылова:

«Расселись, начали квартет,[3]
Он все-таки на лад нейдет».

Очевидно, и рифму **течет — цветет** следует произносить с **е**, как это положено по правилам высокого слога.

Другая характерная орфоэпическая особенность высокого слога заключается в особом **ударении** для ряда слов.

В высоком слоге некоторые слова произносились с иным ударением, нежели в обычной разговорной речи и, следовательно, в низком слоге. Большинство из этих особых ударений восходит к церковнославянским или вообще к древнейшим славянским образцам.

Такие явления мы находим в рассматриваемой оде.

В древнейшую эпоху в славянских языках существительные женского рода на **-а, -я** с конечным ударением имели в формах им.-вин. мн. ч. ударение на окончании, например: **сестра — сестры́** (им.-вин. мн. ч.)[4]. Но такие формы им.-вин. мн. ч. совпадали с формами род. пад. ед. ч. Вследствие свойственного языку стремления избежать грамматической омонимии в этих формах уже на почве русского языка произошло передвижение ударения на один слог: **сестры́ > се́стры**. Но это явление позднее. В литературном языке оно получило широкое отражение лишь начиная с середины XIX века. В литературном языке XVIII века формы им.-вин. мн. ч. с новым ударением встречаются сравнительно редко, особенно в высоком слоге.

В оде 1747 г. мы находим эти формы со старым ударением:

---

[3] См. об этом в работе **Булаховского Л. А.** «Русский литературный язык первой половины XIX в.» М. 1954, стр. 150.

[4] См. **А. Мейе.** Общеславянский язык. М. 1951, стр. 323 и **Л. А. Булаховский.** Русский литературный язык первой половины XIX века. М. 1954, стр. 150.

«Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты,
На бисер, злато и порфиру,
На все земные **красоты,**
Во все **страны** свой взор возводит».

Подобные ударения нередки еще у поэтов первой половины XIX века. Например, у Пушкина в «Бахчисарайском фонтане»:

«Опустошив огнем войны
Кавказу близкие **страны** . . .»
«В тени хранительной темницы
Утаены их **красоты**». [5]

Архаичное ударение находим и в слове **подданство.**

«Толикое земель **пространство**
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое **подданство** . . .»

С таким ударением встречается это слово и позже, в начале XIX века. Словарь церковнославянского и русского языка 1847 года дает это же ударение.

Необычным для разговорной речи и восходящим к формам им.-вин. двойственного числа было, по-видимому, ударение в слове «рай»:

«Душа ее зефира тише
И зрак прекраснее **рая**».

Подобные формы находим у поэтов даже в более поздний период. Например, у Крылова:

«Торг слажен; и с того **часа**
Вступила в караул **Лиса**». [6]

Старое, архаическое ударение сохраняется у Ломоносова и в слове **дневное.**

«От блеску **дневного** светила
Он мрачный отвращает взор».

С таким ударением это слово употреблялось в литературном языке довольно долго.

Оно часто встречается еще у поэтов первой половины XIX века. Вспомним, например, известное пушкинское «Погасло дневное светило».

---

[5] См. **Булаховский Л. А.** Русский литературный язык первой половины XIX века. М. 1954, стр. 153.

[6] См. **Булаховский Л. А.** Цит. соч., стр. 182.

Особые ударения находим в наречиях:

«Науки пользуют везде,
Среди народов и в **пустыне**,
В градском шуму и **наедине**».

Все перечисленные примеры с особым ударением — это не случайные, употребленные лишь по прихоти поэта, а вполне закономерные формы, восходящие в большинстве случаев к древним славянским образцам и широко используемые в поэтической практике писателей XVIII — начала XIX века.

Лишь в одном слове особое ударение употреблено Ломоносовым, повидимому, лишь для рифмы:

«Тогда сокровище открыл
Какими хвалится **Индия**,
Но требует к тому **Россия**
Искусством утвержденных рук».

За такое ударение, несоответствующее нормам литературного языка, Ломоносова упрекали его современники. Впрочем, и сам Ломоносов, понимая неправомерность этого ударения, писал Шувалову: «Я подлинно знаю, что сия рифма... нехороша...»[7]

Лексика оды 1747 г. тоже типична для высокого стиля.

Непременной принадлежностью всякого произведения, написанного высоким стилем, были **славянизмы.** Преимущественное употребление их в высоких жанрах было теоретически обосновано Ломоносовым. Связанные с церковнославянской традицией, часто неупотребительные в обычной разговорной речи, славянизмы «возвышали» слог, придавая ему оттенок важности и торжественности.

В рассматриваемой оде, сравнительно небольшой по размерам, около 150 славянизмов. Многие из них, по-видимому, уже во времена Ломоносова настолько прочно вошли в ткань русского языка, что не осознавались как явления инородные и широко употреблялись не только в литературно-письменной, но и разговорной речи образованных слоев населения. К таким славянизмам можно отнести:

---

[7] См. Соч. **М. В. Ломоносова** с объяснительными примечаниями акад. **М. И. Сухомлинова**, т. I, прим. XV. СПб. 1891.

влажный:

«Там влажный флота путь белеет»;

мрачный:

«Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам»;

возвратила:

«Тебя в Россию возвратила»;

богатство:

«Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли»;

жизнь:

«И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит»

и многие другие. Большинство такого рода слов сохранилось до нашего времени и не представляет никаких затруднений для восприятия.

Более подробно следует остановиться на таких словах, которые и Ломоносовым, и его современниками вполне отчетливо осознавались как церковнославянские заимствования. Они не употреблялись в обычной разговорной речи и имели сугубо книжный оттенок, являясь характерной приметой высокого слога.

Сюда относятся прежде всего **лексические славянизмы: бряцает** (= звенит, ударяет в струны): [8]

«О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!»;

зиждитель (= строитель, основатель; ср. в современном сербском языке — **зидати** — «строить»):

«Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони . . .»;

зиждет:

«Где нет ни правил, ни закону
Премудрость тамо зиждет храм»;

клик: (= возглас, зов):

«Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик»;

плескание (= рукоплескание): [9]

---

[8] Здесь и в дальнейшем значения слов даются по «Словарю церковнославянского и русского языка», сост. II отд. Академии Наук Спб. 1847.

[9] См. вышеприведенный пример.

лик (= собрание, сонм):
«Доброт твоих прекрасный лик!»;

лики (= здесь в другом значении этого слова, «лицо, образ»):
«Все холмы покрывают лики . . .»;

отверзает (= открывает):
«И к счастью отверзает дверь»;

облобызала (= поцеловала):
«Тебя, прияв, облобызала»;

паки (= опять):
«Желая паки возвратиться
В твою державу от манжур»;

пастве (= пастбище):
«На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял . . .»;

рекла (= сказала):
«Сомненная Нева рекла . . .»;

се (= вот):
«Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена»;

секирным (от «секира» = топор):
«Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал»;

ток (= поток, струя):
«Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток»;

тщанием (= усердием, старанием):
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды»;

устам (= рту, губам):
«Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас . . .»;

зрак (= лицо, образ, вид):
«Душа ее зефира тише
И зрак прекраснее рая»;

беспреткновенну (= не имеющую препятствий):
«Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну . . .»;

напоят (= поит):

«Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет...»

Среди **фонетических славянизмов** отметим: 1) неполногласные сочетания: **градов, вран, драгой, отвращает, посрамляет, храм, страны** (в значении «стороны»), **превышает, премены, престаньте, превысоки реги, чрез, сребро, класы, злато, глас, главу, благословенны**;

2) слова со старославянскими **шт (щ), жд**, соответствующие русским словам с **ч** и **ж: дщерь, отвращает, хощет, провождали.**

Возможно, что и слово **смущался** тогда осознавалось как противопоставленное русскому **смучался.** Во всяком случае, еще в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года приводится **смучаться** с теми же значениями, что и **смущаться**;

3) из слов с начальным **е**, соответствующим русскому начальному **о**, в тексте имеются лишь **едина** и **еленей**;

4) отметим еще слово **дерзают**, которое относится к славянизмам по фонетическому признаку, т. к. имеется сочетание **-ер-** между двумя согласными, из которых второй твердый зубной.

Морфологические славянизмы не так многочисленны. В оде имеется несколько примеров с типично старославянской приставкой **воз-: возвеличен, возводить, возлюбленная, возвысил, вознес, воздать, воззри.**

Кроме того, имеются слова со старославянскими флексиями; например, флексия род. п. ед. ч. прилагательных женск. рода **-ыя (-ия)**, соответствующая русской **-ой (-ей)**:

«Что пестротою превышает
Одежду нежн**ыя** весны».
«Не знают строг**ия** зимы».

Кроме славянизмов, очень характерными для лексики высокого слога были так называемые **классицизмы**, т. е. слова, обозначающие различные явления античной мифологии и быта. Классицизмы в обилии встречаются в любом произведении высокого жанра. Есть они и в рассматриваемой оде: **Марс** (лат., бог войны), **Нептун** (лат., бог морей), **Плутон** (греч., бог земных недр), **Минерва** (лат., богиня мудрости, покровительница наук), **Борей** (греч., бог северных ветров), **Парнас** (греч., гора в древней Греции, где, согласно греческой мифологии, жили Аполлон и музы), **музы** (греч., девять богинь — покровительниц наук и искусств).

Грамматические приметы высокого слога в оде очерчены менее резко и отчетливо, нежели лексические. Здесь можно говорить, пожалуй, лишь о так называемых усеченных формах прилагательных и причастий.

Вопрос об усеченных формах освещен в нашей лингвистической литературе довольно скудно[10].

Известно лишь, что это искусственные новообразования, не соответствующие древним кратким нечленным формам и отличающиеся от последних в ряде случаев ударением.

Появление усеченных форм связано с распространением силлабической системы стихосложения, согласно которой каждый стих состоял из определенного числа слогов, обычно из одиннадцати или тринадцати. Чтобы этот принцип был выдержан, поэты иногда позволяли себе некоторые отступления от обычного словоупотребления, искусственно сокращая или распространяя слово. Сокращались не только прилагательные и причастия, но и другие части речи. Например, тот же Ломоносов употребляет **окол** вместо **около, нынь** вместо **ныне.** Однако из всех этих искусственных образований, по-видимому, наиболее устойчивыми оказались усеченные формы прилагательных и причастий. Они чрезвычайно широко употреблялись в поэзии XVIII века и в первой четверти XIX века, причем преимущественно в жанрах высоких. Еще у Пушкина усеченные формы довольно обычны, особенно в ранней поэзии.

Ломоносов, как и все писатели XVIII века, широко использует усеченные формы. Много их и в оде 1747 года:

«И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух»;

«Но кроткая Екатерина
Отрада по Петре **едина** . . .»;

«Хотя всегдашними снегами
Покрыта **северна** страна . . .»;
«Сие **злату** очистит жилу . . .»;
«Тогда **божественны** науки . . .»;

---

[10] Об этом см. **Винокур Г. О.** Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М. 1942. **Якубайтис Т. А.** О некоторых особенностях русской поэтической речи XVIII — начала XIX вв. Ученые записки Рижского пед. института, т. V. 1957.

«Вы, **наглы** вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена»;

«Как в Понт пловца способный ветр
Чрез **яры** волны порывает . . .»;
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде **новы**
Чистейшего ума плоды»;
«Воззри на горы **превысоки** . . .»;
«Воззри в поля свои **широки** . . .»;
«Коль многи смертным **неизвестны**
Творит натура чудеса . . .»;
«Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами **венчанну** . . .»;
«Россию варварством **попранну**,
С собой возвысил до небес»;
«В безмолвии внимай **вселенна** . . .»;
«Се хощет лира **восхищенна** . . .»;
«В стенах внезапно **укрепленна** . . .»;
«И зданиями **окруженна** . . .»;
«И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает . . .»;
«Богатство, в оных **потаенно**,
Наукой будет откровенно . . .»;
«Спешит в **неведомы** народы . . .»

Усеченные формы употреблялись лишь в стихотворной речи. Например, если в поэзии Ломоносова усеченные формы очень часты, то, как показывает наш анализ, в его прозаических произведениях они не встречаются.

К усеченным формам примыкают слова с усеченным префиксом:

«И на престол **взвела** с собою
Доброт твоих прекрасный лик!»

«Где солнца **всход** и где Амур
В зеленых берегах крутится».

В современном литературном языке эти слова имеют приставку **воз-: возвела, восход.** Ломоносов употребил их с приставкой **вз-**, хотя, по-видимому, и в то время нормальными были формы с приставкой **воз-**. Поэты XVIII и начала XIX века

довольно часто сокращали или удлиняли приставки на один слог в зависимости от требования ритма, причем эти сокращенные или удлиненные формы не соответствовали литературным нормам.

Например, у Лермонтова:

«Их **вспламенив** воображенье,
Повелевал он без труда».[11]

При анализе языка произведений допушкинской эпохи можно обнаружить лексические и грамматические архаизмы. В оде Ломоносова 1747 года мы найдем ряд таких архаизмов. Наличие их в оде тоже в известной мере связано с жанром произведения. Многие из этих архаизмов не употреблялись в разговорном языке уже в ломоносовскую эпоху. Они были свойственны только книжной речи, причем преимущественно высоким жанрам, т. к. наряду со славянизмами придавали речи торжественный, приподнятый тон. Из архаизмов такого рода отметим прежде всего целый ряд слов, которые либо совсем не употребляются в современном литературном языке, либо имеют другое значение. Сюда относятся такие слова:

пользуют:

«Науки пользуют везде . . .»

Это слово раньше имело два значения: более старое — «приносить пользу» и второе — «лечить». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова[12] указано лишь второе значение этого слова. У Ломоносова же оно употреблено в первом, более старом значении;

бисер:

«На бисер, злато и порфиру . . .»

Это слово употреблено у Ломоносова не в современном значении (мелкие стеклянные бусы), а в том значении, которое оно имело в церковнославянском языке (жемчуг);

наглы:

«Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь . . .»

Это слово также употреблено не в русском, а в церковнославянском значении (бурные);

способный:

«Как в Понт пловца способный ветр

---

[11] См. **Л. А. Булаховский.** Русский литературный язык первой половины XIX в. М. 1954, стр. 8.

[12] Словарь русского языка, составил **С. И. Ожегов.** М. 1952. стр. 507.

Чрез яры волны порывает».

Употреблено в старом значении (благоприятный);

внушив:

«Внушив рыданий наших слух,
Верхи парнасски восстенали...»

В церковнославянском языке **внушить** значило «внимать, слышать». Именно так это слово здесь и употреблено;

случай:

«В несчастный случай берегут».

Здесь это слово употреблено в старом значении (обстоятельство). Ср., например, у Грибоедова: «вельможа в случае...»);

порывает:

«Как в Понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает.»

В современном литературном языке имеется глагол **порываться** — делать порывистые движения, в переносном значении — настойчиво стремиться сделать что-нибудь[13]. Глагола **порывать** в современном литературном языке не имеется (не следует смешивать с ним омоним **порывать** — несов. вид от глагола **порвать**);

ужасный:

«Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони...»

А. Будилович отмечает, что слово **ужас** у Ломоносова значит «удивление».[14] По-видимому, и здесь «ужасный» употреблено в значении «удивительный, вызывающий удивление». Вряд ли это слово, примененное к «зиждителю мира», употреблено в его современном значении;

воставленных:

«Почувствуют и камни силу
Тобой воставленных наук».

В современном литературном языке глагол **восставить**, от которого образовано причастие «восстановленный», имеет значение «провести перпендикуляр».[15] Ломоносов употребляет причастие «воставленный» в значении «восстановленный»;

доброт:

«Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою

---

[13] См. Словарь русского языка, сост. **С. И. Ожегов.** М. 1952, стр. 515.
[14] **Будилович А.** Ломоносов как писатель. СПб. 1871.
[15] См. Словарь русского языка, сост. **С. И. Ожегов.** М. 1952, стр. 515.

Доброт твоих прекрасный лик!»

щедроты:

«Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют . . .»

«Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур,
В зеленых берегах крутится . . .»

Оба эти слова, как указывает А. Будилович,[16] являются у Ломоносова самым общим определением хороших свойств и качеств, благодеяний.

К лексическим архаизмам можно отнести и такие местоимения, как:

оными:

«Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал . . .»;

коих:

«Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток»;

толикое:

«Толикое земель пространство . . .»;

сей:

«Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас»;

токмо:

«И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть»;

тамо:

«Премудрость тамо зиждет храм»!

Остановимся теперь на архаичных **суффиксальных** образованиях. В оде имеются существительные на **-ство**, которым в современном литературном языке соответствуют существительные на **-ствие:**

спокойством:

«Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток»;

странствах:

«И в дальних странствах не помеха . . .»

С таким суффиксом эти существительные встречаются еще и в первой половине XIX века, например, у Пушкина:

---

[16] См. цит. соч., глава II.

«Не прерывается ничем спокойство ночи» («Бахчисарайский фонтан»);

препятства:

«Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну . . .»

Отметим еще слово **густость:**

«Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса . . .»

С суффиксом **-ость** это существительное в современном литературном языке не употребляется.

Из особенностей словообразования прилагательных отметим:

сомненная:

«В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна
Сомненная Нева рекла . . .»

сомненный:

«Сомненный их смущался путь . . .»

В современном литературном языке способ образования прилагательных от отглагольных существительных на **-ение** тоже является продуктивным. Но от существительного **сомнение** у нас не образуется прилагательного.

Следует отметить также некоторые архаичные грамматические явления, уже не свойственные, по-видимому, живому разговорному языку того времени. К ним относятся архаичные формы склонения. В оде их немного. Можно отметить лишь несколько примеров:

«Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство **по земли**».

Это — старая форма дательного падежа единственного числа существительных женского рода мягкой разновидности. Она долго держалась в литературном языке, причем не только в поэзии, но и в прозе. Встречается она даже у писателей первой половины XIX века.[17]

бреги:

«И бреги наконец теряет
Сравнившись морю шириной».

Согласно нормам современного литературного языка существительное **берег** имеет в им.-вин. пад. мн. числа окончание

---

[17] См. **Булаховский Л. А.** Цит. соч., стр. 64.

-а. Но, как известно, интенсивное распространение флексии -а началось сравнительно недавно. В литературном языке XVIII века окончание **-а** могли иметь очень немногие существительные, преимущественно обозначавшие парные предметы. Так, М. В. Ломоносов в своей грамматике указывает, что с окончанием **-а** следует употреблять только существительные **рог (рога), бок (бока), глаз (глаза)**. Существительное **берег** Ломоносов относит к числу таких слов, которые могли иметь обе формы: **берега** и **береги.**

Особо следует отметить формы родительного падежа единственного числа от существительных **мир** и **блеск:**

миру:

«Великое светило миру. . . .»

Впрочем, эта форма может иметь и другие объяснения. Возможно, что это дательный принадлежности, имевший широкое распространение в древнерусском языке.

блеску:

«От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор».

В современном литературном языке в этом случае следовало бы употребить род. п. на -а (**мира, блеска**). В XVIII веке еще не установились нормы употребления форм на **-а(-я)** и на **-у (-ю)**.Сам Ломоносов различия в употреблении этих форм связывал со стилистическими различиями. Так, формы на **-а(-я)** он считал более свойственными высокому слогу, а формы на **-у(-ю)** — низкому слогу. Но в своей поэтической практике Ломоносов часто отступал от этого принципа по разным причинам. В данном случае Ломоносов несомненно употребил окончание **-у** под влиянием просторечия, где установилась тенденция употреблять абстрактные существительные с окончанием **-у(-ю)**.

В оде имеются некоторые формы **деепричастий**, не отвечающие нормам современного литературного языка:

зря:

«В полях кровавых Марс страшился
Свой меч в Петровых зря руках. . .»

В современном литературном языке деепричастия несовершенного вида на **-а(-я)** не образуются от глаголов, не имеющих в основе настоящего времени гласных звуков (типа **ждать, рвать** и т. д.).

В литературном языке XVIII века и начала XIX века такие образования были возможны. Например, у Крылова находим:

«Такой же части **ждя**, чуть бродят полумертвы . . .»; [18]

завидя:

«Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою
Против тебя восстать войною».

Это — деепричастие от глагола **завидовать.** Следовательно, ему соответствует современное **завидуя.**

Такое образование не вполне ясно. Возможно, что на него повлияла форма **увидя**. Но можно предположить, что эта усеченная форма от **завидуя**.

Синтаксические особенности оды не столь многочисленны и выразительны, как фонетические, лексические и морфологические, поэтому рассматриваться не будут.

Анализ языка оды Ломоносова показывает, что своеобразие языка любого художественного произведения может быть понято лишь при условии конкретно- исторического подхода, при учете норм литературного языка соответствующего периода и особенностей жанра произведения.

---

[18] См. **Булаховский Л. А.** Цит. соч., стр. 129.

SATURA RĀDĪTĀJS
ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии 5

I. Art. Ozols. Raksturīgākās latviešu tautasdziesmu nominālās vārdkopas 7

А. Я. Озол. Наиболее характерные именные словосочетания латышских народных песен. Краткие выводы 51

2. A. Bojāte. Akuzatīva locījuma nozīmes tiešajā verbālajā pārvaldījumā jaunstrāvnieku publicistiskajos rakstos (Dienas Lapā) 55

А. Т. Бояте. Значения винительного падежа при глагольном беспредложном управлении. Краткие выводы 66

3. J. Kušķis. Intonācijas Grostonas un Meirānu izloksnē 69

Я. Я. Кушкис. Интонации в говорах Гростоны и Мейранов. Краткие выводы 80

4. М. Ф. Семенова. К вопросу о сочетаниях dl, tl 83

5. V. Beitane. Pirmie V. Šekspīra tragēdiju tulkojumi latviešu valodā 93

В. Я. Бейтане. Первые переводы трагедии В. Шекспира на латышский язык. Краткие выводы 119

6. A. Grīnblats. Postpozīta kopas homonimija mūsdienu angļu valodā 123

А. Я. Гринблат. Омонимия постпозитивных сочетаний в современном английском языке. Краткие выводы 136

7. З. А. Толмачева. Об образовании и распаде групп слов со связанными основами (на материале префиксальных глагольных основ) 139

8. В. А. Юрик. К вопросу о составе и функционировании форм сослагательного наклонения глагола в современном русском литературном языке 159

9. Н. П. Раздорова. Взгляды К. Г. Паустовского на язык художественных произведений 171

10. Т. И. Пабауская. Работа А. П. Чехова над языком (три варианта рассказа «В море») 187

11. Т. А. Якубайте. О языке оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1747 г. . . . 199

Latvijas Valsts Universitātes Zinātniskā bibliotēka

Parakstīta iespiešanai 1959. g. 7. augustā.
Papīra formāts 60×92¹/₁₆. 14,75 iespiedl.
13,27 izdevn. l. Metiens 520 eks. JT 03317.
Pasūt. Nr. 731.

Iespiesta LPSR Kultūras ministrijas poligrafiskās rūpniecības pārvaldes 3. tipogrāfijā
Rīgā, Ļeņina ielā 137/139.
Maksā 9 rbļ. 30 kap.

427825

Pamanītās iespiedumkļūdas

Lappuse	Rinda	Iespiests	Jābūt
50.	9. no aug.	Valodiņa	Valodiņas
51.	1. „ ap.	a также родительным объекта «пьяница-пахарь»).	«ьпяница-пахарь»).
56.	19. „ „	tévui	tēvui
56.	9. „ „	akuzatīvu	akuzatīvu
60.	21. „ „	raimiai	ramiai
65.	14. „ „	ciemiņa	ciemiņu
71.	15. „ aug.	sacamie	saucamie
75.	14. „ ap.	100	100,
78.	6. „ aug.	1920	1940
79.	11. „ „	rúoka	rùoka
128.	18. „ ap.	2.	124.
132.	20. „ aug.	(sēdi)	(sēdi),
132.	14. „ ap.	k o p a	k o p u
136.	7. „ aug.	kats	pats

127. lp. svītrojams piemēra f.

0510066595

[6]

9 rbj. 30 kap.

PT-75
30